

Этика успеха

Вестник исследователей, консультантов и ЛПР
Выпуск 8

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?

Соредакторы: В.И.Бакитановский, В.А. Чурилов

*Редколлегия: Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков,
И.М.Клямкин, А.Ю.Согомонов,
Ю.В.Согомонов, В.И.Шпильман*

Адрес редакции:

625002 Тюмень, а/я1230, Центр прикладной этики; тел/факс (3452)24 02 26
103070 Москва, Старая площадь, 10/4, “Югра”, тел/факс (095) 206 03 57
© Центр прикладной этики, 1996

**Тюмень-Москва
1996**

The Ethics of Success

*The Herald
of Researchers, Consultants & Decision-makers
Volume 8*

DOES NEW GENERATION CHOOSE THE SUCCESS?

Editors: V.I.Bakshtanovsky, V.A.Churilov

*Editorial Board: G.Batygin, Yu.Kazakov,
I.Klyamkin, A.Sogomonov,
Yu.Sogomonov, V.Shpilman*

Address:

The Centre for Applied Ethics. PO 1230 Tyumen 625002 Tel/fax (3452) 240226
“Yugra”. 10/4 Old Square, Moscow 103070 Tel/fax (095) 206 03 57

© The Centre for Applied Ethics, 1996

**Tyumen-Moscow
1996**

СОДЕРЖАНИЕ

Метафизика успеха

<i>А.Г.Асмолов</i>	
О моделях успеха в эволюции цивилизации (Заметки психолога к междисциплинарному проекту)	9
<i>В.Г.Иваницкий</i>	
Архетипы успеха в русских народных сказках	16
<i>Г.Л.Тульчинский</i>	
Неудача как стратегия успеха	28

Этос успеха:

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

<i>Б.В.Дубин</i>	
Эта нынешняя молодежь	33
<i>Н.Е.Покровский</i>	
Как реформировать океан? (Заметки неделового человека)	42
<i>В.С.Магун</i>	
От 1985 к 1995: революция притязаний	57

Правила игры:

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕФОРМА

<i>А.Ю.Согомонов</i>	
“Маза есть?” (Успех в культуре “нового поколения”)	71
<i>Т.Л.Клячко</i>	
Новое поколение выбирает... (О мотивации экономического образования молодежи)	79
<i>В.И.Шпильман</i>	
Модели успеха у будущих поколений	87

**Модели успеха:
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

<i>Д.И.Петросян</i> Молодежь хочет успеха и боится безработицы	96
<i>В.Н.Шубкин</i> Российская молодежь смотрит в будущее: надежда или ожидание катастрофы?	106
<i>А.В.Толстых, Н.Н.Толстых</i> Победитель не получит ничего	115

Этика успеха XXI века

<i>Л.А.Аннинский</i> Устать от России (Заметки на полях дискуссии в журнале “Московский клуб”)	126
<i>С.Л.Соловейчик</i> Этика заботы	134
<i>М.С.Жамкочьян</i> “Настойчивость ноги”: конец эпохи социализации	139
<i>В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов</i> Бремя успеха: проблематизация к этике XXI века	145

**Север. Воля. Надежда:
МОЛОДЫЕ УСПЕШНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ
ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА**

<i>Центр прикладной этики - Комитет по делам молодежи администрации Тюменской области Новое поколение выбирает успех? (Экспертно-консультативный практикум)</i>	<i>155</i>
<i>Центр прикладной этики -</i>	

Тюменский городской педагогический колледж N 2
“Утро после выпуска”: опыт игрового моделирования
моральных ситуаций педагогического успеха 184

*Тюменский государственный
нефтегазовый университет*
Успешные профессионалы региона:
модели вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня
(Анализ экспертного мониторинга) 204

Биография побед и поражений

Ю.К.Шафраник
“...Если косить сено, то лучше других,
если метать копны, то выше, чем у других” 218

CONTENTS

The metaphysics of success

<i>A.Asmolov</i>	
Models of success in the run of the civilization (Notes of the psychologist to the interdisciplinary project)	9
<i>V.Ivanitsky</i>	
Archetypes of the success in the Russian folklore	16
<i>G.Tultchinsky</i>	
Failure as a strategy of success	28

The ethos of success:

NEW GENERATION AND RUSSIAN CULTURE

<i>B.Dubin</i>	
This modern youth	33
<i>N.Pokrovsky</i>	
How is it possible to reform the ocean? (Notes of the non-businessman)	42
<i>V.Magun</i>	
From 1985 to 1995: revolution of the pretensions	57

The rules of games:

NEW GENERATION AND SOCIOCULTURAL REFORM

<i>A.Sogomonov</i>	
Success in the culture of the “new generation”	71
<i>T.Klyatchko</i>	
New generation chooses... (On the motives for the economic education of the young generation)	79

<i>V. Shpilman</i>	
Models of success in future generations	87

***The models of success:
NEW GENERATION IN THE
CONTEXT OF THE POSTSOVIET REALITY***

<i>D. Petrosyan</i>	
Young generation wants success and fears unemployment	96
<i>V. Shubkin</i>	
Russian young generation looks into the future: a dream or the fear of abyss?	106
<i>A. Tolstykh, N. Tolstykh</i>	
The winner rewards nothing	115

Ethics of the XXI century

<i>L. Anninsky</i>	
To be tired of Russia (Notes on the margins of the discussion in the “Moscow Club”)	126
<i>S. Soloveitchick</i>	
Ethics of taking care	134
<i>M. Jamkotchyan</i>	
The end of the epoque of socialization	139
<i>V. Bakshatanovsky, Yu. Sogomonov</i>	
The burdens of the success: problematization of the ethics of the XXI century	145

***The North. The Will. The Dream:
YOUNG SUCCESSFUL PROFESSIONALS
OF THE TYUMEN REGION***

*Center for the Applied Ethics -
Administration of the Tyumen Region,
Committee on the Youth Issues*
Does new generation choose the success?
(Expert-consulting practicum) 155

*Center for the Applied Ethics -
Tyumen City Pedagogical College N 2*
“Morning after the graduation”: the experience
of the game-modeling of the moral situations
of the pedagogical success choice 184

Tyumen State “Oil-Gas” University
Successful professionals of the region:
models of the yesterday, today and tomorrow
(Experts’ monitoring) 204

Biographies of the success and failure

Yu. Shaphranick
“...If I mow grass, I should do it best,
if I make haystacks, I should make them best” 218

А. Г. Асмолов

О МОДЕЛЯХ УСПЕХА В ЭВОЛЮЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

(Заметки психолога к междисциплинарному проекту)

Инициированный в рамках прикладной этики проект "Новое поколение выбирает успех?" предложен специалистам различных отраслей науки - социологам, культурологам, психологам - для развертывания в комплексный проект.

Я воспринимаю идею "новое поколение выбирает успех" как продуктивную и с самого начала хочу выделить несколько аспектов.

Либо идея - это диагноз, и тогда необходим целый ряд социологических обследований: выбирает ли новое поколение успех?

Либо - перед нами еще одна великая утопия: рожденный в этот мир приходит, чтобы все-таки найти свой успех.

За последним вариантом одновременно стоит то обстоятельство, что мы глубинно... гедонисты, - успех очень часто ассоциируется с гедонистской парадигмой. А за этим, в свою очередь, скрывающийся мышление "постулат сообразности": успех - это всегда стремление к гомеостазу. Итак, в этом варианте идея успеха - это, если угодно, возникающая в разных поколениях и в разных историях (именно в истории культуры) иллюзия об очередном "Городе солнца" в стиле a la Campanella для нового поколения.

Для меня ключевой вопрос идеи успеха связан с двумя типами ответов: не гомеостатическая ли это идеология (и тогда мы имеем дело с еще одной прекраснородушной организацией красивого общества, ибо то, что "красота спасет мир", только показалось Достоевскому), или же мы успех понимаем как момент развития, как момент целеполагания (тогда и неуспех окрашивается другим цветом, тогда и ошибки при выборе успеха оцениваются по-другому. (Как говорил старый психолог В.Келлер о шимпанзе, "бывают плохие и хорошие ошибки": ищет ли шимпанзе банан под ящиком, или она бежит в другом конце клетки). Мне крайне важны глубинные, методологические основания идеи успеха: не гомеостаз ли это, или же это то, о чем говорят и И.Пригожин, и Н.Моисеев, а именно - включение в неравновесный мир развития.

Идея успеха должна рассматриваться не как конечная, финалистская, а как идея, связанная с парадигмой неравновесия, с парадигмой поиска эволюцией иных путей развития (Топоров говорит о путях "иных" очень точно. До него Юнг говорил о "необщих" путях развития). Если я с самого начала вижу идею успеха в парадигме необщих путей развития в культуре, то тем самым снимаю с этой идеи предательскую одежду конфронтационности и говорю вслед за Кропоткиным: не является ли идея успеха таким же, как альтруизм, взаимопомощь, могучим фактором эволюции?

Вспомним великолепную книгу П.Кропоткина "Взаимопомощь как фактор эволюции", вышедшую в начале века. Она ведь недооценена, а за ней стояла очень простая мысль: если вы - дарвинисты (ни в кого не хочу кидать камни), то тем самым признаете, что только через антагонизм, только через борьбу, а говоря языком истории, только через неизбежные моря крови вы можете двигать историю. Да, вполне вероятно, что механизм антагонизма действует, но как важно понять, что находили свои пути к успеху и различные симбиотические группы. Как интересно то, что уже на уровне эволюции мы встречаемся с уникальными явлениями симбиоза, поддержки, чтобы двигаться к иным целям в развитии. И высота общества определяется тем, насколько в нем широко представлено разнообразие.

Теперь перейдем к собственно психологической характеристике идеи успеха. Успех - это, по сути дела, лакмусовая бумажка ценности целей той или иной личности или, если мы говорим о групповой динамике, целей той или иной социальной группы в культуре.

Психолог говорит: "Успех надо пережить". Пережить не в смысле хотения, желания, а, как отмечал Ф.Василюк, в смысле особой *деятельности переживания*. Как новое поколение переживает успех: как особого рода *деятельность*, когда невозможно по-другому; так же, как оно переживает смерть близкого человека? насколько успех манкируется? как он координируется в эволюционном контексте с другой категорией - категорией смысла, личностного или смысла жизни?

В своей жизни, с самого начала, мы обречены на то, чтобы переживать успех и неуспех. Однако эволюционный смысл успеха в культуре исследован совсем недостаточно. А для меня этот вопрос при анализе выбора, совершаемого новым поколением, один из самых интересных. Когда я думаю о том, что делает взрослое поколение по отношению к молодому... Мы удивительно боимся думать о деятельности переживания успеха не как о разъединяющей, а как объединяющей категории поколения. Мы удивительно не понимаем, что успех и идеал - это понятия очень родственные, что ценностная логика успеха, если угодно, как прожектора для высвечивания идеалов, крайне важна.

Далее я бы поставил вопрос о моделях успеха в тех или иных цивилизациях. Не хочу сейчас специально погружаться в этот вопрос, но Рим знал одну модель успеха, великая Иудея - другую. Римскую модель я называл бы "тоталитарной", а модель успеха в Иудее - "соборной". Подчеркну, что два "соборника" - Маркс и до него Иисус выдвигали именно коллективистскую идею успеха как идею именно объединяющую, высвечивая ее либо через заповеди, либо через картину светлого будущего. В последнем случае успех включен в идею развития свободной индивидуальности, - я имею в виду не конфронтационную логику зрелого Маркса, а его ранние "Экономические рукописи", где говорится о том, насколько можно жертвовать индивидуальностью ради успеха. Итак, две модели - соборный успех и римский тоталитарный.

Вместе с идеей успеха всегда появляется идея конца света. Будет ли этот конец света успешным - раем или неуспешным - адом? Рай и ад - это две модели целеполагания в культуре. Но есть еще и третья модель - модель чистилища, и М. Мамардашвили в анализе дантовских работ особое место уделяет тем, кто не попал ни в рай, ни в ад: они никто, они ничто, они готовы даже на ад. И в этом контексте - что выберет новое поколение? Для этого надо понять те процессы, которые сегодня происходят с поколениями.

Есть разные типы передачи опыта между поколениями. В традиционном - главным законом общения между поколениями выступает жесткая традиция. Другой тип - инструктаж и обучение: взрослая культура "вещает" идущим на смену. Взрослая культура в этой ситуации стоит как бы на Монблане и направляет информацию вниз, а молодежная культура выступает потребителем этой авторитарной по способу передачи информации. Эффективны ли сегодня и тот, и другой, когда молодежь говорит старшему поколению: "Вы довели страну до кризиса и сами не знаете, как жить. Какое же право вы имеете нас учить?"

В этой ситуации мы обречены на третий тип общения поколений - на сотрудничество с молодежной культурой. И когда в этом процессе возникают вопросы: "для чего?" и "куда идти?" нужен фонарь, и таким фонарем может быть представление об идеале и ряде связанных с ним успехов. Сегодня у нас нет ни рая, ни ада - некуда идти. Поэтому сегодняшнее поколение - поколение отыскивающих модель жизни. Поколение в поисках успеха (это - перифраз названия одной из книг Виктора Франкла - "Человек в поисках смысла". Вещи родственные, и не случайно возникают ассоциации).

По сути дела, перед нами рождение проекта "Молодежь в поисках успеха". Предстоит ответить: что такое успех? Да, здесь нужен дескриптивный социолог-диагностический анализ. Но не менее важно и конструктивное проектирование. Есть

экспертиза ситуации, а есть проектирование экспертизы. И я бы мечтал, чтобы этот проект был проектированием экспертизы, конструктивной экспертизой, в которой мы проектируем ситуацию. Мамардашвили очень любит говорить, что для того, чтобы изменить ситуацию, надо "ввязаться". Для меня это формула очень важна. Когда мы, группа экспертов конструктивного типа, смотрим на происходящие события, на молодежь, мы должны "ввязаться" и сказать, как Ростиньяк перед Парижем: "А теперь между нами..." Не потому, что мы мудрее молодежи, а потому, что мы в долгу...

Давайте поработаем кассандрами, пророками, давайте не бояться слова "Мессия". Создавая этот проект, мы можем оказаться неудачниками, а вдруг получим уникальный гибрид из идей соборного успеха, присущего российской ментальности, и идей успеха в его тоталитарной модели?! Вдруг в итоге появится то, что я называю "школа неопределенности как орган развития индивидуальности личности."

Продолжим эскизную характеристику психологических граней междисциплинарного проекта.

Проанализировав модели успеха, практикуемые у нас сегодня, прежде всего необходимо осознать, что мы - страна, влюбленная в кризис, страна, влюбленная в неудачи. На этом фоне разворачиваются все события. Вспомним Шолом-Алейхема: "Мне хорошо - я сирота". Так вот: в нашей современной социальной политике мы повторяем эту же фразу. Социальная политика России сегодня - это прямое бегство от ценности успеха. Но если уж заниматься социальной политикой, то надо поставить вопрос об идеалах, об успехе - для того, чтобы взвешивать через успех эти идеалы. Я не знаю, какую найти богиню для символизации идеи успеха, но любой из них понадобятся весы, и уж глаза у нее не будут завязаны, как у богини правосудия.

С идеей успеха связывается понятие "лидер". И если я ищу современную модель успеха, которую выбирает молодое поколение, новое поколение, то не могу не отбросить все прежние модели лидерства. Потому что у нас вся психология лидерства была психологией, в которой победителей не судят. А настоящая психология имеет общую систему кровообращения с этикой и должна быть той психологией, где победителей судят.

Очень важно различить модели целеполагания, успеха и - модели подкрепления. Надо сказать многим сегодняшним политикам, идеологам, экспертам: "Господа хорошие, вы предлагаете сегодня молодежи модели подкрепления и вознаграждения, а это павловские модели. Для вас есть успех и неуспех, соответственно - подкрепление и наказание. И это вы сегодня будете предлагать молодежи?" Успех надо резко развести с подкреплением в культуре. Нельзя работать с молодежью, как с собакой, которая выделяет слюну.

В теории и практике часто разделяют модели авторитарного и демократического лидерства. Но этих характеристик недостаточно. Успех лидера, учителя, пророка определяется тем, насколько этот лидер - учитель, Иисус, Ельцин - определяет зону ближайшего развития близких ему людей. По Выготскому, лидер тот, кто точнее всего подыскивает референтную группу и помогает ей в определении зоны ближайшего развития.

Мы должны сегодня попытаться сделать такую программу переживания успеха, которая помогла бы молодежи найти зону ближайшего развития, в которой она решала бы задачи не против нас, а вместе с нами. И тогда мы увидим, какова интеллектуальная и этическая высота решения этих задач.

Вернемся к общей системе кровообращения психологии и этики. Ситуация неопределенности предлагает логику успеха, как логику признания за каждым иных путей развития. Это значит пожать руку идее вариативной эволюции. Главное в ней - через успех поддержать вариации. Либо вы пойдете по пути селективного отбора и тогда сведете все в формуле "выживают выжившие", либо вы поймете, что для каждого найдутся варианты развития. И тогда мы не "отбираем" только сильных, способных победить и не поддерживаем лишь их, а (как японские педагоги) подсказываем молодым: дело не в том, чтобы ты сегодня обыграл того, кто бежит рядом по дороге, а в том, чтобы сегодня быть успешнее самого себя вчерашнего.

Если молодежь не будет воспринимать соцсоревнование или любой другой вид конкуренции как главную модель успеха, то мы придем к солидаристической культуре; перейдем от культуры полезности, где преобладает логика конечной цели, от финалистской культуры, обезличенной культуры, в которой всегда есть финал, - к культуре, где в спектакле нет финала, и это прекрасно, к культуре, где нет логики выживания, где главная логика - это Жить.

Повторяю: наша страна - страна, влюбленная в кризис, в распад - или же в мнимые идеи стабильности; такая страна всегда - слепая. Пока она не имеет модели проживания успеха и поиска успеха в культуре достоинства, она может многое натворить. Успех роднится с идеей инновации в контексте поиска. Если мы принимаем цепочку: успех - инновации - поиск (и тем самым - стремление к модели, в которой человек обретает уверенность в том, как он действует) - это один путь. А если мы принимаем модель влюбленности в неудачу, то доминируют уже не инновации, а аврал и мобилизация; тогда неизбежно, как показывает любая логика изучения стрессов, истощение. И можно прогнозировать для российской культуры летальный исход.

Мало того, что сегодня в своем государственном строительстве страна идет по модели влюбленности в неуспех, - мы

еще и подталкиваем к этой модели молодежь, оснащаем нашу культуру бюрократическими органами работы в неуспешной ситуации. Например, Министерство социальной защиты, - мы только "защищаемся", а не развиваемся. Федеральная служба занятости, - мы лишь думаем, как устроить безработных. Третий пример - Министерство чрезвычайных ситуаций.

Иными словами, каждый раз мы вносим идею конфликта и кризиса. Поэтому наша социальная политика - предельно авральная. Чем дальше так идем, тем больше будем плодить не социальных психологов, а социальных дефектологов. Все эти "органы" настроены на дефект, и как следствие - имеем большую дефектологическую державу. Абсурд: создавая эти органы, явно толкаем страну к пропасти. Мы уверяем, что дефектологический статус - это главный статус России. Если даже мы не видим следы дефектности, если даже их вообще нет, то они просто обязаны появиться, - не оставим же мы без работы Министерство соцзащиты! Нам нужен кризис! Все властные структуры мы делаем кризисными.

Все занимаемся консилиумом и никто - реабилитацией. Стала инвалидной культура, так как главная ценностная ориентация ее не на поиск, не на развитие, - а на выживание. Обсуждаемый здесь проект переживания успеха должен помочь осознать эти вещи, а рефлексия меняет ситуацию.

Еще раз - о самых главных моментах проекта.

Первое. Любые идеи успеха и неуспеха надо рассматривать в культурном контексте. Вне его - мы окажемся не знающими родства структуралистами.

Второе. Сам проект и поиск путей его успеха я рассматриваю как потенциальный факт эволюции. Он еще прозвучит в культуре. Он может повлиять на нее. Сегодня очень благоприятная для этого ситуация - никто не знает куда идти, а узаконивание не общих или других путей эволюции и логики сопричастности, в отличие от логики конфронтации, на самом деле не так уж и бессмысленно.

Третье. Проект должен жестко показать: какой дальше будет установка в социальной политике - на развитие или на выживание и дефект, - такое новое поколение мы и получим.

Мы недооцениваем роль перспективных целей. На выборах, которые произошли в декабре, победила коммунистическая модель успеха. Рай может быть только потерянным, и теперь для большевиков - блестящая ситуация. Они не успели довести страну до коммунизма, - отсюда эксплуатация идеи золотого века и потерянного рая. Если же мы сами будем конструировать включающую какие-то моменты соборного успеха модель целеполагания, то окажемся в выигрышной ситуации: в широком смысле тогда решаем политические, исторические задачи.

И последнее. Психоисторик - это тот, кто "ввязывается" в социодинамику жизни. Проект по характеру психоисторичен, мы должны "ввязаться". И тогда функция социальных архитекторов и психоисториков, которая объединяет этиков, психологов и культурологов, имеющих общую систему кровообращения, будет очень и очень эффективна. Я всегда вспоминаю слова: "Хитрая стратегия счастья заключается не в том, чтобы стремиться к счастью, а в том, чтобы ставить цели и достигать их".

Наша цель - сделать проект проживания новым поколением идеи успеха. И пусть неопределенность результата этого проекта будет тем посылом, который на самом деле поможет увидеть не только потерянный рай, но и пути между раем, адом и чистилищем, - других моделей мы не знаем.

Давайте, как Алиса, отправимся в Зазеркалье, давайте попутешествуем вместе с Маркесом (я имею в виду "Сто лет одиночества"), ведь только там могут происходить самые невероятные вещи.

В. Г. Иваницкий
АРХЕТИПЫ УСПЕХА В РУССКИХ НАРОДНЫХ
СКАЗКАХ

Осторожно: сказка!

Писатель В.Максимов так объяснил, отчего распались отношения сына, успешно адаптировавшегося за границей, с европейской девушкой: "Они разные сказки в детстве читали".

Глубоко верно, что спонтанно-нерефлектирующее поведение отдельных людей, трансакции в группе и, возможно, целостные ответы стран и народов на "вызовы" подчиняются определенным стереотипам. И это оправдывает интерес к "бессознательному" во всех видах, с одной стороны, к "исторической" и "национальной" психологии - с другой.

Этологи, имиджмейкеры, писатели-фантасты, авторы руководств по самореализации личности ищут как будто один и тот же универсальный инструмент, позволяющий исследовать текст и контекст культуры одновременно. Подобными поисками озабочены нео-софисты, идеологи-популисты, деятели квази-религии и псевдонауки. Термины "запрограммированность", "закодированность", переключаясь на страницы желтой прессы, стали достоянием масс: в эпоху компьютера исчезли нужда пояснять и желание доказывать их эвристическую действительность. Вопрос теперь стоит: что именно является программой?

Бум мифа породил массовое обращение и к другим базовым типам повествований, на атомарном уровне гипотетически совпадающим с конструкцией самого сознания, - к текстам, базирующимся на элементарных моделях-архетипах*, - от бредов и ЛСД-видений до легенд и житий.

Кроме того, проявилось и иное: желание интерпретировать любой ситуационно-символический тезаурус, - в т.ч. "массовое сознание", "национальную психологию" именно как такой текст.

Народная сказка удобна здесь со многих (взаимоисключающих на первый взгляд) точек зрения.

1. Трансакционный анализ всерьез и успешно работает со сказкой (мифом, легендой), видя в сказочном сценарии, выбранном личностью в детстве, набор руководящих

* Скептически относясь к юнгианству, я тем не менее считаю оправданным употребление термина "архетип" в культурологии, структурной антропологии, этнографии и психологии.

предписаний, регулирующих поведение и в конечном счете определяющих судьбу.

"Подобно древним мифам, множество жизненных драм популяризуется через детские сказки, рассказываемые в книгах, по радио, телевидению или в семейном кругу. Сценарий личности часто отражается в сказках, которые содержат как основные манипуляторские роли, так и сюжет, по которому эти роли исполняются"[1].

2. Своей формой сказки, особенно в писательской обработке (вспомним Л.Толстого), провоцируют к этической, морализаторской интерпретации*.

3. Сказка столь многомерна, что позволяет вычитывать содержание, однопорядковое с культурным уровнем читающего.

4. О сказках можно говорить не вполне ответственно, сказочные примеры зато обладают публицистической хлесткостью. Ср. такие тексты из Вестника "Этика успеха": "Побеждают не те, кто ждет, когда их печь поедет" (И.Хакамада); "А пашет пусть золотая рыбка" (Л.Жуховицкий).

5. Знакомство с ними с детства создает иллюзию хорошего знания сюжетов.

Особенно не повезло персонажам. Фанаты солярной теории упорно видели в Парисе, Черноморе - только тучу; в Елене, Людмиле - солнце; в Ахилле, Руслане - бурный ветер. Краткий период научного изучения сказок в наши дни грозит утонуть в разлитом море "постмодерна": Баба-Яга перебивала то йогом (!), то космическим пришельцем, то знаменем воинствующего феминизма[3]; Ивану-дураку "повезло" стать квинтэссенцией русского характера, инкорпорированного в традиции православного низового христианства, - юродство и даосскую мистику недеяния и т.д.[4] .

Сказки - краткая справка

Для адекватного понимания последующего нужно принять во внимание:

* Увы, уже сам А.Афанасьев в предисловии к своему собранию положил начало произвольным рассуждениям (в духе поздней романтической школы), толкованию "сути" сказок, как она отражена в народном характере: "Кроме поэтического и ученого достоинств подобного сборника, он может послужить для первоначального воспитания... Увлекаясь простодушной фантазией народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений", а нечаевец И.Прыжок нарек свой сборник "Поп и монах как прямые враги народа"[2].

- не существует "национальных" сказок в строгом смысле. Фольклорные сюжеты всего мира обнаруживают типологическое сходство, которое нельзя объяснить ни влиянием, ни общим источником;

- сказка устроена цепным образом: набрана из единиц-кирпичиков, отсюда бесчисленные варианты и контаминации сюжетов[5];

- поэтому анализ отдельной сказки имеет смысл лишь на фоне компаративных исследований всех подобных, - как внутри данной культуры, так и вне ее, чему помогают каталоги сюжетов. Например, "Колобок" в международной системе Аарне-Томпсона получает N2025, "Лиса и журавль" N 60. "Во многих русских текстах сюжет развернут неполно" [2,с.445];

- сказка близко граничит с другими родственными жанрами, особенно с мифом, часто содержит его ядро (mythos, собственно, означает "рассказ"). Мы будем говорить попутно и о легенде, басне, былине;

- сказка содержит память о ритуалах. Так, В.Пропп "извлек" из волшебной сказки модель мужской инициации - см.[7];

- сказки по типу делятся на сказки о животных, волшебные, социально-бытовые. Наиболее архаичен первый тип, нов - последний;

- в каждом типе сказок особая картина мира, по М.Бахтину, - "хронотоп". Только последний тип имеет хронотоп, по возможности приближенный к реальности, да и то с оговорками: Балда собирает дань (налог, недоимки), но - с чертей;

- авторские обработки (А.Пушкин, С.Аксаков, П.Ершов) и оригинальные сказки писателей (В.Одоевский, А.Погорельский) рассматриваются в данной работе вследствие близости фольклору и, что немаловажно, - в силу их гипертрофированной представленности в российском, советском детском чтении.

Обреченный на успех в сказочном хронотопе

Легко вывести поучительность сказок из того, что при социализации каждому отдельному представителю древнего коллектива, едва он вступал в определенный возраст, предъявлялся жесткий набор требований, а сказка задавала

* Какой воспитательный смысл в плохом конце сказки "Колобок"? Может ли она послужить формированию у ребенка сценария зазнайки-неудачника - в случае его отождествления с колобком - или коварного сладкоречивого хитреца (вариант лисы)? Нужно ли искать плоскую мораль - "не уходи от бабушки и дедушки, а то..."? Не обязательно. Перед нами идентичный древнейшим каузальным мифам рассказ о Солнце, "проглатываемом" вечерней Зарей. О лисе как образе богини Зари см.[6].

традиционную модель правильного поведения. "Плохой" герой наказывается, гибнет, тем самым плохой сценарий подавляется; "хороший" герой награждается, возводится в высший ранг...

Вместе с тем главная мифологема сказок - плодородие. Герой и героиня проходят испытания и вступают в брак, сказка венчается свадьбой. Она готовит и подводит к этому. Естественно, она задает мужской и женский сценарии успеха.

Однако здесь только половина правды: успех в сказке "нелинеен" и парадоксален. Герой научается быть смелым, побеждать врага, не теряться, - все так.. Но почему он представлен как дурак, зачем ему приданы завистливые старшие братья, норовящие убить его и отнять плоды подвига? Не лучше ли было насаждать сценарий типа "один за всех, все за одного", укрепляющий кровнородственные связи?

Напрашивается вывод о сильной внутриклановой, внутрисемейной конкуренции, доходящей до ненависти. Еще шаг - последуют речи о славянском духе междоусобиц, вспомнится история кн. Василька... Стоп. Аналогичные сюжеты (у индоевропейцев 3 брата; Ближний Восток, Библия - 2 брата) распространены повсеместно. Фольклористы знают, что в основе - миф о мироустройстве и разделении мира. Так потомки Крона - старший Аид, средний Посейдон, младший Зевс поделили мир. Аиду досталась власть над миром мертвых, Посейдону - морские и подземные глубины, Зевсу - пустое небо. Иными словами, младшего оставили в дураках*. Но впоследствии именно Зевс стал главным богом. В обход всех правил наследования в сказке младший сын получает наследство. Небо берет верх и власть над землей.

Геродот приводит скифскую легенду. Таргитай происходил от богов, "а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший - Колаксаис. В их царствование на скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил и приблизился второй брат, и опять золото обоих объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему"^[8]† . Он становится царем в силу своей избранности.

* Именно поэтому (радикал-структуралист сказал бы - только поэтому) младший сын назван Дураком. Понятно тождество: Иван-дурак=Иван-царевич.

† Ср. с библейскими коллизиями Каин-Авель (старший сын, земледелец, коннотирован отрицательно) и Исав-Иаков: "И больший будет служить меньшему" (Бытие, 25:23).

Просвечивает вертикальная стратификация космоса (Небо - Средний мир - Преисподняя) общества индоевропейцев, по Ж.Дюмезилю, - трехфункционального: Власть - Средние сословия - Простолюдины. В архаике это: Жрецы, Воины, Земледельцы[9,10]. Отсюда характерное "до трех раз". У сказки своя логика. Ей надо утвердить и закрепить ту или иную мифологическую картину мира, строящуюся снизу вверх.

Герой побеждает потому, что такова "слоистость" мироздания: она причина того, что он не может не оказаться победителем. Надобность соотнести его с каким-либо "слоем" заставляет уже с начала сказа предполагать в нем скрытого, но готового отбросить инкогнито молодого царя*. Он обречен на успех, т.к. показан в позиции "младший сын"... Он - избранник. "И последние станут первыми".

Обретший и сподобившийся: успех и удача

Успех и удача этимологически не равны. Удача либо есть, либо нет (в корне - "дать", ср."само далось"). "Вудаль" по-болгарски - нрав, характер, по-украински - способность[11]. Успех же связан со сроком, ибо происходит от слова "спеть" (ср. "спелый", "поспевать"[12]), что указывает либо на зрелость человека, либо... на умение быть расторопным, первым при раздаче благ. Мгновенные действия при предоставляющейся возможности - очень по-нашему. "Во всем упреждать!" (Петр I); "Промедление смерти подобно!" (Ленин). Мы это видели и видим. Народное: "Удача нахрап любит"[13], пока другие раскачиваются, отчаянная голова снимает пенки. Но не всякому дано: надо быть своим, входить в узкий круг (корни групповщины, мафиозности успеха, блат). Так что, если есть вакансия или нововведение - лети со всех ног, а то все разберут, еще и отменят (обоснование святости дефицита). Схоже с народным убеждением, что первый, верхний слой святой воды - более "сильный". Нужно успеть: протолкаться, оказаться в должном месте в должное время - "и дело в шляпе"[‡].

В должном месте - в должное время. Но ведь везенье - фатум. Можно и никуда не бежать: "На тихого Бог нанесет, резвый сам набежит..."[13,с.48]. По крайней мере описанному выше

* Метаморфоза "неумойки"-дурачка (в ряде вариантов он сам мажет себе лицо сажеей, чтоб не узнали) - в писаного красавца Ивана-царевича.

‡ Тот же этос: "Жди своего часа. Устраивайся! - этот лозунг бельгиец всасывает с молоком матери как сумму национальной морали. Старшие вдалбливают, что нужно держать нос по ветру, ковать железо, пока горячо и выходить сухим из воды". (Г.Дюрне. Моя жизнь среди бельгийцев).

"избраннику" успех ни к чему: у него уже есть удача, ему - не к спеху. Емеля: "Я ленюсь!" Как в поговорке: "Дурак спит, а счастье в головах лежит"[13,с.48]. Впору вспомнить другое производное от корня "спеть": спесь[12,с.423]. Достаточно прочесть наиболее полный вариант сказки[2,с.165], чтобы неожиданно убедиться: Емеля-дурак гордец, но не глупец. Во-первых, он имеет заветную мечту (лучше иметь хоть какую-нибудь, чем никакой, говорят психологи), и мечта эта - царская:"красный кафтан, красная шапка и красные сапоги". Ради них он готов на все. Во-вторых, он не ленивей невесток, с которыми остался дома. Емеля не любит работать, - так ведь "дураков работа любит", а он палец о палец не ударил, пока братья "крутят" его деньги в городе. В-третьих, он далеко не лишен здравого смысла: щуке сперва не поверил. Чужого царства - не захотел. Слово он свое держит. И выпить не дурак.

Далее, выясняется, что он странно чувствителен нравом: "Ежели станешь просить неотступно о чем, он откажет раз и другой, а в третий - уже не откажет и сделает; не любит он того, кто с ним грубо поступает"[2,с.323]. К царской мечте - царские качества. Передавил, когда ехал, кучу народа. Да и само щулье слово - вроде абсолютной власти, демонстрация силы царского повеления.

Наконец, он так "ленив", что захотел и поймал щуку* голыми руками в полынье. Кто же он? Такой же царь, как Иван-царевич.

Налицо два сценария избранничества: искать себе царства за тридевять земель, стремиться к *успеху* или положиться на *удачу*: царство само найдет избранника[§]. Оба сценария связаны с обретением власти, и тут нужен "талант": "Не родись красивый, а родись счастливый"[13,с.51]. Динамичность первого - уравновешивается статикой второго, они - как две стороны одной медали. Поведению царя статика ближе. Избыток движения уже не вписывается "не только в каноны царского поведения, но и просто знатного человека, достоинство которого выражалось в минимуме возможных движений"[16,с.67]. В сказке "Городок в табакерке" вся власть у почти неподвижного Валика, который "день и ночь с дивана не сходит"[17,с.284]. В этой большой группе сценариев сфокусировались культовые представления о Добром Царе.

* Кому покажется, что сказка о щуке "чисто русская", пусть заглянет в германо-скандинавские мифы о золоте Рейна и щуке Андвари[14].

§ А сила - богатыря (былина "Исцеление Ильи Муромца"[15,с.15]).

Мужской путь силы. Богатырские варианты

Не всем же царствовать. Спустимся ниже. Сценарии хорошего героя всегда содержат извлечения из царского сценария избранника. Кажущаяся пестрота разработок в сказках и былинах - герой выдерживает посвятельные испытания, попадает на тот свет к Морскому царю, Кашею; убивает Змея; укрощает зловредные силы; добывает волшебный предмет (кольцо, жар-птицу, гусли-самогуды); разгоняет чертей; ведет полную приключений вольную жизнь, борясь с несправедными властями, - сводится к пяти ролям, если не считать трагедийных и медиаторных сюжетов, о которых речь впереди:

- 1) змееборец и/или путешественник на тот свет;
- 2) богатырь;
- 3) верный слуга (Федот-стрелец);
- 4) солдат;
- 5) разбойник.

Все эти "мини-эпосы" ложатся в единый стандарт сюжетного развертывания, без которого не может обойтись ни роман, ни кинематограф. В. Пропп выводил ряд из 31 "функции"; Джанни Родари предложил свести их к 20 основным^[18].^{*} Некие звенья могут выпасть, переосмыслиться, но общая последовательность и ставка на победу через силу, упорство, доблесть и ратную удачу, умение заводить правильные контакты, отвечать жестким ритуальным и моральным требованиям (которые, понятно, изменялись со временем) - неукоснительно соблюдаются.

Конфликтность этой группы сценариев высокая, но, помимо хорошего владения оружием, герой должен пускаться в ход сметку, например, при решении трудных задач или загадок. Однако собственного разума у него нет: сказочный герой еще близко связан с родовым бытом, магической и тотемной (конь, волк, сокол, орел, ворон) реальностью. Мудростью его наделяют

^{*} Я бы изложил "горячую двадцатку" так: 1. Ситуация: предписание, запрет. 2. Нарушение. 3. Проблема (вредительство, недостача). 4. Отъезд героя. 5. Блуждания, главная трудность. 6. Встреча с Помощником-Дарителем. 7. Даритель испытывает героя; дары; важный совет. 8. Герой попадает на враждебную территорию. 9. Магические свойства врага. 10. Борьба. 11. Победа. 12. Погоня. 13. Прибытие домой; героя не узнают. 14. Притязания и триумф ложного героя. 15. "Божий суд" (ордалия). Признание настоящего героя. 16. Восстановление первоначальной ситуации, порядка. 17. Преображение героя. 18. Изгнание, наказание или гибель ложного героя. 19. Свадьба (триумф обретенного статуса, царства). 20. Итог жизни героя или его смерть.

наставники и предки. Советы и помощь может подавать Даритель и Помощник в образе самого тотема, Бабы-Яги, Мудреца (Финн в "Руслане и Людмиле") и, наконец, отец, мать или будущая жена героя. Вся мудрость предков легко находит путь к герою, т.к. он не стыдится признавать свою полную несостоятельность.*

Наставления переключались из сказки в богатырскую былинку. Отец дает богатырю благословение и предписания, мать - советы (Добрыне Никитичу велит опасаться колдуньи Маринки[15,с.54]), Илье Муромцу "рецепты успеха" сообщаются в основном в негативной форме, в виде запретов - не биться со Святогором, он сильнее; не трогать Самсона-Богатыря - "у него на голове семь власов ангельских"; не ходить на Вольгу Всеславьича - он не силой возьмет, так хитростью; не ссориться с Микулой - его любит мать-сыра-земля[15,с.105].

В мире богатырей, где сила - единственный регулятор, всех расставляющий по вертикали, советы, по сути, указывают герою его "нишу". В самом деле, даже богатырская сила при наделении ею - дозируется: "этого тебе слишком много, а так - в самый раз". Если она величина неизвестная, ее рекомендуют "попробовать": выяснить - кого бьешь ты, а кто - тебя. Соотношения сил в богатырском и рыцарском эпосе обыкновенно транзитивны: если А сильнее В, а В сильнее С, то А, вообще говоря, сильнее С. Мужские сообщества иерархичны и "вертикализированы".

Но случаются исключения из правила: в языческом мире у каждого героя своя "изюминка", своя магия. Богатыри-побратимы не бьются; они разделили сферы влияния: у каждого своя, в которой он непобедим. И именно поэтому они заключают друг с другом союз. То же и в сказке.

Чем больше силы, тем лучше? Не тут-то было. "Перебор" - наказуем. Сценарий чрезмерно могучих богатырей в общем неудачный. Святогора земля еле носит, и он трагическим образом находит свою смерть: в одном варианте - надорвавшись от сумы со всей "земной тягой"[15,с.3], в другом - самозамуровывается (эпизод с "гробом по росту"[15,с.5;19]). Его "крестный брат" и преемник силы Ильи Муромца верно служил князю Владимиру Красное Солнышко, но рассорился с властями, попал в опалу, свел дружбу с "голями кабацкими" и

* И это вторая фундаментальная причина, почему герой получает маркировку глупца, дурака. В отличие от старших братьев, живущих своим умом, он готов учиться, вызнавать секреты, которых еще *не знает* (ср. Незнайка). Лутонька побеждает ягишну тем, что "не знает", как сесть на лопату[2,с.144] и т.п.

был заточен в каменные подвалы подземелья, в другом варианте - навек окаменел[15,с.29].

Как избирается вариант поведения? Богатырь перебирает их все, включая плохой, - а став на дорожку, не сворачивает. Добрыня все же поехал к колдунье Маринке, следствием чего были большие неприятности[15,с.8]... В былинах "Три поездки Ильи Муромца" перед героем три дороги: "богатым быть", "женатым быть", "убитым быть", обратным перебором герой приходит все-таки к смерти[15,с.29]. Специалисты по принятию решений считают "метод тыка" неверным. Сказка, похоже, также осуждает множественный перебор решений. Журавль и лиса попали в яму. "Лиса побегаёт, побегаёт, да и скажет:

- У меня тысяча, тысяча, тысяча думушек!

Журавль все перед собой землю клюёт:

- А у меня одна дума!"

Журавль притворился мертвым и спасся, а лиса "не знает, за какую думушку ей ухватиться: тысяча, тысяча, тысяча думушек!"[17,с.380-381].

Верный слуга и его "крыша". Разбойничество

Древние богатыри, как известно, освобождали девушек... И вообще русских людей, содержащихся пленниками у Змея, - что представляет собой рельефный пример применения древней мифологемы к политической реальности уже с XIII в. И в "Слове о полку Игореве" мы видим древние метафоры, отлично приспособленные к политической обстановке. Мифологема высвобождения из полона ("Авдотья Рязаночка") потом развернулась в полную силу при образовании и расширении СССР, "освобождении" стран Восточной Европы. Урок живучести моделей-архетипов. Актуально до сего дня.

Не менее современно: поступивший к царю на службу Иван в "Коньке-Горбунке" или Федот-стрелец также обязан добывать что-то, кого-то сватать, освобождать, но не для себя, для хозяина. Слуга служит вроде бы верой-правдой. И, однако, обстановка его служения далеко не идиллическая. Чем больше заслуги верного слуги, тем больше хозяин боится его, тем сильнее желание "кинуть" слугу: ведь расплата приближается. И чем больше заслуга, тем больше плата. Еще немного - и сюжет начнет напоминать типичную схватку медиаторов - состязание в хитрости и изворотливости.* Но нет. Во-первых, царь - не медиатор, во-вторых, положения героев слишком неравноправ-

* "Сказка о попе и работнике его Балде" - частный случай таких сюжетов. Поп и Балда равно пройдохи, только один сильнее; Балда (Дурак) умней попа: "Смелого ищи в тюрьме, глупого в полах" [13,с.234].

ны: "Что! Рядиться мне с тобою?" - кричит царь и пугает смертной казнью. Далее становится очевидно, что эскалация заданий предпринимается уже с целью погубить на все идущего подчиненного: средство полностью вытесняет цель. Игры подобного рода очень живучи и в политике, и в уголовном мире[20].

Шеф опасается чрезвычайно способного, пусть и преданного, подчиненного, чувствуя, что тот может занять его место: психологические отношения осложняются. В сказке Ершова на слугу постоянно доносят, его терроризируют, обыскивают, он запирается, лжет в глаза; череда обвинений и "прощений" ошарашивает, как душ Шарко - из огня да в полымя. Наконец, когда главное сокровище налицо, драматическое напряжение возрастает, следуют заключительные манипуляторские заговоры, где у каждого своя надежда - и финальная "разборка".

В реальности редко кому так везло, как повезло в этой сказке слуге. Скорей бывало наоборот. Солдат обретал себя лишь на пути домой, встречаются показательные названия[2,с.154]: "Беглый солдат". Связь с властями для подданного, для слуги - с господином становится невозможной. И тогда актуализуется сценарий разбойника.

Многие считают, что в русском мире два полюса: Царь и Вор, Власть и Разбойник, который в народном сознании определенно может выступать как положительный герой (Дубровский), прожженный ловкач (Ванька Каин), заступник за голь перекатную и древлеотческую веру (Разин), претендент на престол (Самозванец, Пугачев). Нити дотянулись до XX в. - обаяние блатного романа подтверждено высокими авторитетами (Есенин, Высоцкий) и "авторитетами" просто. Популярность разбойничьего сюжета не страдает, но выигрывает от того, что герой чаще всего гибнет, как в лермонтовской "Песне о купце Калашникове". Погиб за правду. Умер, но свое взял... "Успех" в таком сценарии достигается через смерть, ценой жизни, и многозначительная близость сценария разбойника сценариям подвижника, мученика, героя-мстителя настораживает и заставляет задуматься.

Богатырский идеал, без сомнения, давно претерпел инверсию. Но инверсию претерпел и христианский идеал. В "Песне о Соколе" М.Горького - два сценария, один из которых самоубийственный (в подтексте революционный). Ему придан героический ореол. В советское время чудовищно большое количество людей признало его своим, едва ли вникнув в экзистенциальный смысл притчи: "свобода прекраснее всего". Привлекала "красота" подвига, "безумство храбрых", нарушение всех и всяческих запретов в духе леворадикально-анархической вольницы.

"Особенно нравилось читать про разбойников... Когда нашел на базаре "Стеньку Разина", с ума спятил от восхищения, задышался от приливающих восторгов, во снах понизовую вольницу видел, и с той поры все наши детские игры сводились - подряд несколько лет - к тому, что ребята выбирали меня атаманом Стенькой, и я со своей шайкой плавал на лодках, на бревнах по Каме..."[21]. Автор признания был верен найденному сценарию всю жизнь, что не редкость, но - что случается значительно реже - использовал его позитивно. Он нашел свою "вольницу" отчаянных голов и занялся с ними бунтом и ниспровержением, а также написал о любимом герое поэму.

У России историко-географические и политические корни глубокого равнодушия к теме разбойничества. От деспотизма господ бежали в необозримые просторы, "на волю". Но вместе с тем убегали от цивилизации. Однако с царем ассоциировали столицу: фигура, враждебная царю, нередко вызывала симпатии и получала поддержку со стороны провинции.

Интересно, что в сказках сценарий разбойника чрезвычайно редок; чтобы его извлечь, нужно анализировать песни, легенды, народный театр.

Русский бунт - едва ли продуктивный сценарий. В 90% случаев результатом его осуществления будет деструкция. Однако, даже зная это, его носитель не может избавиться от иллюзии его привлекательности.

Сценарий разбойника актуализируется в эпоху слома, кризиса; он же закрепляет и усугубляет ситуацию хаоса, состояние безвыходности, что понятным образом провоцирует тяготение к противоположному полюсу, иницируя жажду иных сценариев, иных - гораздо более статичных - моделей. Общество начинает изнывать по "сильной руке".

Вор и разбойник Ванька Каин "ссучивается" и идет в сыщики.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Джеймс М., Джонгвард Д. Рожденные выигрывать. - Трансакционный анализ с гештальтупражнениями.- М.,1995, с.110.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. В 3-х томах. - М., 1985, т.1, с.5, 423.
3. Малаховская А.Н. Возвращение к Бабе-Яге. - С.-П., 1993.
4. Синявский А. Иван-дурак. Очерк русской народной веры.- Париж, 1991.
5. Пропп В. Морфология сказки. 2-е изд. - М.,1969.

6. Иваницкий В. Почему смеялась рыба? Основной вопрос философии.- "Знание-Сила", 1993, N2, с.14.
7. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд.- Л., 1986.
8. Геродот. История. В 9-ти книгах.- М., 1993, с.188.
9. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев.- М., 1986.
10. Он же. Скифы и Нарты.- М.,1990, с.134.
11. Фаснер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. 2-е изд.- М.,1987, т.1, с.148.
12. Шанский Н., Иванов В., Шанская Т. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд. - М., 1971, с.467-468.
13. Пословицы и поговорки русского народа. - В сб. В.Даля. - М., 1987, с.55.
14. Буслаев Ф. О литературе. Исследования. Статьи.- М.,1990, с.136.
15. Библиотека русского фольклора. Былины.- М.,1988, с.15.
16. Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. - Этнографические очерки. - Л.,1990, с.67.
17. Сказки народов мира. В 10-ти томах. - Т.7. Сказки русских писателей. - М.,1989, с.284.
18. Родари Дж. Грамматика фантазии. - М.,1990, с.76.
19. Великорусские сказки Пермской губернии. - Сб. Д.Зеленина. - М.,1991, с.268.
20. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. - М., 1988.
21. Каменский В. Путь энтузиаста. - Автобиографическая книга. - Пермь, 1968, с.23.

Г. Л. Тульчинский
НЕУДАЧА КАК СТРАТЕГИЯ УСПЕХА

1. Две категории "круглых" людей

Одно из наблюдений за годы преподавания в вузе: лучше всех сдают экзамены и зачеты те, кто вообще не ходил на занятия. Несколько хуже - те, кто на занятиях был, но конспекта не вел. И хуже всего - те, кто был на всех лекциях, тщательно конспектировал, "ел" глазами преподавателя и - особенно - кивал ему в такт головой. Давно замечено в школе о парадоксальном метафизическом тождестве двух категорий "круглых" учащихся. Речь идет о круглых дураках и круглых отличниках.

При всем ерничестве этих обобщений, в них имеется рациональный смысл. Учиться на одни пятерки в нынешней школе чаще всего (разумеется, не в каждом случае) означает не иметь в жизни больше ничего, греющего душу. Такой круглый отличник оказывается зачастую беспомощным в простых жизненных вопросах, жизненно менее компетентным по сравнению с другими сверстниками. Каждый может привести немало примеров успешности своих одноклассников - бывших троечников и неуспешности - бывшей "гордости класса". Так же и студенты-"кивалы", очевидно, оказываются излишне зашорены своим конспектом, пытаясь воспроизвести который (чаще всего - неудачно), только раздражают экзаменатора. И тем самым невыгодно отличаются от студентов, вынужденных самостоятельно готовиться к экзамену.

В обоих случаях сознательный или вынужденный отказ от нормативных образцов поведения и соответствующих социальных ролей, не-успешность (вплоть до социального осуждения) реального поведения парадоксальным образом приводит личность к успеху.

Или другое... Тоже типичная история. Учились вместе, один - получше, другой - похуже. Того, кто получше, привели учителя, оставили около себя. Другой вынужден был уехать "на периферию". Кто из них быстрее растет в профессиональном и жизненном плане? Опыт упорно подсказывает, что - второй. Со временем он может вернуться и оказаться лучшим специалистом, чем его бывший успешный одноклассник, стать его руководителем и тому подобное. Снова неуспех оказывается предпосылкой успеха.

2. Энергетика неуспеха и маргинальности

Может, это ошибка неполной индукции? "После того" - не значит "по причине того"? Ведь что может придти за полосой неудач? Разве не единственно - удача? И вообще -

"Было плохо - станет лучше.

К миру злобы не питай".

Все же чувствуется, что между неудачами и успехом существует какая-то довольно жесткая, если не причинная, связь. Божественная и метафизическая справедливость мира, когда - "Воздастся!"? Или есть какая-то сила, то ли переводящая стрелку на шкале оценки с минуса на плюс, то ли выталкивающая саму неудачу в сфере успеха, то ли переплавляющая одно в другое?

В том, что речь может и должна идти о какой-то энергетике, убеждает широко известный факт колоссального потенциала, который несет в себе маргинальность. Приезжие добиваются в жизни большего, чем местные жители. Представители этнических меньшинств оказываются пассионарными лидерами основного этноса. Их неуспешность, неукорененность, невписанность в "большую систему", то, что они не могут состояться в этой системе, отжимаются на ее периферию, а то и за ее пределы, - все это дает им, оказывается, большую свободу действий по сравнению с "вписанными", состоявшимися в "большой системе" или теми, кому это гарантировано.

Маргиналам, "мартин иденам" и прочим "интеллигентам в первом поколении" нужно своими руками выкопать, выцарапать, если не зубами выгрызть жизненную нишу, которая у других уже есть. Работа, жилье, семья, профессиональный и деловой рост - все, что для других запрограммировано их социальным статусом, семейным положением, от него требует личностных сверхусилий, работы ума и души тоже. И потому - блаженны плачущие, блаженны алчущие и жаждущие правды. Ибо они, как сказано - "соль земли" и "свет мира".

3. Молодость как метафизическая неудача

Типичными маргиналами является молодежь - метафизический аутсайдер, обреченный социальной ролью "ждать и догонять". Вступающий в жизнь молодой человек входит в мир и без него плотный, мир, в котором, как он скоро догадывается, никто его особенно не ждет. В лучшем случае - родители, да и то не всегда.

Согласно известной формуле У.Джемса, счастье прямо пропорционально успеху и обратно пропорционально притязаниям. Л.Н.Толстой, любивший эту формулу, прочитывал ее так: счастье - это дробь, где в числителе то, что о тебе

говорят другие, а в знаменателе - то, что ты думаешь о себе сам. Добиваться счастья "по формуле" просто: добивайся успеха или снижай уровень притязаний и - будь счастлив.

Но эта же формула удачно демонстрирует энергетику маргинальности. В случае с молодым человеком - с эйдетической чистотой. Ведь нуль делится на бесконечность. Видя себя "всем", примеряя на себя различные жизненные программы и проекты, молодой человек объективно является "ником". И это создает исключительно напряженное, ультрапарадоксальное состояние души, толкает на "неадекватные" поступки. Знаменитые "немотивированные" самоубийства подростков, преступления, наркотизм и токсикомания, другие формы "отклоняющегося" поведения - социальные патологии, оказывающиеся следствием метафизики маргинальности молодого человека.

Невозможность состояться "здесь и сейчас" порождает стилистику протеста, отказа, а то и ухода. Но чаще всего и в конечном счете срабатывает другое. Если этот мир - не мой праздник жизни и меня на нем держат в прихожей, то создам другой мир - по себе, в котором и состоюсь. Я могу оказаться не одиноким, - и вот уже возник зародыш субкультуры. Очевидно, именно таков механизм динамики культуры, - от моды до политики, смены научных парадигм, школ и направлений, динамики стилей и направлений в искусстве.

Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что практически все проблемы - половые и политические, научные и нравственные, художественные и религиозные - носят преимущественно поколенческий характер. Даже противники, принадлежащие к одному поколению, лучше и глубже понимают друг друга, чем союзники, принадлежащие к разным поколениям. По одной простой причине - у них один и тот же класс жизненных проблем.

4. Онтологический импульс свободы

Важно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не о конфликте отцов и детей, не о простом неприятии "папиной культуры". Речь идет о более фундаментальном. О том, что определяет и творчество, - об утверждающем онтологическом импульсе свободы. В том числе и "свободы от..." Неудача в этом мире, неприкаянность в нем открывают новые миры. Свобода откровенна в той же степени, как свободно любое откровение.

Неудача, действительно, оказывается предпосылкой, формой успеха.

"Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать."

Всерьез и по большому счету, разумеется, не человеческий это удел - судить о собственных успехах и

неудачах. Или, как говорил И.Кант, вера наша в господа Бога должна быть настолько полной, что не должна примешивать его к нашим проблемам. А человеческий удел - обязанность жить, хорошо выполнять свое дело:

"И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
И быть живым, живым и только,
Живым и только - до конца."

Но это всерьез и по большому счету. О призвании. О долге. А молодому человеку не до этого, ему нужно самоутверждение здесь и сейчас, прежде всего - в глазах таких же, как он. В нем ключом бьет инстинкт (именно - неосознанные рефлекс) свободы. И иногда - по голове. И не всегда - на пользу обществу и ему самому.

5. Профилактика жизненной компетентности

Может ли общество направить энергетику неудачи в конструктивное русло? Разумеется, полностью избежать негативных девиаций, социальных патологий невозможно. Но разве нельзя снизить их вероятность?

Главной задачей при этом будет обеспечение многовариантности миров для самоутверждения. Еще точнее - обеспечение маргиналам-неудачникам шанса на создание своего мира, на реализацию онтологического импульса свободы. Безнравственно общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее долге. Так же, как и безнравственна личность, руководствующая по отношению к обществу представлениями о собственном достоинстве.

И наоборот - нравственна та личность, которая руководствуется представлениями о долге. И нравственно то общество, которое, руководствуясь представлениями о чести и достоинстве личности, признает за нею право на свободу выбора. В том числе - со всеми вытекающими из этого последствиями. Ведь свобода и ответственность - суть одно и то же. Долг - не извне вовнутрь, а изнутри - вовне. Так же, как честь и достоинство - не изнутри вовне, а наоборот. Векторы разные. А скорее даже - не векторы, а своеобразная лента Мебиуса бытия, перекрученная в сердце души человеческой.

Золотое правило: можешь - помоги, не можешь - не мешай. Поэтому признание за человеком права на выбор в рамках закона - удел не только сытых сообществ. Наоборот, общество в кризисной ситуации больше зависит от сверхусилий индивидов, от возможностей их самореализации. Хотя бы потому, что кризисное общество есть общество неудачников. И поэтому оно должно, обязано использовать эту энергетику их-своей неудачи.

По возможности - не мешать. На пользу самого же общества. Еще лучше - помочь. Чем? Хотя бы в элементарном -

приобрести большую жизненную компетентность, облегчить неудачникам поиск миров и возможность самоутверждения. Хотя бы - образованием. Не больше, но и не меньше. Думается, это даже единственно необходимое (без него - никак) и достаточное (других не надо) условие возрождения российского общества. А значит - главная государственная задача.

Недавно пережил на экзамене что-то близкое к шоку. Я вообще-то не очень строгий экзаменатор, отнюдь не изверг. А тут шесть человек со слезами просят не ставить им "удовлетворительно". И четверо, из которых двое парней, стиснув зубы, просят не ставить им "хорошо". Причем дело было на коммерческом (платном) отделении. Такого в моей практике еще не бывало. Сначала подумал, что люди за свои деньги хотят иметь хорошие оценки. Но при такой мотивации ведут себя несколько, если не совершенно, иначе. Тут было что-то другое. Что именно - понял, придя домой и открыв газету "Вечерний Петербург". Там были опубликованы результаты социологического опроса "Ценности питерской молодежи". Согласно опросу, любовь, традиционно занимавшая первое место, отошла на третье, на второе - вышли деньги. А на первом, неожиданно и для авторов опроса, оказалось ... хорошее образование. Любовь - замечательная вещь, но без денег ей как-то плохо. Деньги можно добыть, но с образованием - это вернее, всерьез и надолго.

Циничное время - на удивление, парадоксально - формирует позитивно-конструктивную нравственность.

Этос успеха:
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Б.В. Дубин
ЭТА НЫНЕШНЯЯ МОЛОДЕЖЬ

Проблематика молодежи, а соответственно - проблема поколений, их взаимодействия и смены, значимая, конечно, для всей социокультурной структуры общества в Новое и в Новейшее время, с особой остротой осознается и ставится в двух ситуациях. Обе они - своего рода сигнал того, что процесс "естественной" поколенческой замены и преемственности в значимых сферах жизнедеятельности социума, привычное течение социального времени, его "нормальный" для большинства, для наиболее авторитетных и влиятельных групп в обществе, ход так или иначе нарушены.

В одном случае речь идет о нарастающей стагнации общества. Возможности социального подъема, расширения и усложнения сфер самореализации индивидов и групп, каналы статусного продвижения, профессиональной карьеры в нем жестко заблокированы. Время, то есть взаимодействие, обмен ценностями и образцами между группами и слоями социума, как бы замедлилось, если не остановилось. Перед нами - проблема нереализованного потенциала новых поколений, социальной ненужности, невостребованности молодых членов общества, а соответственно, их возможной маргинализации, дезадаптированности и т.д. Коротко говоря, это *проблема торможения*, и ощущается она прежде всего молодежью (хотя артикулироваться, ценностно заостряться, идеологически обрабатываться и эксплуатироваться может другими группами). Таков, например, один из сопутствующих синдромов отложенной или растянутой модернизации в ряде стран "третьего мира", в бывшем СССР последних лет "застоя", в прежних советских республиках Средней Азии вчера и сегодня, феномен аккультурации мигрантов с Востока в Западной Европе (от собственно политических и этнических аспектов проблемы сейчас отвлекаюсь). В ряде случаев - хотя, к счастью, далеко не всегда - возникший тупик или коллапс развития завершается и, за

* Статья продолжает наши предшествующие публикации по теме[1].

неимением в обществе других возможностей, разрешается захватнической и бессмысленной войной, полную цену которой платит, опять-таки, молодежь (Вьетнам для США, Афганистан для СССР, Чечня для России).

Типологически иная ситуация - при резком социальном переломе, которым иногда и при некоторых условиях (но не всегда и не везде!) заканчивается и сменяется описанный выше застой. В ходе своеобразного общественного "реванша" более молодые и энергичные члены общества принимают теперь многие инициативы социального строительства на себя. Отождествляясь с переменами, они, с одной стороны, тем отчетливее подчеркивают уход от "старого". С другой - не только получают в новых обстоятельствах известные преимущества, но, до какой-то степени и сравнительно быстро, как бы "обгоняя время", реализуют их. В подобных условиях для них характерна высокая оценка настоящего и будущего при отталкивании от прошлого. Напротив, старшие (а особенно - самые пожилые) поколения, составляющие в обществе большинство, чувствуют растерянность в настоящем, теряют уверенность в гарантированном будущем, испытывая и даже культивируя тем более острую ностальгию по прошедшему, образ которого ретроспективно приукрашивают. Говоря, опять-таки, коротко, перед нами *проблема разрыва*, и касается она, прежде всего, старших.

Процессы социального структурирования и социальной динамики в Советском Союзе, а затем в России складывались так, что мы практически одновременно (в одном актуальном времени реального взаимодействия, доступного эмпирической фиксации и изучению современников) сталкиваемся с прямыми последствиями как социальной стагнации, так и ценностного разрыва между поколениями. Кумуляция непризнаваемых и неконтролируемых эффектов торможения завершилась к началу 90-х годов распадом и разломом большинства институциональных структур прежнего общества. И одной из ключевых точек, в которой сходятся сегодня главные (если вообще не все) собственно *социальные* напряжения в обществе, и относительно которой поляризуются интересы и оценки различных - прежде всего поколенческих - групп, выступает проблема *усле́ха*, его ресурсов и параметров, путей и отношения к нему, наконец, перевода его и импульсов динамики в целом - в структуру личности и общества (*проблема структуры*, воспроизводства - другая болевая точка нынешней ситуации).

Дело здесь, конечно, не в возрасте, не в возрастных циклах (по принципу "молодость должна перебеситься", "каждому овощу свое время" и т.п.). Проблема шире и серьезней. Она в том, как могут институционализироваться в нынешнем и завтрашнем российском обществе импульсы нового, ценность и энергия перемен. Как они входят в структуру социального целого - усваиваются и поддерживаются социумом, становятся

заметной характеристикой поведения его наиболее инициативных и авторитетных групп, а значит, с известным временным лагом, превращаются в устойчивый компонент ориентаций многих, большинства. Причем особенность проблематики успеха здесь и сейчас такова, что, вытесненная из сознания, по меньшей мере, двух поколений советских людей, она по-прежнему остается полускрытой, ведет какое-то почти нелегальное, призрачное существование в публичном пространстве, в общественном мнении.

Успех - не просто случай или удача, прорыв и фурор. Индивидуальное достижение может стать социальным фактом и структурно-динамическим фактором только тогда, когда оно социализировано, общественно закреплено, ценностно поддержано. То есть оценено (стало быть, для него имеется мера или даже система мер), отмечено (другими словами, существует набор его знаков и символов) и признано (а значит, должны быть соответствующие авторитетные "судьи", своего рода жюри). И хотя оценка и вознаграждение хронологически следуют за действием, подытоживают его, но, говоря социологически, критерии и инстанции этой оценки, конечно же, входят в структуру мотивации действующего индивида, направляют его шаги и, в этом смысле, им сопутствуют и даже предшествуют (возможна, понятно, и ретроспективная переоценка того или иного действия в индивидуальной и коллективной памяти, в историческом времени и т.д., но меня сейчас интересует синхронный срез повседневного массового поведения).

По данным практически всех социологических опросов последних лет, молодежь оценивает свои возможности в нынешней - прежде всего экономической - ситуации выше, чем другие возрастные группы. По данным социально-экономического мониторинга, ведущегося Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 1995 году от четверти до трети опрошенных в возрасте от 18 до 30 лет считали, что они и подобные им люди получили сейчас возможность улучшить свое положение, среди их "отцов" аналогичная группа не превышает нескольких процентов. Т.И.Заславская отмечает повышенную долю молодежи среди нынешних российских предпринимателей (около двух пятых занятых в среднем и крупном бизнесе сейчас - люди до 30 лет, прежде всего мужчины[2]). По оценкам и самоощущению молодежи противостоит "поколение ветеранов" - люди старшего возраста, нередко - более низкого образования и квалификации, с невысокими доходами, более консервативными жизненными ориентациями, социализированные в "классических" условиях советского режима.

Две трети опрошенных в мае 1995 года молодых россиян в возрасте от 16 до 30 лет считали, что их жизнь в том или ином отношении лучше, чем была жизнь их родителей в таком же возрасте (22% - не нашли в своей жизни никаких преимуществ,

11% - затруднились с ответом). Три самых значимых критерия собственного превосходства оказались следующими: "у меня выше образование" (мнение 23%), "лучше жилищные условия" (32%) и "больше доходы" (36%). Однако исследование, проведенное годом раньше, в июне 1994-го, показало, что респонденты в возрасте "родителей" - 40-54-летние россияне - добились даже более значительных преимуществ по уровню образованности и качеству жилья в сравнении с их отцами и матерями (вернее, эти блага для них более ценны, а завоевание их более значимо, нежели для молодежи, получившей их "готовыми"). Напротив, высокий уровень доходов и потребительские возможности - заслуга именно молодежи, причем значимость для нее этого параметра за год выросла еще. А вот такие преимущества, как "более высокое положение в обществе" и "больше уважения со стороны окружающих" оказались незначимы не только для молодежи (что было бы отчасти объяснимо), но и для старших: их отметили лишь по нескольку процентов от соответствующих возрастных групп, тогда как образование и жилье - треть и выше.

Резюмируя эти и иные социологические данные, можно сказать: в советских и постсоветских условиях такие основания социальной дифференциации, параметры стратификации общества, как уровень образования и образ жизни (более цивилизованное жилище, предметы обихода, технические удобства), - с одной стороны, доходы - с другой, и социальное положение, уважение окружающих (статус, влияние, престиж), - с третьей, для подавляющей массы взрослого населения, за исключением начальства разного уровня, согласованы весьма слабо. А это значит, что общество дифференцировано сравнительно мало и достаточно грубо, прежде всего - по оси иерархической власти и предписанных по чину привилегий (в советское время, кроме того, по доступу к дефицитным благам и информации), а потому проблемы достижения, закрепления достигнутого, межпоколенческой передачи наследства, заслуг и т.п. в систему ориентаций и мотивов большинства членов общества практически не входят[3].

Но показательно еще одно. При известных возможностях для социальной инициативы, приоткрывшихся в СССР, а затем в России со второй половины 80-х годов, молодежь сконцентрировала свои усилия по преимуществу в сфере экономического предпринимательства. Причем нередко это бизнес сравнительно простых разновидностей (челночные операции, палаточная торговля), ориентированный на быструю адаптацию, краткосрочные вложения денег, умений, энергии и других ресурсов, а соответственно - на немедленное вознаграждение (к этому можно добавить, пожалуй, заметное появление молодежи в новых, независимых средствах массовой информации, особенно - в развлекательных программах). Во многом остались в стороне

от молодежных инициатив такие области деятельности, как производство, наука, политика. Престиж профессии ученого, тем более - инженера, среди молодых респондентов невелик, установки на учебу, высшее образование, занятия фундаментальной наукой, при декларативных оценках ее роли, в том числе и молодежью, падают. Среди тех, кто, по данным практически всех опросов, "не интересуется политикой", лидирует именно молодежь. Две трети молодых респондентов, по их признанию, не стали участвовать в выборах 1993 года, около половины не собирались голосовать в декабре 1995 года (и то, и другое - равно как низкая электоральная активность предпринимательских слоев - в немалой степени предопределили результаты обеих кампаний).

С другой стороны, проблематика социального достижения и вознаграждения, статуса и влияния, денег и власти была в советских условиях десятилетиями вытеснена из публичного (читай - официального) обихода, не говоря о специальном анализе. Не случайно с началом "гласности" профессорской публицистике пришлось день за днем популярно разъяснять образованным, окончившим институты и техникумы читателям "толстых" журналов и общественно-политических еженедельников буквальные азы экономических представлений, социальных знаний, политических наук и др. Больше того, на подобную информацию и всю соответствующую проблематику даже в перестроечное, а особенно в послеперестроечное время оказывала сильнейшее давление советская общеинтеллигентская идеология. В частности, последняя подрывала значимость всего, связанного с "карьерой", наделив само слово сугубо отрицательной семантикой, с легким сердцем отказывалась от профессионализма, бичевала "культ чиновника", во многом мистифицировала - демонизировала - смысл и отношения власти, вообще понятия государства и общества[4].

Характерно, что, по данным майского опроса ВЦИОМ в 1995 г., "успех, признание" не входят в число наиболее значимых ценностей ни в одной из возрастных групп россиян[5]. В целом по выборке их назвали "очень важными" 16% опрошенных (среди респондентов до 24-х лет - 26%). При этом отношение к успеху в массе - двойственное: в сумме его считает значимым ("очень" и "достаточно важным") практически такая же часть опрошенных - 47%, что и неважным ("не очень важным" и "совсем не важным") - 41%. Но еще более показательным то, что важность успеха практически не связана ни с достаточно высокой значимостью "дела, профессии" (важны в сумме для двух третей опрошенных), ни с предельно высокой важностью "денег, обеспеченной жизни" (важны в сумме для 86% россиян, очень важны - для половины). Намного существеннее успеха для молодежи - и для других возрастных групп - такие ценности, как "дружба", "семья", "любовь", "здоровье", "досуг, развлече-

ния". Престиж денег, богатства (а его считают сегодня важнейшим залогом успеха в жизни все поколения россиян), как видим, не поддержан у молодежи ни пониманием ответственности за свое дело, профессию, ни стремлением к успеху и признанию.

Не поддержанная более широкими санкциями культуры, мнением авторитетных в обществе групп мотивация к профессиональному и социальному достижению в российских условиях достаточно легко переходит в негативную форму (отрицательная ценность - тоже ценность). Можно назвать ее словом "рессантимент", введенным в обиход Ницше и развитым потом Максом Шелером. Рессантимент означал у них уязвленную зависть - прежде всего сословную, но не только ее - к положению, признанию, блестящим качествам и победам другого, а соответственно и злорадство по поводу его промахов и неудач, желание ему провала, всяческих несчастий. И это вовсе не психологический вывих, а чрезвычайно существенный и устойчивый социокультурный механизм. Ю.А.Левада говорит в этой связи об амбивалентности установок "советского человека", проявлении у него комплекса "ненавидящей зависти"[6].

Для определенных групп и типов личности это фактически единственно возможная форма воображаемого - и, в этом смысле, игрового - освоения образцов и ценностей других слов. Высоко ставя сами подобные качества, но не владея механизмом их обобщения (то есть, не связывая их со всем социальным порядком, со сложной логикой взаимодействия и самооценки, не переводя в нормы ценностной приверженности и ответственности, в императивы собственного поступка), индивид или группа считают их - и чаще даже не качества, а вещи - чужим достоянием, запретным для себя. Соответственно, в перспективе подобных ценностей группа, индивид вынуждены оценивать себя негативно, низко. Но, дистанцируясь в воображении от носителей этих свойств, они переносят весь запас отрицательных переживаний теперь на них, а сами получают при этом возможность, уже не стыдясь и не смущаясь, признать - хотя бы мысленно, "про себя" - значимость подобных качеств.

"Снижение" носителей здесь не только не отрицает ценностей, но, напротив, является условием признания их (ценностей) значимости, выступает разделительным барьером или фильтром в их усвоении, добавочно "оттеняет" привлекательность и т.п.

Действие таких снижающих, компенсаторных, трансферных механизмов хорошо видно на представлениях разных возрастных групп друг о друге, претензиях и требованиях их друг к другу. В 1994 году 38% опрошенных по России признали, что "современная молодежь" их возмущает, 39% - что они завидуют ее возможностям. При этом треть сторонников каждой из позиций разделяла и мнение другой. Значительно чаще среднего

возмущение нынешней молодежью испытывали самые старшие возрастные группы (54% пенсионеров), люди с низким, ниже среднего образованием (47%), с низкими доходами (45%), жители села (43%).

По данным опроса в 1994 г., представители этих - более пожилых, менее обеспеченных и образованных - групп чаще всего хотели бы видеть своих детей и внуков работниками интеллигентных профессий (учитель, инженер, врач), рабочими, тогда как сами дети (респонденты до 25 лет) представляли своих детей директорами банков, предпринимателями, спортсменами. В уже упоминавшемся майском опросе 1995 года молодежь прежде всего выбирала для себя такие профессии, как владелец магазина, мастерской, ателье; юрист, адвокат, судья; служащий банка; предприниматель, бизнесмен. И если старшие, по данным опросов 1992 и 1994 годов, полагали, что в нынешних школах нужно больше преподавать такие предметы, как труд, домоводство, русский язык и литературу, математику, Закон Божий, то учащаяся молодежь выделяла для себя общественные науки, компьютерную грамотность, физкультуру, иностранные языки, сексуальную гигиену, делопроизводство[7].

Недовольство и раздражение молодежью со стороны более старших, менее образованных и квалифицированных групп российского общества (а они составляют его большинство) явно выражено в данных ноябрьского опроса ВЦИОМ об отношении к работающей молодежи. Из десяти положительных качеств, включенных в анкетный список, респонденты не отказывают молодым работникам лишь в экономической предприимчивости и смекалке, уме. Все остальные достоинства для нынешней работающей молодежи, по мнению основной массы россиян, нетипичны, тогда как симметричные позитивным негативные качества, напротив, в высшей степени характерны. Особенно резко молодежь обвиняют неквалифицированные рабочие, интеллигенция (специалисты с высшим образованием), руководство различных уровней. По возрасту наиболее непримиримо настроено поколение "дедов" (старше 55-ти лет), но в ряде случаев к ним присоединяются "отцы" (старше 40). При этом чаще всего молодежь упрекают в следующем (в порядке убывания "типичности"): пристрастии к спиртному; эгоизме, равнодушии к окружающим; нечестности, непорядочности, склонности к хищениям; недисциплинированности и безответственности; низком уровне квалификации.

Интересно, что сама работающая молодежь, в целом, не склонна к самообольщению и с подобным "портретом российского общества в образе молодого человека", скорее, согласна, хотя оценивает себя не столь резко. Однако по двум параметрам оценки со стороны пожилых респондентов и самооценки работающей молодежи расходятся: молодежь не принимает тех, приписываемых ей другими, черт, которые

относятся, с одной стороны, к признакам ее самостоятельности - характеру, воле, а с другой - дают определение ее отношениям с окружающими, стандартам социальности. Поэтому молодежь не поддерживает мнения старших о том, что для нынешних молодых работников типичны: подхалимаж перед начальством, отсутствие инициативы, недостаток воли и характера, неумение ладить с другими и нежелание им помочь (хотя любых требований и проявлений коллективизма, общего мнения и действия молодежь, действительно, сторонится, вероятно, видя в них реликт советского единодушия, "совковости").

В подобных оценках со стороны старшей части населения - казалось бы, не только более опытной житейски, но и, в известной мере, ответственной за нынешнюю ситуацию - явно присутствует логика негативного переноса: система ценностей и установок респондента задает его оптику, как бы встроена в структуру зрения. Так, например, в инициативе и настойчивости молодежи не отказывают, как мы видели, и сами старшие. Вместе с тем они тут же укоряют ее за безынициативность. Однако в последнем случае старшие приписывают положительным, высоко ценимым ими качествам "ложную" направленность (типа "пронырливости", "делячества" и т.п.), по логике рессантимента фактически соединяя при этом негативные и позитивные оценки одних и тех же свойств. Точно так же в оценках общительности (социальности), в которой старшие им, опять-таки, не отказывают, а сами молодые ставят это качество чрезвычайно высоко, молодежи вменяется в вину либо "узость" взаимодействия, ограниченной лишь "своими", либо "корыстный" характер хороших отношений с окружающими (выслуживание перед начальством).

В образе молодежи общество, его группы косвенным и сложным способом оценивают себя, проверяют свои ориентиры, соизмеряют итоги и перспективы. Настоящее как бы продлевается этим в будущее и соотносится с прошлым. Знаки в подобном ценностном неравенстве расставляются в разных социальных группах по-разному. Скажем, тотальное недовольство настоящим и тревога перед будущим могут, как в рассматриваемом здесь случае, концентрироваться в старших возрастных группах социального большинства, тогда как определенная неудовлетворенность своим нынешним положением и некая диффузная надежда на предстоящее - локализоваться в возрастном меньшинстве, слое молодых (да и среди них - прежде всего в достаточно узком сегменте наиболее инициативных, умелых, настойчивых). Такая социальная конфигурация установок, оценок и настроений - серьезный симптом нестабильности сегодняшнего, а скорей всего, и завтрашнего российского общества при сравнительно слабо выраженных началах и неразвитых институциональных механизмах возможных сдвигов. Отчуждение младших от старших ставит под воп-

рос процессы воспроизводства общества, его систем и институтов, отчуждение старших от младших гасит импульсы социальной динамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодежь как проблема. - Горизонт, 1992, N 3, с.38-42; Зерцало юности. - Свободная мысль, 1993, N 9, с. 54-65; Старшие и младшие: Три поколения на переходе. - Дружба народов, 1994, N 2, с.159-170; Молодежь в ситуации социального перелома. - Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения, 1994, N 2, с.14-19 (в соавторстве с Н.А.Зоркой); Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений. - Экономические и социальные перемены... - 1995, N 1, с.12-16; О поколенческом механизме социальных сдвигов. - Куда идет Россия?: Альтернативы общественного развития. II. - М., 1995, с.237-247; Дети трех поколений. - Экономические и социальные перемены... - 1995, N 4, с. 31-33.

2. Заславская Т.И. Структура современного российского общества. - Экономические и социальные перемены... - 1995, N 6, с.9 (см. также: Хибовская Е.А. Заработки и личные расходы молодежи. - Там же, с.44-48).

3. Советский простой человек: Черты социального портрета на рубеже 90-х гг. - М., 1993.

4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. - Москва-Харьков, 1995; Дубин Б.В. Интеллигенция и профессионализация. - Свободная мысль, 1995, N 10, с.41-49.

5. Дубин Б.В. Семья или успех? - Экономические и социальные перемены... - 1995, N 6, с.24-27.

6. Левада Ю.А. Возвращаясь к феномену "человека советского". - Экономические и социальные перемены... - 1995, N 6, с.17, см. также: Гудков Л.Д., Пчелина М.В. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества. - Там же, с. 41-42.

7. Зурабишвили Т.З. Чему учить? Школа как зеркало перемен. - Экономические и социальные перемены... - 1995, N 3, с.16-18.

Н.Е. Покровский
КАК РЕФОРМИРОВАТЬ ОКЕАН?
(Заметки неделового человека)

О понятии "неудачник"

Прямо фантастика какая-то: какую газету или журнал ни откроешь, всюду статьи, авторы которых несколько обиженно, но не без скрытого пафоса защищают эту самую стратегию успеха и столь же затаенно-обиженно не понимают, почему еще не все полностью разделяют их глубоко позитивное восприятие достижений последних лет. С одной стороны, действительно, все более или менее улеглось, установилось по своим местам, выбор сделан, ориентиры намечены, никто особенно не протестует (по крайней мере, в массовом порядке), а вот эта обиженная интонация как лейтмотив сквозит во всех высказываниях. Откуда это? Разве игра не сыграна?

Читаю в редакторской колонке (по-старому в передовице) нового шикарного "Огонька": "Жизнь расслоилась, и такое ценное в прошлом умение "достать"... вытеснено ныне умением и возможностью заработать" (Л.Гущин). И вот, надо же, не все это осознают с полной самоотдачей. В этом и загвоздка. И, видимо, не малая, коль скоро тема эта до бесконечности варьируется не только в "Огоньке", но буквально всеми респектабельными средствами массовой информации. Там же далее: "Но в любом случае придется выбирать, стремиться ли побольше заработать либо отправляться вслед за анпиловыми разных мастей на баррикады в поисках "Абсолюта" для всех. Видели мы, что бывает в результате - кусок черного хлеба и кружка воды. Но для каждого".

На мой взгляд, самое примечательное в этой цитате - не столько ее содержание, сколько опять же интонация - слегка возмущенная, чуть-чуть обиженная - короче, беспокойная. И потом эти характерные броски из стороны в сторону в духе традиционного русского нигилизма (почти большевизма): "либо-либо" и никак иначе. Либо большая жратва, либо краюха хлеба на баррикадах; либо Гайдар, либо Анпилов; либо "успех", либо голова в кустах.

И еще одно. Откуда появляется этот навязчивый рефрен "заработать", "заработать", "заработать", "лестница потребления"...

Что касается меня самого и моих "успехов", говорить об этом не буду. Не интересная тема.

А вот об Илье Ильиче Обломове несколько слов скажу. Это теперь для нас самый ненавистный персонаж из всей рус-

ской литературы. Не Фамусов, не Чичиков, не Грушницкий, не Смердяков, а именно Обломов. Прежде соцреалистическая критика его поносила, теперь вот новая социальная - тоже его честит. В чем же дело? По разным причинам Илья Ильич тоже не герой моего романа, - просто у нас с ним разные температуры и вкусы на бытовом уровне. Да к тому же у меня, к величайшему сожалению, и в помине нет тех далеко не единичных добродетелей души, коими сполна обладал этот незаурядный человек.

Несколько лет назад, работая по контракту в одном из престижных американских университетов, я предложил своим американским (а по сути - многонациональным - студентам из разных стран Америки, Европы и Азии, в том числе из стран "Тихоокеанских Тигров", из Германии и, разумеется, из самих США) посмотреть дублированный на английский язык кинофильм Никиты Михалкова "Один день из жизни Обломова" и, словно школьникам из какой-нибудь российской школы, написать небольшое сочинение на условную тему "Правда Обломова и правда Штольца". (В свое время, готовясь к разного рода экзаменам, я и сам не раз "проходил" это задание.)

Прекрасно понимаю, что михалковская версия "Обломова" вовсе не канонична, и что главный герой обрисован в фильме в значительно более положительном свете, чем в романе И.А.Гончарова. И тем не менее... В моем американском классе было человек шестьдесят, в основном специализировавшихся по бизнесу и менеджменту. Принимая во внимание это обстоятельство, я как бы заранее спланировал результат моего импровизированного социологического опроса. Но когда я прочитал сочинения студентов, планирование мое безвозвратно рухнуло.

Прежде всего поразило меня то, что все они, буквально как один, поняли и смысл гончаровского романа, и заложенные в его экранной версии идеи режиссера, - при всем том, что у моих студентов не было никаких знаний о России и уж тем более - о российской истории и литературе. Это стало своеобразным откровением.

Но второе открытие оказалось еще более неожиданным. Все мои студенты (100% выборки) безоговорочно отметили превосходство Обломова (открытость души, мягкость, доброта, человечность) над его всегда ясным в суждениях и сверхдинамичным другом Штольцем. Будущие предприниматели и менеджеры, видимо, каким-то десятым нравственным чувством расставили свои собственные приоритеты нравственных ценностей, которые совсем не согласовывались с ходульными представлениями о бизнесменах.

Да, мои студенты - в перспективе капитаны глобального транснационального бизнеса - быть может, и сами станут Штольцами, но они уже изначально осознавали, что есть и правда Обломова, и она тоже хороша. Они, быть может, сохранят в

себе на долгие годы веру в то, что лучшие душевные качества, кои присутствовали у Ильи Ильича, столь же важны для нас (а, возможно, и более важны), чем холодный рационализм, нацеленный на успех и извлечение выгоды из чего бы то ни было.

Этот эпизод о многом заставил меня задуматься. И всерьез, и надолго.

Какой же Обломов неудачник? Прожить жизнь, не совершая подлости, не во лжи, разве это неудача? Конечно же, все хорошо известные обломовские недостатки и пороки были продолжением его достоинств. Кто будет с этим спорить! Но ведь были, в конце концов, и достоинства. И были они в нем сильны.

Так что об "удачниках" и "неудачниках" нужно еще поспорить. Не так все здесь однозначно, как нас порой хотят уверить.

Предлагаю договориться о терминах

Успех, удача, деловой человек, стратегия успеха... Думаю, нельзя вывести единой и общеприемлемой формулы этих понятий. И тем не менее...

Мне представляется, что в современной литературе все эти понятия - при всем разнообразии теоретических нюансов - трактуются прежде всего таким образом, что любой успех должен сопровождаться эквивалентным материальным достижением. Назовем это "принципом нравственно-экономического параллелизма". Причем именно последний, этот самый экономический успех, и есть критерий любого успеха. Мол, если не стал богаче и знатнее, то вообще-то сомнительно, что ты в чем-либо преуспел. Да, разумеется, ученый люд толкует о всяком рода "прокладках" этого достаточно жестокого и не слишком оригинального принципа. Но каковы бы ни были философские кружева, суть от этого не меняется: линейная экстенсивная зависимость "личный успех - экономический рост".

БОЛЬШЕ, БОЛЬШЕ. БЫСТРЕЕ, БЫСТРЕЕ. ВПЕРЕД, ВПЕРЕД. БОГАЧЕ, БОГАЧЕ.

Мое скромное понимание проблемы отлично от вышеизложенного. Да, человек может и должен заботиться о своем материальном статусе и стремиться повышать его. Это верно, ибо экономический "инстинкт" присущ большинству людей. Однако это лишь одна из многих сторон личности и притом не обязательно доминирующая. Экономический инстинкт соседствует с множеством других параметров самореализации личности и ее самоактуализации, говоря научным языком. Видеть за всем сущим в обществе преобладание экономического инстинкта и делать его эталоном успеха, по меньшей мере, странно. Это бы обедняло всю картину общества и, в известной мере, превращало бы людей в одномерных запрограммированных роботов, что и имеет место во многих случаях.

Вот так мне видится проблема. Поэтому позволю себе усомниться в том, что критерий успеха намертво связан с экономическим ростом и им определяется. Отнюдь нет. Иногда, правда, уводят на задний план материальный критерий и заменяют его критерием обладания властью и популярностью: мол, успех - это когда вы знамениты и политически вознесены на какую-нибудь высоту. Короче, здоровая амбициозность и здоровое тщеславие. (Сейчас это тоже налюбимейшие темы массовой прессы. Мол, скромность - это порок, свойственный разного рода недотепам. Зато "паблисити" - вот это дело, достойное умнейших из нас, то есть элиты всех уровней.)

Почему же тогда Борис Пастернак писал: "быть знаменитым некрасиво"? Как тогда расшифровать его поэтическую мысль? Неизвестно. Она никак не укладывается, как ни верти, в сетку понятий "успех-богатство-власть-известность--популярность". Не укладывается и все.

А можно ли предложить альтернативную формулировку успеха? Попробуем.

ПОСТАРАЙСЯ НЕ БЫТЬ ПОДЛЕЦОМ, НЕВЗИРАЯ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЕ ПОСТОЯННО ТОЛКАЮТ ТЕБЯ В НАПРАВЛЕНИИ ПОДЛОСТИ.

Вот вам вариант формулы успеха. Все остальное, право, сиюминутно, временно. А на все скептические вопросы относительно того, что есть и что не есть подлость, ответить очень просто. Наше внутреннее моральное чувство прекрасно, стопроцентно отделяет одно от другого, и даже если вы стараетесь себе в этом не признаваться, - все равно знаете, что есть что. Далеко не столь наивны были лорд Шефтсбери, Томас Джефферсон и многие другие выдающиеся представители человечества, построившие свои грандиозные системы на одном-единственном различии - различии добра и зла в своей душе.

Отстоять лучшее в себе и в чисто нравственном, и в высоко профессиональном отношении - требует от нас и труда, и выдержки, и стойкости, и еще много другого, например, того, что и называется Деловыми Качествами человека, в отличие от деляческих, которые пытаются подчас одухотворить и освятить.

О провинциализме

Возвратимся к эпизоду с американскими студентами. Молодые динамичные студенты из моего американского класса, готовя себя к будущей карьере бизнесменов, тем не менее априорно чувствовали мировоззренческую, философскую ограниченность этической парадигмы предпринимательства и уж во всяком случае ее неуниверсальность, невсеобщность на фоне цивилизационных достижений и провалов человечества. Экономика, бизнес, "деловитость" - это нужные и важные понятия, но они лишь частичные, фрагментарные компоненты

нашей цивилизации. Не более того. НЕ БОЛЕЕ ТОГО! Западноевропейская и американская история XX века доказывает это.

Запад, пройдя стадию индустриального и сполна погрузившись в волны постиндустриального общества, столкнулся с ограниченностью так называемой "протестантской трудовой этики", приведшей не только к колоссальной мобилизации материальных и организационных сил общества, но, в равной мере, и к истощению этого общества, вплоть до эрозии отдельных слоев и социальных групп, истощению прежде всего нравственно-психологическому. Причем осознание этой эрозии характерно отнюдь не только для представителей контркультуры и разного рода выпавших из общественной структуры рефлектирующих интеллектуалов университетского заклада. Ныне даже самые правоверные идеологи и практики большого бизнеса на Западе ведут речь об общественной миссии деловых структур, об их гуманистической роли в обществе, о том, что находится за пределами бизнеса, о благотворительности и т.д.

Говоря проще, примитивная деловитость, "делячество", погоня за материальным успехом, добропорядочный карьеризм и пр., хотя, разумеется, и существуют, но в сглаженных формах и отнюдь не в качестве образца или того, чем люди кичатся. Богатым быть можно, но это не столько благо, сколько тяжелая обязанность и ответственность перед обществом и самим собой. Такова новая и, по-моему, справедливая парадигма.

БЫТЬ БОГАТЫМ НЕКРАСИВО. Так понимает проблему все растущее большинство на Западе. Там веселый, беззаботный динамизм и этически облагороженное стяжательство просто вышли из моды и едва ли станут модными снова. Запад во многом переосмысливает роль предпринимательской философии и психологии, замещая их глобалистско-экологическими и холистскими концепциями - причем и на уровне обыденного сознания тоже.

У нас же усилиями идеологических властей (включая прежде всего СМИ) и немалых групп интеллектуалов проводится прямо противоположная линия. Отовсюду льются медоточивые речи о достоинствах бизнеса, о его великой преобразующей силе, о невиданных нравственных добродетелях российских бизнесменов. Молодая сотрудница из Института социологии РАН, исследуя экономические элиты, даже пришла к выводу, что "новые русские" - самый образованный и законопослушный слой в современной России. Понятие успеха превращено в языческий тотем. Всяческий успех. Успех ради успеха. Успех любыми способами.

Мне все это отчасти видится как пародия на нашу собственную российскую историю. Когда-то сбрасывали Пушкина с парохода современности (затем, и достаточно скоро, его стали восстанавливать), потом стали выбрасывать старинную мебель, заменяя ее полированной фанерой "под современный

модерн", теперь же совершенно по-провинциальному подбирают на Западе то, что там уже выходит из основного употребления. А вывод сам собой напрашивается один: Россия, в лице своих господствующих элит, скатывается в новый провинциализм. Причем их провинциальность, несмотря на внешние признаки прогрессивности, со временем не уменьшается, а стремительно увеличивается по всем параметрам - от стиля усадебного домостроения и одежды до образа мысли.

В будущее через прошлое?

Подобные рассуждения обычно вызывают два контраргумента. Первый из них состоит в том, что-де нам следует воспринять семиотику западной культуры во всей ее полноте, и это раскроет двери в новое глобальное сообщество, формирующееся на наших глазах, и выведет нас из исторической трясины на магистральную дорогу цивилизации. Часто говорят о том, как следует вести себя "в цивилизованном обществе", если мы хотим вступить в клуб "цивилизованных" стран и т.д.

Все бы это звучало убедительно, если бы не одно обстоятельство. А именно: никто не знает и знать не может, где пролегает "магистральный путь человечества". Это только так кажется, что он самоочевиден и что он-де пролегает по вершинам потребительства и ничем не скованной (прежде всего - культурными рамками) свободы слова. Это еще не доказанный, а только гипотетически предполагаемый факт. Так давайте же и исходить лишь из его инвариантности, но отнюдь не абсолютности.

Второй контраргумент, особенно характерный для философии социокультурной и экономической "шокотерапии", гласит, что России необходимо пройти все стадии развития капитализма, включая и первоначальное, "дикое" накопление капитала, прежде чем она поднимется до уровня мирового сообщества и либеральных демократий западного типа. В этом смысле мы должны пережить испытание на прочность философией "успеха". Мол, нельзя перепрыгивать через эпохи, а следует все делать чин-чином, по порядку. И этот аргумент вроде бы звучит здраво, хотя и отзывается очень больно.

Однако, позвольте. Здесь не все правильно. Выходит, в конце XX века население одной шестой земного шара должно добровольно-принудительно уходить в века, заниматься "огораживанием", мануфактурным производством, вынашивать в своей утробе "фор-пролетариат", содрогаться от мук первоначального накопления, впадать в "золотую лихорадку", назначать на ведущие экономические и политические посты отъявленных мошенников и даже преступников, с пониманием взирая на политическую и иную коррупцию, готовиться к колонизации либо сопредельных территорий, либо самих себя сопредельными

территориями? Неужели все это имеется в виду? Ведь это не гримасы первоначального накопления, а сами средства этого накопления.

На мой взгляд, теоретическую, кабинетную логику в этом можно отыскать. Но не более того. Проблема состоит не столько в том, что мы не хотим уходить в первоначальное накопление, сколько в том, что мировая цивилизация не сможет выдержать без серии глубочайших катаклизмов "цветочки и ягодки" "правильного" развития капитализма в России конца XX века. У мирового сообщества просто нет ресурсов развития и контроля, позволивших бы России, как школьнику-второгоднику, повторять урок истории. Не будем же, в конце концов, в сотый раз комментировать затертое изречение Гераклита о том, что нельзя дважды вступить в один и тот же поток. Ведь, действительно, нельзя.

Опасность современного провинциализма, в особенности столичного, состоит, на мой взгляд, в том, что он ищет истину где угодно, но только не там, где она может находиться. При этом провинциализм облекает себя в модные одежды "модернизации", "постмодернизма", культурного радикализма, "прогрессивности" и пр. Верно, у России нет и не может быть сугубо своего, отличного от западного или восточного, пути развития. Но из этой непреложной формулы следует лишь то, что этот путь становится результирующей всех других путей, плюралистической комбинацией всех многообразий, а отнюдь не каким-то одним, раз и навсегда предписанным рецептом, вроде протестантской трудовой этики.

О религии и этике

Кстати, несколько замечаний о религии и этике. Даже не будучи религиозным человеком, нетрудно понять, что религия есть, по меньшей мере, выражение культурной истории того или иного народа, его самосознания, формировавшегося в течение веков. Иначе говоря, можно ходить в церковь по воскресеньям или нет, но уважительно относиться к религии необходимо в любом случае, хотя бы из принципа достойного отношения к культуре своего народа. Притом мне представляется в рамках нашего разговора совершенно бессмысленным вопрос: что первично - религия или культура? Согласимся, что они взаимосвязаны миллионами взаимных уз, переплетаются миллионами связей и взаимовлияний. И даже в самой светской, полностью секуляризированной, культуре залегают целые пласты, ведущие свое происхождение от религиозной парадигмы.

Это первое, вполне самоочевидное, замечание. Следующее таково. При всем многообразии религий, существующих на территории России, нельзя не видеть того, что именно православию в силу многих исторических причин оказалось

доминирующим фактором формирования национального самосознания и национальной культуры народов России. Это тоже, кажется, достаточно очевидный факт. Так вот, надо признать, что в рамках этической парадигмы православного христианства нет такого элемента, как "этика успеха". Так получилось. Нет - и все тут! В противовес "этике успеха" центральная этическая и в целом конфессиональная концепция православия - принцип соборности, то есть единения христианской общины и погружение ее в совместное, сопричастное, наконец, "коллективное" сакральное служение. Об этом написаны сотни богословских и философских трактатов. Вся русская философия как бы формировалась вокруг этой "оси".

И в этой системе православного социокультурного видения мира не присутствует идея делового предпринимательского успеха. Отнюдь не потому, что люди, исповедовавшие и исповедующие православие, по природе своей были Обломовыми. Но просто потому, что обсуждаемая религиозно-этическая парадигма имела и имеет иную направленность, иной набор ценностей. Строительство социальных структур и экономики происходило в России по иным правилам и исходя из иных источников, в том числе нравственно-религиозных. Хорошо это или плохо, я не обсуждаю. Достаточно лишь признать, что это объективный факт вне любых оценочных суждений. Притом факт в рамках русской культуры универсальный, устойчивый, определяющий. Так получилось. Можно сожалеть об этом, кленя несчастную историческую долю русского народа, либо превозносить этику соборности, видя в ней и в "неконкурентоориентированности" россиян провиденциальный смысл. Но едва ли можно отрицать сам факт. Он был и есть "сам по себе". И с ним следует считаться во всех начинаниях по реформированию, в том числе - и этическому.

А следствия из всего сказанного многочисленны. Например, такое. Тот, кто вознамерился радикально реформировать советско-российское общество, имеет дело не только с некими верхушечными экономическими и политическими институтами, доставшимися от "проклятого коммунизма", а с целым океаном российской истории и культуры, который лишь на протяжении последних семидесяти с небольшим лет получил искусственную и во многом внешнюю форму социализма, оставаясь по-прежнему глубоко традиционным.

Вы готовы иметь дело с океаном и менять направление океанских течений? Я не считаю, что этого в принципе не следует обсуждать. Но если думать об "океанических" задачах, то и относиться к ним приличествовало бы соответственно, а не просто так играть в модернизацию, как играют на мелочь в преферанс: выиграю или проиграю, будь что будет.

Совершить переход от этики "неконкурентоориентированности" к "этике успеха" - это отнюдь не заменить один

кирпичик структуры на другой, не просто переключить "выключатель" из одной позиции в другую. Так не получится. Мы имеем дело с океаном.

Повторяю, я не считаю, что темы изменения этической парадигмы не должны обсуждаться. Безусловно, должны. Но с полным сознанием того, что мы касаемся некоего колосса, массива истории и культуры. Представляем ли мы себе то, как на это реформирование отзовутся различные общественные институты и социальные группы? Нет и нет. Все грядущее, как и в случае утопического идеала большевизма, предстает перед нами в розовом тумане без проработки не то что деталей, но даже и контуров. Никто особенно не заботится о последствиях. Все с упоением погружаются в стихию революционного переустройства с присущей ей абсолютизацией текущего момента.

Естественно, народившемуся классу новых собственников нужна система идеологической ориентации. Сколь бы некультурен был этот класс, логику истории не изменишь, - любая социальная группа воленс-ноленс вырабатывает свою систему ценностей, стремясь представить ее в качестве самой лучшей и наиболее универсальной в рамках общества в целом. Отсюда и невиданный напор "новых русских" в средствах массовой информации, проповедующих свою этику как абсолют, как высшую цель и высший критерий нравственности.

Правда, время от времени они умильно посещают богослужения в православных храмах и даже жертвуют кое-какие суммы на восстановление церквей и соборов. Но здесь просматривается серьезная неувязка. Либо все наше православие и православную культуру следует радикальнейшим образом реформировать (трудно даже сказать - как), дабы внедрить в него "этику успеха", либо нельзя исключить возможность того, что монументальный Храм Христа Спасителя, восстанавливаемый как православный собор, будет завершен в виде гигантской протестантской кирхи. Ведь стала же константинопольская Св.София величайшей мечетью в Стамбуле.

Прислушиваемся ли мы к самим себе?

На глаза случайно попалось интервью вполне уважаемого мною писателя Даниила Гранина, опубликованное в "Общей газете". Бывший депутат и "прогрессист" пространно размышляет о типе современного положительного героя, который бы мог появиться в его романе, если бы... такой роман был написан. Но романа пока нет и приходится лишь конструировать в воздухе схему того, что могло бы быть в принципе. "Кирпичики", из коих строится эта схема достаточно просты.

Один положительный герой мог бы быть ученым, лишенным возможности реализовать себя в науке и постоянно ищущим

щим новых жизненных решений. (Это что-то из старого, из "Иду на грозу" 60-х, "оттепельных" годов.)

Зато второй тип положительного героя - удачливый коммерсант, сменивший профессию кибернетика на "этику успеха" и ставший "дельцом". Д.Гранин именно так и пишет: "дельцом". И хотя писатель не безоговорочно принимает и своего второго героя, авторская симпатия явно склоняется к этому последнему варианту.

И вот на страницах газеты звучит весьма примечательное откровение известного романиста и публициста. Оказывается, создание положительного образа "дельца" могло бы стать открытием в отечественной литературе, ибо "русская литература не знает сочувственного отношения к человеку дела. Ни к Лопухину, ни к Штольцу. Между тем, - пишет Д. Гранин, - новое время можно познать через модель успеха".

Очень правильно сказано! Совершенно точно. Я имею в виду отношение русской классической литературы к удачливым дельцам. Сколько ни искать в нашем культурном наследии XIX и начала XX веков хотя бы одного положительного образа дельца, коммерсанта, "нового русского" того времени, - такого типа мы не отыщем. Максимум, на что могла пойти классика, это - Фома Гордеев из замечательной повести М.Горького. Да и то Фома Гордеев - это же анти-новый русский из числа "новых русских".

Неужели наши гениальные предшественники были такими слепцами, что не разглядели в Лопухиных и Штольцах "Молодой России"? Ведь и они по большей части были очевидцами первоначального накопления капитала в России и, тем не менее, не сумели обнаружить затаенного благородства в душе "удачливого дельца". Почему же так? Почему Валентин Серов, создав гениальную галерею заказных портретов этих самых удачливых "новых русских" начала века и их шикарных жен, воспринял их всех в весьма ироническом и, уж по крайней мере, не сочувственном свете? Значит, и Серов не понял исторической правды? Жаль, жаль...

А как насчет мировой высокой (не коммерциализированной!) культуры? Что-то не приходит на память предлагаемого Д.Граниным облагороженного типа финансиста, не отмеченного моральным тленом. Быть может, Теодор Драйзер? Да и то не совсем так. Не маловато ли для всей истории мировой литературы? Получается, и зарубежные классики, сполна погрузившиеся в стихию развитого рынка, не узрели истины. Так сказать, заблудились в трех соснах. А, быть может, объяснение этого феномена следует искать в другом. Например, в том, что величайшие таланты отечественной и мировой культуры весьма недвусмысленно полагали, что "деловитость" (не говоря уже о делячестве) не есть источник для художественного вдохновения.

Если согласиться с Д.Граниным, то волей-неволей придется признать, что мы, представители современного российского общества, сознательно противопоставляем себя прежде всего духовному наследию всей отечественной культуры. Может ли простираться наш реформизм так далеко? Не уверен. Что, в конце концов, вообще останется у нас, если мы выбросим за ненадобностью всех этих устаревших классиков, не поднявшихся до понимания стратегии успеха? Мне представляется, что за минусом высокой культуры, в том числе и этической, в российской истории останется только кровь и варварство, которых было немало и в XIX веке, и которые сполна заявляют о себе в наши дни. И нам предлагают пустить в расход этический идеал классики? Право, тут что-то не то.

Отказ от принципиальных идей духовного наследия классического прошлого, в моем скромном понимании, равнозначен самоуничтожению нации как таковой, которое может, кстати сказать, происходить и в форме установления культурной (точнее: антикультурной) диктатуры "новых русских".

Разумеется, и по сей день абсолютно все и на любом углу прилюдно клянутся в верности Пушкину, Чайковскому, Толстому и Достоевскому. А по существу? А по существу, ни одна из этических идей этих классиков не совпадает с предлагаемой нам и обсуждаемой стратегией успеха. Это разные системы социо-культурных ценностей. Я отчетливо вижу, как очень скоро классическая русская литература будет ничуть не более близкой российскому читателю, чем произведения Диккенса или Бальзака, - она станет такой же "иностранной", толкующей о чем-то, что было давно, а быть может, и вообще не было на самом деле, короче, этической фантастикой на историческом костюмированной фоне.

...Радиостанция "Эхо Москвы" передает каждодневные вечерние интервью с удачливыми предпринимателями и их окружением - для вящего назидания аудитории, мол, знай, с кого надо делать жизнь. Вот интервьюируют известную журналистку из газеты "Московский комсомолец". Как-то вяло разговор идет - о том, о сем. Журналистка, молодая женщина, самодостаточная в своем профессиональном совершенстве и популярности, производит впечатление человека, которому уже открылись непреложные законы нашего бытия. Проблем и нерешенных задач для нее, кажется, уже и не существует. Так сказать, утомленная истиной...

И тут ведущая зачем-то задает вопрос:
- Скажите, а что Вы чувствуете, когда видите в переходах метро нищих и убогих? Как насчет этого? (Вопрос явно не из репертуара "Эхо Москвы", потому он и вызывает удивление.) Интервьюируемая журналистка на мгновение замолкает. Но вот снова оказывается на коне:

- Эту проблему я для себя давным давно решила. И тут нет секретов. Таких людей, о которых вы говорите, много. Ну и что? Я не могу постоянно о них думать и постоянно страдать по их поводу. Иначе от этого снизится мой профессионализм. У меня своя профессия, свой круг забот. Я не могу всем заниматься. И потом еще одно. В нашей жизни каждый может заработать себе на пропитание и кров. Если захочет. Вот именно, если захочет! Зачем же мне заботиться о тех, кто не желает работать и помогать себе.

Таков ответ. Такова вот стратегия успеха. Подобная неприступная цельность мировоззрения может даже вызвать минутное восхищение. Но только минутное. И что больше всего меня поражает, так это интонация безапелляционности, с которой все это произносится. По одной лишь интонации ("о чем говорить, когда не о чем говорить") можно узнать нашего "нового интеллектуала", слова и аргументы, право, не столь характерны. На это хочется ответить: "Вы ошибаетесь. Есть о чем говорить! Есть! Тема далеко не закрыта".

Проблемы современного категорического императива

Какова нравственная природа современного российского крупного, среднего да любого иного капитала?

На этот, казалось бы, простой вопрос дают самые различные ответы. Но даже сторонники радикальной рыночной реформы не могут отрицать того, что источник крупного накопления в нашем обществе в принципе не может иметь правовой и, тем более, нравственный характер. Говоря проще, нет таких правовых норм даже в нашем пробельном законодательстве (и, соответственно, этических аргументов), которые бы могли объяснить и даже теоретически допустить скороспелое сколачивание гигантских или просто крупных состояний. Короче, все это великолепие, повсеместно бьющее в глаза, особенно в столицах, имеет (прости меня, бог!) неправовой и не нравственный характер.

Еще каких-нибудь полгода тому назад подобное суждение вызвало бы волну негодующего протеста и всякого рода обвинений в адрес говорящего. Ныне картина несколько изменилась. Девятый вал преступности и общей криминализации общества заставил даже самых правоверных рыночников признать, что тут что-то не то, что так быть не должно, даже если допустить известную свободу, свойственную первоначальному накоплению капитала. Выходит, что стратегия одномерно понимаемого коммерческого успеха завела нас куда-то не туда, ибо самые успешные оказались и самыми, как бы сказать поделикатнее, неэтичными. Но нет безвыходных ситуаций. Правовой и этический тупик, в котором оказалось наше общество, породил очередную философскую теорию.

Она гласит, что не столь важно, что наш отечественный капитал преступен по своей природе, но главное, чтобы он "работал" на общество, заставляя крутиться шестеренки инвестиций, производства и торговли. С выражением скорбного и одновременно всепрощающего умиления утверждают, что, мол, все капиталисты во все времена строили свое богатство в обход законодательства, и что, мол, наши - отечественные - в этом смысле не составляют исключения. Но при этом, говорят, важно направить "плохих" предпринимателей на "хороший" путь общественного служения.

К этому аргументу часто дают и привесок такого рода: "Чем больше богатеют сами богатые, тем в итоге, рано или поздно, будем лучше жить и мы, то есть все остальные".

Недавно, по чистой случайности, натолкнулся на полночную передачу по Российскому ТВ, посвященную рекламе товаров и услуг для супербогатых. Ведущие - известные театральные артисты, - навесив на лица нарочито серьезное выражение, заявили следующее: "Мы получили письмо от телезрительницы-пенсионерки, спрашивающей, зачем нам рекламировать такие дорогие вещи, когда многие россияне ныне не могут свести концы с концами и просто прилично питаться. Дело в том, - продолжали ведущие на полном серьезе, - что рекламируя высшие образцы потребительских товаров, мы рассчитываем на то, что богатые будут вкладывать свои средства у нас, в России, а не вывозить их за границу. Тогда и все остальное население страны будет жить лучше, так как прибавится рабочих мест и кругооборот капитала повысит жизненный уровень для всех". После этого, великолепно исполненного, вступления на добрый час началась передача, рекламировавшая мебельные гарнитуры по цене 25 тыс. долларов и выше.

Не могу не сказать несколько слов и о том, что рекламировалось в той передаче. Эти шикарнейшие мебельные гарнитуры, при всех различиях стиля и функциональной предназначенности, объединяло одно - вопиющая, почти тошнотворная пошлость, то есть полное отсутствие соответствия нормам современного эстетического вкуса. И это было вполне объяснимо. Размягчение нравственных ценностей и их дисперсия имеют своей оборотной стороной упадок эстетического отношения к жизни.

Все это вызывает у меня несколько вопросов чисто теоретического характера.

Первый вопрос - в отношении роскоши и пошлости. Первоначальное накопление капитала на Западе, совершавшееся под эгидой протестантской этики, требовало от "новых богатых" величайшей аскетичности по части удовольствий и различных жизненных благ, а также возвеличивало и бережливость. Таковы факты истории. Как же тогда с ними поступать при виде наших доморощенных русских "пуритан" с их разнузданной,

громоподобной безвкусицей и мотовством? Или мы опять читаем Вебера и рассматриваем историю весьма избирательно?

Верно, наши предприниматели Вебера не читают. Но вот идеологи стратегии успеха это непременно делают, о чем свидетельствуют частые ссылки на немецкого социолога, там и сям рассеянные по страницам соответствующих публикаций. Так почему же мне ни разу не довелось прочитать ни одной книги, статьи и даже заметки о протестантской скромности, воздержанности, внутренней дисциплине, в конце концов, аске-тичности? Куда исчезла эта веберовская тема? Почему она так у нас не популярна? Или наше первоначальное накопление мыслится по иной этической схеме?

Теперь еще один вопрос. О другом. Из всего происходящего в нашем обществе следует (и с этим все соглашаются) что, получать сверхприбыли и одновременно соблюдать налоговые и другие законодательные правила невозможно. Значит, тот, кто сколотил капитал и готов стать покупателем рекламируемых мебельных гарнитуров, каким-то образом обошел это законодательство. (Разумеется, не будем употреблять грубое и негигиеничное выражение "совершил преступление".) Просто "обошел" закон или (в лучшем случае) нашел в нем пробельность и все тут.

Но если этическая парадигма нового класса собственников претендует на всеобщность (а как же иначе?), то она касается каждого. Значит, каждый человек имеет внутреннее основание следовать этой парадигме.

Таким образом и пассажир троллейбуса, оплачивающий лишь одну из четырех своих поездок и трепещущий перед контролером, тоже вполне этичен. Безбилетный "зайчишка" воспользовался моментом и в каком-то смысле осуществил высшую справедливость, ибо платить тысячу рублей за одну поездку в транспорте при зарплате 150 тыс. в месяц - абсолютный нонсенс с социологической точки зрения: так жить просто нельзя. Быть честным, законопослушным и при этом физически выжить сейчас невозможно. Но почему-то никто не оправдывает безбилетника и не посвящает ему статей под заголовком "Стратегия успеха - не платить за проезд". Напротив, его, беднягу, жестоко наказывают при каждом удобном случае. Но вот банкира-"безбилетника", совершающего, по сути, то же самое, с радостью оправдывают и даже провозглашают отцом национального возрождения.

Возьмем другой типичный случай, более сложный. Деклассированные молодчики залезают в пустующую зимой летнюю дачу и крадут, скажем, консервированные овощи и варенье. Не правда ли, типичная ситуация? Далее, эти экспроприаторы кому-то продают свой улов и полученными деньгами распоряжаются известно как - в собственное удовольствие.

Смотрите, что мы имеем. А имеем мы товарооборот, пусть и самый элементарный. Тот самый замечательный товарооборот, на который молятся апологеты новой нравственности. Какие могут быть претензии к вора, ведь они же стимулируют потребление и экономическую активность?

Это как, стратегия успеха или что-то иное? Ведь все эти деятели весьма преуспели, а их пример - другим наука.

Если серьезно, то распространение этической парадигмы нового класса собственников на все общество неминуемо приведет к полному нравственному хаосу, аномии и чему угодно, характеризующему анархию. Ведь Иммануил Кант, рассматривая основы общественной нравственности и законности, вывел "категорический императив": поступай так, чтобы максима твоего поведения могла стать принципом всеобщего законодательства. Вот и будет все общество поступать согласно максиме поведения "новых русских": воровать, обходить закон, всепрощительно освящать взяточничество.

Или же у нас установлен двойной стандарт? Что позволено Юпитеру, то не позволено быку? Если так, то к чему все речи о демократии? Она ведь несовместима с двойным стандартом. И в теории, и на практике.

Из этой этической ситуации, если ее радикально не изменить, есть только два естественных выхода.

Первый: общество на всех своих уровнях и в структурах (в том числе, на географических пространствах) распадется на части - озлобленные группировки, "стаи", бьющиеся за свое выживание по принципу "войны всех против всех".

Второй выход - установление жесточайшей диктатуры правящих группировок и кланов, которые в нравственной сфере будут истолковывать категорический императив только в рамках своей элиты, "для своих". А остальных "зайцев" будут ловить ловкие контролеры, ловить и... казнить, дабы было неповадно копировать обитателей Олимпа.

Какая из альтернатив лучше? Право, не знаю.

В.С.Магун
ОТ 1985 К 1995: РЕВОЛЮЦИЯ ПРИТЯЗАНИЙ*

Жизненные цели и притязания людей, являющиеся важными внутренними предпосылками их активности и социальной мобильности, оказались в то же время и наиболее чуткими индикаторами фундаментальных перемен, происшедших и происходящих в российском обществе в течение последнего десятилетия. Проследить динамику этих субъективных феноменов мы смогли благодаря серии исследований, начатых в середине 80-х годов.

Первый шаг был сделан осенью 1985 года, когда в Киеве проводился опрос учащихся выпускных классов средних общеобразовательных школ. Замысел анкеты, разработанной совместно с Е.И.Головахой[1], состоял в том, чтобы рассмотреть притязания школьников, до тех пор изучавшиеся только с помощью лабораторных моделей, на материале реальных жизненных показателей. В исследованиях целеполагания показано, что уровень притязаний человека обычно колеблется в определенном диапазоне[2]. Учитывая это обстоятельство, мы намеренно сформулировали вопросы так, чтобы актуализировать в сознании респондентов цели, лежащие ближе к *нижней* границе указанного диапазона: во всех случаях респондента спрашивали о том, что он счел бы *достаточным* для себя. Данные притязания, по-видимому, более реалистичны, и, главное, человек тверже их отстаивает, активнее борется за их воплощение в жизнь, чем за осуществление своих - более завышенных - устремлений.

Предметом нашего изучения были притязания, относящиеся к различным компонентам будущего социального положения (социального статуса) учащихся. Как известно, в социологии выделяются три основных компонента социального статуса человека - власть, престиж и богатство. Эти три параметра и были предметом тех притязаний, которые мы фиксировали у юношей и девушек. Кроме того, учащихся спрашивали об их образовательных притязаниях, так как образование является основным способом повышения социального положения в современном обществе.

Отдаем себе отчет в том, что некоторые цели, о которых мы спрашивали учащихся, не являются у них достаточно определенными; например, вряд ли все молодые люди точно зна-

* Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

ют, какую должность они планируют занять или какую дачу построить. Но для изучения уровня притязаний это обстоятельство не служит помехой, ибо известно, что в ситуации неопределенности человек порой даже более открыто выражает свои глубинные психологические свойства, чем в ситуациях полной ясности.

Для ответов о своих целях респондентам предлагались наборы вариантов, число которых, как правило, равнялось пяти. Например, в вопросе о должности, которую учащийся считал бы для себя достаточной в будущем, были предложены следующие варианты "закрывать": 1 - рядовой работник; 2 - руководитель небольшого коллектива (бригадир, руководитель группы и т.п.); 3 - руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении (начальник цеха, зав.отделом); 4 - руководитель предприятия, учреждения; 5 - руководитель более высоких звеньев управления. Выбор того или иного варианта и характеризовал уровень притязаний молодого человека.

Второй шаг по пути изучения жизненных притязаний и стратегий их реализации был сделан в начале 90-х годов. В проведенных в этот период исследованиях использовался тот же базовый набор эмпирических индикаторов, что и в 1985 году. Но принципиально изменилась ситуация: за время, прошедшее с первого опроса, в России и в других странах бывшего Советского Союза произошли радикальные социальные, политические и культурные перемены.

На этот раз опрос прошел в двух столичных городах - Москве (конец 1990 - начало 1991 гг.) и Киеве (1992 год). Сопоставления с 1985 годом позволили нам прийти к выводу: притязания нового поколения учащихся резко повысились, - произошла "революция возросших притязаний"[3].

В 1995 году был предпринят *третий шаг* в анализе субъективных жизненных перспектив учащихся. Его необходимость диктовалась двумя основными соображениями. Первое из них можно условно назвать "географическим", - надо было расширить географию исследования за пределы столичных городов. Второе - можно, по аналогии, назвать "историческим", и связано оно с необходимостью, во-первых, проследить устойчивость сдвигов, происшедших в сознании молодых людей к началу 90-х годов, и, во-вторых, выявить влияние на жизненные притязания новых социальных, политических, экономических и культурных изменений, которые произошли в России и на Украине уже после завершения предыдущей серии опросов - в последние несколько лет.

На этот раз для исследования были выбраны следующие города: Москва (столица России с населением 8,8 млн. чел.), Орел (областной центр - 350 тыс. чел.), Мценск (районный центр в Орловской области - 51 тыс. чел.), Киев (столица Украины - около 2,6 млн. чел.). Как и в предыдущие годы, в

опросе участвовали учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ, т.е. таких, куда учащиеся первого класса поступают без специального отбора. Анализ материалов 1995 года в сопоставлении с данными прошлых лет и составляет задачу данной статьи.

Начнем с рассмотрения притязаний в сфере образования, профессиональной деятельности и общественного признания.

В ответ на вопрос о том, какое образование они считают для себя "достаточным", почти все (80-90%) учащиеся выпускных классов заявили, что стремятся окончить институт или университет, причем небольшая часть из них планирует дополнить базовое вузовское образование обучением в аспирантуре. Это свидетельствует о том, что пребывание в старших классах средней школы рассматривается учащимися как путь к высшему профессиональному образованию. Учащиеся, живущие в различных городах, в этом плане практически не отличаются. Мало что изменилось и по сравнению с предыдущими результатами в начале 90-х и в 1985 году. Таким образом, анализируя всю дальнейшую информацию, будем иметь в виду, что речь идет о людях, видящих себя в будущем высоко образованными специалистами.

Перейдем теперь к притязаниям на *должностной статус*, связанный с осуществлением власти над другими работниками (табл. 1). Здесь существуют различия в зависимости от пола учащихся: должностные притязания юношей несколько выше, поэтому изменения притязаний во времени следует рассматривать по группам юношей и девушек в отдельности.

Структура притязаний 1985 года имела два основных скопления ответов, - учащиеся выбирали для себя позицию руководителя небольшого коллектива (40-50% голосов) или позицию руководителя крупного подразделения на предприятии, в учреждении (20-30%). К началу 90-х годов притязания заметно выросли и структура их изменилась, - теперь позиция руководителя промежуточного уровня стала менее привлекательной для учащихся, и часть отданных за нее голосов переместилась к позиции более высокого ранга. В итоге объектом притязаний стали две основные властные позиции, - руководитель небольшого коллектива (бригадир, руководитель группы и т.п.) и руководитель предприятия, учреждения. Первая из этих позиций находится на нижнем уровне управленческой иерархии, существующей в производственных организациях, вторая - венчает эту иерархию.

Привлекательность этих двух позиций характерна и для всех городов, вошедших в выборку 1995 года. Но данные 1995 года свидетельствуют о дальнейшем росте властных притязаний. Действительно, если сравнить средние оценки, то и в Моск-

ве, и в Киеве они заметно и статистически значимо выросли по сравнению с началом 90-х годов. Этот рост выразился в том, что распространенным объектом притязаний стали позиции, названные в анкете "руководителями более высоких звеньев управления". К их числу принадлежат должности в разнообразных хозяйственных объединениях (ассоциации, холдинги и т.п.), а также позиции в сфере государственного управления.

Таблица 1

“Достаточная” должность
(% опрошенных; Ю - юноши, Д - девушки,
в скобках - количество опрошенных в каждой группе)

Должность	Моск- ва-95	Орел- 95	Мценск- 95	Киев- 95	Моск- ва-90,91	Киев- 92	Киев- 85
	Ю/Д (100) (100)	Ю/Д (100) (108)	Ю/Д (81) (105)	Ю/Д (103) (100)	Ю/Д (189) (197)	Ю/Д (76) (129)	Ю/Д (284) (341)
Рядовой работник	8/6	8/8	7/11	1/3	10/14	8/9	10/14
Рук.неболь- шого кол- лектива (бригадир, рук.группы и т.п.)	24/26	22/31	31/35	21/21	33/38	29/37	39/50
Рук.крупного подраз- деления на предприя- тии, в уч- реждении	13/16	16/17	28/22	16/20	14/20	13/18	33/21
Рук.пред- приятия, учреждения	31/32	25/30	24/23	31/37	24/21	34/30	7/9
Рук.более высоких звеньев управления	23/17	28/11	7/9	29/15	15/6	14/2	8/4

Процесс выхода притязаний на надорганизационный уровень затронул учащихся трех рассматриваемых городов (причем у юношей он выражен сильнее, чем у девушек), в четвертом - Мценске - пока сохраняется прежняя модель, характерная для столичных городов начала 90-х годов. Но, судя по изменениям, которые, как видно из материалов наших

сравнений, за несколько лет произошли в притязаниях молодых москвичей и киевлян, можно ожидать, что и сознание жителей малого города будет, с некоторым запаздыванием, меняться в том же направлении.

Ответы учащихся на вопрос о том, чье *признание и уважение* они сочли бы для себя достаточным в будущем, сосредоточены в 1995 году в категориях, характеризующих *неофициальное* признание в узкой ("со стороны семьи, близких, друзей") или широкой ("со стороны большого круга знакомых") среде; здесь сконцентрировано около 60-70% ответов. Стремление к официальному "широкому общественному признанию" среди молодых москвичей выражено слабее, чем в других городах, а в Орле и Мценске, наоборот, встречается более часто.

Вообще резкий сдвиг в сторону частных, неофициальных форм общественного признания произошел уже к началу 90-х годов, что ясно видно из материалов предшествующих опросов. Это было следствием разрушения системы общественного признания, которая существовала в советском обществе в период тоталитаризма. Что касается последних нескольких лет, то, как показывают сравнения данных 1995 и начала 90-х годов по Москве и Киеву, за это время больше не происходило столь резких сдвигов. Стоит только отметить некоторый рост притязаний на признание у молодых киевлян. Они заметно чаще называют в качестве своей программы-минимум потребность в признании со стороны большого круга знакомых, а также "всеобщий почет и уважение, признание потомков". Не исключено, что это свидетельствует о постепенном восстановлении - на новой основе - утраченных ранее социальных устремлений молодежи.

Мы рассмотрели цели молодых людей, связанные с их будущей властью и престижем, а также с образованием как способом достижения будущего статуса. Обратимся теперь к притязаниям, связанным с уровнем богатства (благополучия), образующего третий компонент социального положения человека в современном обществе.

Начнем с притязаний, касающихся такого существенного компонента и источника благополучия, каким является *заработок*. Соответствующий вопрос в анкете звучал так: "Когда Вы начнете работать, какой заработок в месяц был бы для Вас достаточным?" (Мы не подчеркивали различий между заработком и предпринимательским доходом, считая, что в неофициальной формулировке анкеты в этом не было необходимости.) В таблице 2 приведены некоторые характеристики ответов учащихся, причем для удобства эти ответы выражены в миллионах рублей (в исходных ответах учащихся часть сумм была выражена в рублях, а часть - в долларах).

Таблица 2

“Достаточный” заработок в месяц
(Ю - юноши, Д - девушки,
в скобках - количество опрошенных в каждой группе)

Показатели	Москва-95	Орел-95	Мценск-95	Киев-95
	Ю / Д (100)/(100)	Ю / Д (100)/(108)	Ю / Д (81)/(105)	Ю / Д (103)/(100)
Модальные значения (млн.руб.) и их доли в распределении	4,5 / 4,5 13% / 20%	1,0 / 1,0 4,5 / - 9% / 22% 9% / -	1,0 / 1,0 21% / 21%	2,2 / 2,2 21% / 25%
Медиана распределения (млн.руб.)	4,5 / 3,0	2,0 / 1,5	1,5 / 1,0	2,2 / 2,0
Доля ответов до 1 млн.руб. в месяц (%)	3 / 6	24 / 20	18 / 39	9 / 17
Доля ответов до 10 млн.руб. в месяц (%)	80 / 91	88 / 96	85 / 91	84 / 100
Средняя (млн.руб.)	8,9 / 4,3	5,2 / 3,2	5,2 / 3,8	8,4 / 2,3
Ошибка средней (при $p < 0.05$) млн.руб.	1,5 / 0,4	0,8 / 0,7	1,1 / 0,9	1,6 / 0,2

Несмотря на значительный разброс ответов, большинство респондентов называли цифры, заметно превышающие нынешние средние величины заработной платы. Достаточно отметить, что во всех рассматриваемых подгруппах (кроме учащихся-девушек из Мценска) заработок меньше 1 млн. рублей назвали в качестве достаточного не более 20% ответивших (в Москве - 3%). Наиболее частыми (принадлежащими к так называемому модальному классу) были ответы, равные или превышающие 1 млн. рублей: 4,5 миллиона в Москве (в анкетах было указано "1000 долларов"), по 1 миллиону - в Орле и Мценске, 2,25 миллиона - в Киеве (там в анкетах было указано "500 долларов"). Средние величины, при

том, что в данном случае их информативность не следует переоценивать, колеблются тоже в диапазоне миллионных сумм: от примерно 2,3 млн. рублей у учащихся-киевлянок до 8,9 миллионов у юношей-москвичей.

В то же время, притязаниям молодых людей, как и реальным заработкам и доходам населения, свойственна *высокая дифференциация*: значительная часть респондентов указывает десятки миллионов рублей, половина респондентов - в каждой из восьми рассматриваемых подвыборок - дает ответы, не превышающие нескольких или даже одного миллиона рублей (об этом свидетельствуют приведенные в таблице медианы распределений денежных сумм, названных учащимися).

Наблюдается четкая зависимость денежных притязаний от пола учащихся и города, в котором они живут. В каждом из четырех городов юноши характеризуются более высокими финансовыми притязаниями, чем девушки, и во всех городах, кроме Мценска, эти различия статистически значимы. Данные различия отражают традиционные представления о социальных ролях мужчины и женщины, в которых ответственность за обеспечение семьи финансовыми ресурсами в большей мере возлагается на мужчину. На различия в притязаниях юношей и девушек, возможно, повлияли и реально существующие в постсоветских обществах России и Украины различия в заработках мужчин и женщин.

Если теперь "вынести за скобку" межполовые различия и сравнивать представителей одного и того же пола, живущих в разных городах, то ясно видны различия между юношами, проживающими в столичных и "провинциальных" городах: в первом случае средние показатели на 3-3,5 миллиона рублей выше, чем во втором. У девушек же значимые различия существуют только между Россией и Украиной: на Украине представления о достаточном заработке более скромны. В итоге средние показатели денежных притязаний можно выстроить на шкале из четырех пунктов, где на полюсе максимальных значений расположены юноши столиц, далее идут юноши из провинции, на третьем месте - девушки-учащиеся из российских городов, и, наконец, на полюсе минимальных значений - девушки-учащиеся из столицы Украины.

Теперь перейдем к рассмотрению некоторых "натуральных", имущественных компонентов благосостояния. Начнем с притязаний, касающихся *жилья*. Респондентам задавали вопрос о том, "какие жилищные условия они считают достаточными для своей будущей семьи". При этом надо было указать число комнат в квартире или в доме и ожидаемый размер будущей семьи, для которой эти комнаты предназначены. Мы отдаем себе отчет в том, что спрашивая о числе комнат, получали лишь самое грубое представление об уровне "жилищных притязаний" учащихся, но, тем не менее, этот простой индикатор оказался

достаточно информативным и чувствительным к влиянию изучаемых нами факторов.

Во всех рассматриваемых группах учащихся ожидаемое число членов семьи приблизительно равно 4. Что же касается достаточного числа комнат, то оно во всех группах, кроме юношей-москвичей, приблизительно равно 5 (а у юношей Мценска даже ближе к 6). Таким образом, притязания на жилище чаще всего, по-видимому, формируются сегодня по принципу *"число комнат равно числу членов семьи плюс одна"*.

Рассуждения, стоящие за этим принципом, могут быть различными: комната для каждого члена семьи плюс общая семейная комната или комната для каждого плюс комната для гостей и т.п. Важнее другое - нынешний принцип резко отличается от того, что было еще совсем недавно, в начале 90-х годов. Судя по результатам предыдущей серии исследований, тогда соответствующий принцип был иным: *достаточное число комнат было эквивалентно в высказываниях респондентов числу членов будущей семьи* (4 комнаты, соответственно, на 4-х членов семьи).

А за 5-7 лет до этого, в середине 80-х, соотношение числа комнат и числа членов семьи в притязаниях учащихся носило еще более скромный характер: достаточное число комнат равнялось числу членов будущей семьи, уменьшенному на единицу. Таким образом, притязания юношей и девушек подверглись за последнее десятилетие поистине революционным изменениям - каждый пятилетний срок прибавлял к ним, примерно, по комнате.

В 1995 году имеются различия между запросами учащихся, проживающих в разных городах. Наибольших значений достигают притязания у юношей Орла и Мценска, а наименьших - у юношей Москвы. Это, скорее всего, связано с развитием в городах рынка жилья и с гораздо более высокими ценами на жилье в Москве, по сравнению с провинциальными городами. Таким образом, задумываясь и высказываясь о достаточном размере жилья, наши респонденты стараются трезво соотносить свои притязания с реальными возможностями, вследствие чего и формируются отмеченные выше межгородские различия.

Как уже говорилось, статистически значимые различия по этому параметру имеются только между юношами. И это выглядит вполне естественно в свете полученных нами дополнительных данных о распределении ответственности за приобретение жилья: девушки ждут помощи в решении "жилищного вопроса", в основном, со стороны будущих мужей, и юноши против этой позиции не возражают. Но раз так, именно юношам приходится в большей мере учитывать в своих притязаниях реальные трудности приобретения жилья.

В качестве второго компонента жилищных притязаний мы интересовались планами приобретения *садового участка и*

дачи ("второго жилища"). Вопрос в анкете звучал так: "Если Вы предполагаете в будущем иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?". На выбор предлагались следующие варианты ответов: (1) - не предполагаю иметь участок; (2) - легкая временная постройка ("временка"); (3) - небольшой деревянный дом; (4) - большой деревянный дом; (5) - капитальный кирпичный дом. Распределение ответов на этот вопрос приводится в таблице 3.

Таблица 3
 "Достаточная" постройка на дачном участке
 (% опрошенных; Ю - юноши, Д - девушки,
 в скобках - количество опрошенных в каждой группе)

Варианты ответа	Моск-ва-95	Орел-95	Мценск-95	Киев-95	Моск-ва-90,91	Киев-92	Киев-85
	Ю/Д (100) (100)	Ю/Д (100) (108)	Ю/Д (81) (105)	Ю/Д (103) (100)	Ю/Д (189) (197)	Ю/Д (76) (129)	Ю/Д (284) (341)
Не предполагаю иметь участок	7/1	11/6	7/4	13/9	3/3	8/4	30/36
Легкая временная постройка (временка)	0/0	0/0	1/1	0/0	3/4	3/1	2/3
Небольшой деревянный дом	19/13	12/20	26/29	7/13	19/17	5/12	32/29
Большой деревянный дом	24/39	10/21	10/13	7/11	35/42	8/20	7/9
Капитальный кирпичный дом	50/47	67/52	53/53	74/67	40/34	76/63	26/21

Как и в других имущественных притязаниях, в запросах, относящихся к даче, резкий сдвиг вверх произошел к началу 90-х годов: к тому моменту, прежде всего, сильно уменьшилась доля тех, кто вообще не планировал иметь участок и загородный дом; уменьшилась также популярность "небольшого деревянного дома" в качестве "достаточного" второго жилища, и резко возросла частота выбора домов, наиболее качественных - "большого деревянного" и "капитального кирпичного".

Структура высоких притязаний, сформировавшаяся к началу 90-х годов, сохранилась и сегодня. Как видно из

таблицы, во всех четырех обследованных городах очень мало тех, кто не предполагает иметь участка с дачей; кроме того, основные предпочтения во всех этих городах сосредоточены на двух наиболее качественных вариантах, при этом в Москве за последние 5 лет доля "капитального кирпичного дома" продолжала расти.

Отличия между молодежью различных городов не очень значительны, и выражаются они, во-первых, в более частом предпочтении кирпичных дач киевлянами и, во-вторых, в большей, чем в других городах, популярности скромного "небольшого деревянного дома" в Мценске и Орле (среди учащих-девушек). Как следствие этих двух обстоятельств, вариант "большого деревянного дома" оказался в Москве более популярен, чем в других городах.

И наконец, рассмотрим еще один вид материальных притязаний, относящийся на сей раз к одному из наиболее дорогих компонентов движимого имущества - *автомобилю*. Соответствующий вопрос и варианты ответов на него звучали в анкете следующим образом: "Если Вы предполагаете иметь в будущем для себя и своей семьи автомобиль, то какую марку Вы сочли бы достаточной? (1) - не предполагаю иметь; (2) - "Запорожец"; (3) - "Москвич"; (4) - "Жигули"; (5) - "Волга"; (6) - другую (какую именно марку?)". Основа подобной формулировки вопроса идет из исследования 1985 года, но в начале 90-х мы, учитывая изменение ситуации, добавили шестой - свободный вариант ответа.

К началу 90-х годов, как видно из таблицы 4, в ответах на этот вопрос произошли резкие изменения, образовавшие один из наиболее зримых компонентов названной выше "революции притязаний". Прежде всего, к этому моменту резко, почти до нуля, уменьшилась доля учащих, вообще не планирующих в будущем иметь автомобиль. И принципиально изменилось происхождение желаемых автомобилей, - более трети из них составили иномарки. Это не обязательно означает, что все, названные юношами и девушками, иномарки принадлежали к более высокой категории качества, чем отечественные автомобили. Но все равно данный сдвиг носил принципиальный характер, продемонстрировав резкое расширение свободы потребительского выбора, снятие еще одного существовавшего ранее табу.

Материалы 1995 года показывают, что структура притязаний в отношении личного автомобиля, существовавшая в начале 90-х годов в Москве, характерна сегодня в своих принципиальных чертах для учащих всех изучаемых городов. Это позволяет утверждать, что радикальные изменения уровня рассматриваемых притязаний молодежи, по сравнению с советской эпохой, являются сегодня универсальными для всего постсоветского городского пространства. Данные изменения приве-

ли, прежде всего, к тому, что владение автомобилем рассматривается в качестве необходимого элемента образа жизни

Таблица 4

“Достаточный” автомобиль
(% опрошенных; Ю - юноши, Д - девушки,
в скобках - количество опрошенных в каждой группе)

Варианты ответа	Москва-95	Орел-95	Мценск-95	Киев-95	Москва-90,91	Киев-85
	Ю/Д (100) (100)	Ю/Д (100) (108)	Ю/Д (81) (105)	Ю/Д (103) (100)	Ю/Д (189) (197)	Ю/Д (284) (341)
Не предполагаю иметь автомобиль	6/0	0/1	1/6	4/2	1/5	18/25
“Запорожец”	0/1	0/0	0/0	4/0	1/1	2/0
“Москвич”	1/3	2/6	1/3	0/1	5/5	6/6
“Жигули”	20/20	24/17	40/34	16/13	38/37	56/49
“Волга”	12/12	10/26	6/13	8/3	14/17	18/18
Другой российский или украинский автомобиль	1/1	2/2	2/9	3/0	-/-	-/-
Иностран- ный автомо- биль из “дальнего зарубежья”	60/58	59/44	48/29	64/80	41/36	-/-
Два автомобиля или более	4/4	1/6	1/2	1/0	-/-	-/-

подавляющим большинством опрошенных молодых людей. Кроме того, даже в провинциальных городах, в качестве “достаточных” очень часто выбираются автомобили (такой выбор делают 59% и 48% юношей, соответственно в Орле и Мценске, и 44% и 29% девушек), что свидетельствует о расширении свободы молодых людей в конструировании своих потребительских притязаний. И наконец, почти во всех группах появился хотя бы один респондент, называющий “достаточным” для своей будущей семьи одновременное наличие двух или более автомобилей.

На фоне универсальных закономерностей, характеризующих структуру притязаний у молодежи разных городов, име-

ется и некоторая специфика. Она выражается в преобладающей ориентации на иностранные либо на отечественные автомобили. Как и следовало ожидать, "иномарочная" ориентация сильнее выражена в столицах (в Москве она, кстати, по сравнению с началом 90-х годов, стала еще сильнее) и среди юношей областного центра, а ориентация на отечественные автомобили пока преобладает у молодежи районного центра и у девушек-учащихся Орла.

Итак, опрос учащихся-одинадцатиклассников, проведенный в 1995 году, подтвердил устойчивость и долговременность радикальных изменений в уровне жизненных притязаний новых поколений юношей и девушек, по сравнению с прежними поколениями. Эти изменения первоначально были обнаружены нашим исследовательским коллективом в начале 90-х годов и явились следствием "революции притязаний", происшедшей на границе 80-х и 90-х годов.

Материалы, полученные в 1995 году, убедительно свидетельствуют о высоком уровне образовательных и властных притязаний учащихся, а также их ожиданий, касающихся финансового и имущественного благополучия. Интегральные показатели притязаний учащихся по поводу своего будущего общественного положения и богатства, в среднем, значительно опережают воспринимаемые ими характеристики нынешнего общественного положения и благосостояния их родительских семей, что свидетельствует о четко выраженных у учащихся планах восходящей социальной мобильности.

Отмеченные выше сдвиги уровня притязаний молодежи тесно связаны с глубокими изменениями, происшедшими за последнее десятилетие в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. Особое значение имело снятие барьеров на пути движения информации, людей и товаров между развитыми капиталистическими странами и бывшим Советским Союзом. Скорее всего, описанные сдвиги проявляются не только в межпоколенной динамике, но и в процессах индивидуального развития представителей одного и того же поколения.

Судя по полученным в исследовании данным, эти изменения затронули не только столицы России и Украины, но и провинциальные города. Именно об этом свидетельствует обнаруженная в исследовании устойчивость рассматриваемых характеристик молодежи в социально-географическом разрезе. Сегодня нет принципиальных различий между притязаниями молодых людей, живущих в столице и в областном или даже в районном центре, при условии, что эти молодые люди уже проучились в школе до одинадцатого (выпускного) класса. Их

объединяет общее информационное и "товарное" пространство, общее или близкое содержание образования, общая приверженность выбору долговременной образовательной стратегии. Все это не исключает некоторого "запаздывания" происходящих изменений в провинциальных городах по сравнению со столичными.

Возросшие притязания могут стимулировать молодых людей к конструктивной деятельности и в этом смысле являются необходимой предпосылкой для достижения в будущем высокого социального положения и нового качества жизни. Но в то же время при неблагоприятном развитии событий возросшие ожидания людей повышают риск разочарований и фрустраций.

* Подобное развитие событий может обернуться не только личной, но и социальной драмой: в специальном исследовании политической нестабильности в 84 странах мира было установлено, что общественным беспорядкам обычно предшествовали процессы быстрой модернизации и связанный с ними рост материальных притязаний. См.: Feierabend I., Feierabend R. 1) Conflict, crisis, and collision: A study of international stability. *Psychology Today*, 1968, May, pp.26-32, 69-70; 2) Systemic conditions of political aggression: An application of frustration-aggression theory. In: I.K. Feierabend, R.L. Feierabend and T.R. Gurr (Eds.) *Anger, violence, and politics: Theories and research*. Englewood Cliffs, N.J., 1972. Цитируется по: D. Myers. *Social Psychology*. 3d edition. McGraw Hill, New York, 1990.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головаха Е.И., Магун В.С. Теоретические и методические проблемы исследования. - В кн.: Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / Под ред. В.Л.Оссовского.- Киев, 1987; Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. - Киев, 1988; Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью. - Психологический журнал, 1991, №6.
2. Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний - В кн.: Психология личности. Тексты. - М., 1982; Нюттен Ж. Мотивация. - В кн.: Экспериментальная психология, вып.V. - М., 1975.
3. Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. - М., 1993.

***Правила игры:
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕФОРМА***

А.Ю. Согомонов

“МАЗА ЕСТЬ?”

(Успех в культуре “нового поколения”)

Повседневное пожелание "Успехов!" практически во всех вестернизированных (включая и российскую) культурах является нормой обыденного коммуникационного действия. "Успех" есть как бы универсальная, общесоциальная и вневременная ценность - при большевиках и при демократах, у молодежи и у пенсионеров, у артистов и у вахтеров. При этом успех субъективно может переживаться по-разному, но в каждой сфере жизнедеятельности - публичной и приватной - есть некие инвариантные модели и критерии успешности как для оценочных, так и нормативных видов рефлексии.

В истории любой страны случаются моменты, когда "успех" становится не только всеобщей установкой и абсолютно почитаемой ценностью, но и условием тотального выживания индивидов во имя успешного развития всего общества. В эти исторические периоды общество неизбежно раскалывается на "старое" и "новое" поколения в зависимости от коллективно-солидаристического понимания ценности успеха, отношения к ней и ее культивирования как стержневой в системе других витальных, смысложизненных и достижительских ценностей.

"Новое поколение" и /или "молодое поколение"

"Новое поколение" - социальная конструкция культурно дифференцированного общества и в этом смысле артефакт массового общества ("новое поколение" хотя и не дано нам в ощущениях, но совершенно отчетливо воображается нами как факт социальной реальности).

"Новое поколение" - культурно-символический маркер саморефлексирующего субъекта "высокой" современности в процессах его самоопределения к социальной реальности в ее динамических и пространственных аспектах (если люди и склонны относить себя к "новому поколению", то как к понятному в самом широком смысле).

"Новое поколение" - символический знак политической и экономической манипуляции-и-контроля общества массового потребления, и в этом дихотомическом качестве он способствует упрощенно-поляризованному управлению процессами социокультурной солидарности (именно "новому поколению" реклама предлагает что-то выбрать; выбирая, субъект de facto идентифицируется с "новым поколением").

"Новое поколение" - социокультурный исход рефлексивной модернизации из недр "простой" современности, делающий возможной превращение социальных - надындивидуальных (с точки зрения "простой" модернизации) - характеристик в предмет свободного выбора ("новое поколение" становится солидаристическим идеалом для достаточно "свободного" выбора идентичности, поскольку не имеет ни возраста, ни пола, ни прочих "анкетных" препятствий эпохи "простой" современности).

"Новое поколение" - культурный контекст рефлексивных биографий, идентичностей и транссубъективности индивидов постсовременной цивилизации (принадлежность к "новому поколению" дает широкий простор для самореализации и самоопределения личности).

"Новое поколение", наконец, - социокультурный канон диффузного общества, в котором возраст, гендер (пол), образование, умственное и физическое здоровье, занятие, статусы, роли и прочие социально и культурно амбивалентны вне их аппроксиматичной привязки к "партийно"-поколенческой структуре (поляризации) общества.

Из приведенной теоретической концептуализации "нового поколения", как кажется, становится ясной социокультурная логика сегодняшнего мира. "Новое поколение" в ней выступает трансформером всего культурного проекта модернизации и, вполне естественно, поэтому не противопоставлено чему-то определенному, коллективно отрефлексированному и артикулированному.

Смыслы и значения понятия "нового поколения" открыты для индивидуального творчества и субъективного конструкционализма, подобно популярной сегодня детской игрушке - роботу-трансформеру. К "новому поколению" корректно-и-адекватно отнесение людей любых возрастных когорт и образовательных страт и прочих - кажущихся объективированными - характеристик человека. Для подобной идентификации от личности требуется лишь предъявление "себя" для возможной трансидентичности, обнаружение способности-и-вкуса к саморефлексии и проявление иронии к застывшим смыслам и значениям социокультурных конструкций "простой" современности.

"Молодое поколение" относится в определенном смысле к классическим конструкциям "простой" современности и имеет

все меньше *raison d'être* в обществе рефлексивной модернизации, в том числе и в странах посткоммунистической трансформации. Если быть последовательным в этом логическом пространстве, то несложно парадоксализовать вышеприведенное утверждение гипотезой о том, что в условиях постсовременного мира "молодое поколение" исчезает "как класс". Оно утрачивает основания и в общественной системе социализации (в силу исторического "конца" социализации как модельной процедуры культурно-поколенческой смены в обществе), и в социальной парадигме мобильности поколенческих когорт (по мере перехода "биографии" из категорий социально-статических в социально-рефлексивные), и по ряду других оснований, о которых можно было бы вести долгий разговор. Отсюда следует, что "молодое поколение" остается не более, чем конвенциональным термином, сугубо операциональным понятием для обозначения группы людей с неопределенным возрастным терминалом, ситуативно фиксируемым *ad libitum* в самом широком диапазоне.

Из сказанного, разумеется, не вытекает, что мы предлагаем подвергнуть сомнению социовалидность такого феномена, как молодежь, которая нередко именуется "молодым поколением" (хотя, как кажется, и этот термин быстро "устаревает"!)). Думается, что имплицитное понятие "молодое поколение" в текст повседневных коммуникаций, а тем более в ткань научного анализа, культурологически не столько некорректно (любая конвенция в некотором смысле некорректна), сколько просто малоэффективно с точки зрения понимания динамики происходящих глобальных социокультурных изменений. Иными словами, "новое поколение", действительно, способно что-то выбирать, в то время как "молодое поколение" - вряд ли.

Достижительская лексика и достижительские цели

Молодежная жаргонная лексика наглядно демонстрирует специфику сегодняшней достижительской культуры молодых людей (в данном случае речь вновь идет о достаточно размытой, по крайней мере в демографическом смысле, возрастной социогруппе). Сразу оговоримся, что жаргон, о котором пойдет речь, уходит корнями к *фене* советского периода и, конечно же, консервирует смыслы и значения "простой" современности большевистского времени, то есть сохраняет контекст вненационального, надрегионального, недиалектального и полукриминального происхождения. Эта лексика сегодня имеет достаточно широкое хождение и в определенном смысле утратила свои исконные жаргонные функции. Однако важно то, что смыслы и значения слов для прежнего узнаваемы и прозрачны, при том что, чаще всего, для

обывателя - по вполне понятным историческим причинам - они остаются этимологически и семантически "эзотеричными", что, впрочем, наряду с упрощением коммуникации, дополнительно придает этой лексике магический флер. Именно апелляция к этой лексике - пусть даже и в сугубо случайном и выборочном режиме - отличает, кроме всего прочего, сегодняшнее "новое поколение".

Маза - одно из центральных понятий словарного состава "нового поколения", образующее бесконечное количество лексических вариаций. Это понятие обладает чрезвычайно высокой валентностью и является в некотором смысле исходной категорией, характеризующей достигательскую культуру в целом.

Изначально маза (от еврейского "мазлтов") была синонимом "удачи", но постепенно за словом закрепилось в основном коннотативное значение акцентирования потенциальной возможности в ее позитивном (симпатическом) смысле. Отсюда понятно, что фразы типа "есть маза" или "без мазы" и им подобные имплицитно могут характеризовать процедуры оценивания предельно широкого диапазона повседневных ситуаций. Коммуникативно компетентное (то есть семантически "нормативное") использование мазы предоставляет "возможность" субъекту достигательского акта (процесса) рассчитать тактику своего достигательского действия - отхватить, урвать, хапнуть, срубить и т.п., - то есть оценить реальность шанса и получения навару (последнее понятие отчетливо характеризует универсальность установки на "интерес"). Оценки типа "есть маза" или "нет мазы" достаточно объемно и тотально описывают отношение субъекта к той или иной конкретной ситуации (процедура "примеривания"). Дополнительные комментарии к этим оценкам, чаще всего, бывают излишними.

Этимология мазы (от "удачи") накладывает символические ограничения на весь комплекс достигательской телеологии "нового поколения". Лексически и поведенчески оформляется своего рода "культура мазы". В ней проводится достаточно четкий водораздел между достигательской стратегией и достигательским мигмом (последнее корректнее соотносится с "культурой мазы"). Маза как бы не предполагает стратегической работы на достигательские цели ("пахоту") и характеризует такую позитивно оцененную ситуацию, которая дает мгновенный результат при минимальном действии ("словить"), которая допускает действие, предпочтительное по линии адекватного ("с наваром") использования шанса ("фарта"). Амбивалентность мазы выражается в разведении оценочных коннотаций между глаголами (а) в отношении своих собственных действий достигательного субъекта ("срубить") и (б) действий иных актеров ("урвать"). Таким образом, в "культуре мазы" коннотации в отношении иных субъектов достигательского действия зачастую несут оттенки пренебрежительности, нарочитого

подчеркивания удачливости другого в противовес патетически-завышенным самооценкам в принципе тех же самых, но собственных действий (это отчетливо чувствуется на игре полутонов в глагольной паре "урвать - срубить"; едва уловимая подчас оценочная конфликтность нередко снимается коннотативно нейтральными глаголами типа "отхватить").

Установка на то, чтобы не упустить мазы и избежать действий, не руководствующихся мазой, все глобальнее характеризует общество в целом, а не только его молодых представителей. С одной стороны, "культура мазы" как бы объективно оценивает новое качественное состояние культуры - универсальное стремление к взвешанной и трезвой оценке шансов и их утилизации. С другой, - господствующую, несистематическую и нестратегическую, практику рационализации возможностей, то есть собственно потребление шансов, а не их систематическое производство. Является ли эта парадоксальная ситуация продуктом доминирования традиционных "слов" над поступками и даже мотивами людей или естественным результатом транзитивного состояния общества и его культуры - сказать сейчас со всей определенностью трудно. В любом случае, как кажется, сегодняшняя российская достижительская культура уже никак не является ценностно-рациональной (символический престиж и приоритет "общего дела" падает катастрофическим образом, особенно в среде "нового поколения"), однако становление "новой" целе-рациональной модели все еще сопровождается - по крайней мере, интенционально - эксплуатацией шального случая, а посему является скорее проекцией "культуры удачи", нежели "культуры успеха". Наличие или отсутствие мазы в этом смысле - наиболее глубинный и универсальный мотив к любым достижительским актам.

Предложенная концептуализация одной из сегодняшних моделей российской достижительской культуры может показаться нарочито утрированной. Однако благодаря этому гипертрофированно семантическому подходу становится очевидным, что "новое поколение" живет как бы в новой телеологической реальности, конструирующейся по-ту-сторону "классических" моделей целе- и ценностно-рациональной телеологии, то есть - в условиях пострациональной цивилизации. Отсюда нет и в принципе не может быть однозначного ответа на вопрос о том, какую модель культуры достижительства нормативно реализует в себе сегодняшнее "новое поколение".

Рефлексивная биография как утопия "нового поколения"

Все большее число исследователей придерживается теоретического тезиса о глобальных - культурно-цивилизационных - изменениях, происходящих во всех современных обществах.

Процесс индивидуализации, понимаемый как смена старых образов жизни, рожденных в недрах индустриально-урбанистического мира, на новые, в которых люди сами творят свою судьбу, относится к числу наиболее фундаментальных процессов постсовременности (постиндустриальной цивилизации). В некотором смысле индивидуализация не основана на абсолютно свободном выборе личности. Перефразируя известную формулу Сартра, люди обречены на индивидуализацию, не имеющую отныне ничего общего с одиночеством, изоляцией, атомизацией человека.

Индивидуализация предполагает прежде всего смену стандартной биографии на "рефлексивную биографию" (термин - А.Гидденса. См.: Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press, 1991). Общества "простой" модернизации допускали предельно лимитированный набор моделей жизненного пути человека (отсюда понятно происхождение термина "стандартная" биография), в каждой из которых, при сохранении элемента неопределенности и субъективных "отклонений", реализовывался заданный набор социокультурных детерминант. По аналогии с принципом матрешки, принадлежность к социальному классу диктовала свои требования к типам разделения труда, социальных и гендерных ролей, модели семьи и т.п. В результате для формирования инвариантных - стандартных - жизненных стратегий оставался небольшой зазор для симуляции социокультурного выбора, да и тот был модельно ограничен.

Субъект "высокой" современности превращает свою биографию в предмет рефлексии, подвергая сомнению прежде всего внеиндивидуальную (надиндивидуальную) заданность социальных и культурных координат своей жизненной траектории. В этой связи рефлексивная биография выступает не просто в качестве одной из понимающих концепций социальной теории, но и - как глобально-инновационный, социокультурный проект реформирования фундаментальных оснований повседневных практик постсовременного (пострационального) человека.

"Новое поколение" социокультурно заявляет о себе как о цивилизационно первом поколении, отказавшемся от стандартной биографии. И поскольку ни по одному из "классических" критериев оно не является устойчивым и стабильным сообществом (ни по возрастному, ни по образовательному, ни по гендерному, ни по статусно-ролевому и т.п.) и, даже более

того, формируется в социальном пространстве из индивидов свободно-идентификационного выбора, то практически единственным основанием коллективной солидарности всего сообщества становится приверженность к идеологии и практике "рефлексивной биографии". А это значит, что неревOLUTIONным путем и минуя кризисы, "новое поколение" впервые в истории мировой цивилизации структурирует общество на основе политического ненасилия и социокультурной толерантности. Рефлексивная биография в этом беспрецедентном проекте дестрадиционализации общества выступает "утопией" - социокультурным канонem само- и трансидентификации. Отказ от принципов утопии и самого идеала рефлексивной биографии делает "старое" поколение также воображаемым и статистически-амбивалентным сообществом, но уже - сообществом приверженцев концепции и практики стандартной биографии. Отношения между обоими поколениями можно бы характеризовать как фригидно-безразличные, хотя, возможно, история приведет их в состояние конфликтности.

Итак, "новое поколение" выбирает собственную биографию, пусть даже если этот выбор не всегда и не всеми членами новопокоренческого сообщества артикулирован и вербализован. Субъекты рефлексивной биографии, выступая в качестве и конструкторов, и дизайнеров собственных биографий, на самом деле не продуцируют бесконечное число индивидуально-модельных биографий, их социокультурные траектории по-прежнему предопределены внешними обстоятельствами, но в них уже все реже проглядываются рецидивы процесса социокультурного воспроизводства общества-и-культуры. (Классификации и типологии рефлексивных биографий - предмет особых социологических исследований.)

Соответственно, понимание и интерпретация культуры "нового поколения" отныне уже не могут основываться на когнитивно чистых процедурах "простой" современности, когда актуальные исследования культуры велись на основании опыта предшествующих поколений. "Новое поколение" не репродуцирует культурные архетипы предшествующих поколений, хотя и не конфликтует с ними, не придерживается базового набора "примордиальных" традиций, хотя и не выступает против них открыто. "Новое поколение" толерантно к культурному наследию, но свою судьбу "намерено" выстраивать не в русле "классической" рациональности.

Следует ли из этого, что "новое поколение" выбирает пострациональный успех? Ответить на этот вопрос непросто и прежде всего в силу терминологической неопределенности того, что такое пострациональный успех. Можно лишь наметить некоторые подходы к этой проблеме.

Прежде всего, пострациональный успех, как кажется, выстраивается экстраполярно по отношению к шкале целе- и

ценностно-рационального успеха, то есть рефлексруется субъектом "нового поколения" вне этой архетипической дихотомичности. Во-вторых, успех, как ценностная установка, утрачивает бывшее иерархическое положение в системе ценностей (в дилемме: либо "все подчиняется успеху", либо "успех подчиняется другим" смысложизненным ценностям; "успех во имя чего-то" или "успех во имя самого успеха"). Наконец, в-третьих, наступает исторический "конец" монистического понимания сути и природы успеха, правил по которым он достигается и т.п., словом, - происходит диверсификация собственно моделей успеха, что, впрочем, естественно для условий сосуществования полистилистических рефлексивных биографий. Иными словами, "новое поколение" приносит с собой плюралистическое видение смыслов успеха.

И как бы мы не пытались уйти от проблемы вычленения чисто "молодежной" составляющей в новопоколенческой достижительской культуре сегодняшней России, нам в любом случае придется понять (по крайней мере попытаться понять) и проанализировать, с точки зрения намеченного выше макротеоретического подхода, те стили "культуры успеха", которые сегодня de facto превалируют в молодежной среде.

Вряд ли нам удастся обнаружить аутентично-молодежные достижительские модели, но, видимо, только через призму изучения достижительской культуры (успехология) "молодого поколения" трансформирующейся России возможно аналитическое, равно как и управленческое, взвешивание проблемы соотношения и диалога культур "старого" и "нового" поколений.

Т. Л. Клячко

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ...

*(О мотивации экономического образования молодежи)**

Новое поколение выбирает... пепси, обеспеченную жизнь, риск, стабильность, любовь, счастье, успех...

В традиционном обществе новое поколение наследует модели поведения и ценностные установки предыдущего, и моделью успеха можно считать достойное повторение "пройденного", удержание (социальных) позиций; переход в другую социальную страту есть мечта, сказка, чудо, которое, хотя и возможно, но мало зависит от чьих-то личных (личностных) усилий и связано с нравственными характеристиками персонажей: доброта, верность, смелость, иногда - трудолюбие, почти всегда - кротость, отсутствие амбиций и т.п. Другими словами, социальный успех воспринимается как нежданная награда за добродетель, т.е. он выступает как что-то внешнее, хотя и связанное с оценкой внутренних качеств.

В модернизирующихся обществах на начальных этапах этого процесса новое поколение выступает разрушителем моделей поведения предыдущих поколений как несраведливых, в том числе и потому, что в тех, крайне ограниченных с точки зрения нового поколения, выступает понятие социального успеха.

В переходные эпохи модернизаторы опираются на несколько идеологем.

Первая из них ("Кто был никем, тот станет всем!") проста и понятна как выражение представлений о социальной справедливости и, вообще говоря, о результирующем социальном успехе. Дополнительные или подкрепляющие лозунги: "Грабь награбленное!", "Свобода, равенство, братство!", при этом "свобода" понимается, в первую очередь, как отказ от установленных ранее социальных регламентаций; "равенство" - как отказ от сложившихся социальных статусов, которые в этот момент выступают как фактор, ограничивающий продуктивную социальную (экономическую) деятельность, и вместе с тем как

* В статье использованы материалы исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда - проект "Анализ создания систем экономического образования в условиях модернизации хозяйства" (N 95-06-17587).

требование уравнивания стартовых условий, т.е. как равенство возможностей; "братство" - как единство тех, кто выдвигает данные лозунги и требования, - "братство в вере" или "братство в идее".

Вторая идеологема - это непривязанность социального успеха к системе социальных статусов. Это аспект проблемы крайне значим. Прежде всего потому, что впервые он зримо проявляет себя в ситуации, когда экономические результаты деятельности оказываются неконвертируемыми в систему социальных статусов (экономический ресурс не превращается напрямую в социальный): на историческую сцену выходит "третье сословие" - богатое, но бесправное. Фактически это выражает начало дрейфа от такого "естественного" источника богатства, каким считалась земля (а более широко - природа в целом), к таким "менее естественным", как капитал и труд, и далее - предпринимательство и информация.

В этом смысле складывающаяся в то время идеология "чистого" рынка вполне адекватна происходящим процессам: стихийность (самостоятельность, свобода) в выборе сферы и направлений деятельности, вполне корреспондирует со стихийностью (нерегламентированностью, неопределенностью) проявления результатов этой деятельности в социуме, - все делает "невидимая рука", безличный, объективный механизм, который как удостоверяет нужность самой деятельности для общества, так и оценивает ее эффективность относительно других видов. Экономический (рыночный) успех непосредственно выявляется как социальный - в виде увеличивающихся возможностей всяческих покупок и продаж (все продается и все покупается, если не прямым, то косвенным образом: "Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать").

Однако конъюнктурность, сиюминутность рыночного успеха очень скоро становится ограничением на развитие экономической деятельности. Как известно, количество переходит в качество, накопление экономического ресурса (количества) имеет смысл только тогда, когда оно переходит в нечто иное, чем собственно экономическая деятельность. Напомним, что в истоке проблемы лежала неконвертируемость накопленного экономического ресурса в социальный (статус, успех, власть). Это стало основанием для проблематизации старой системы статусов и ее ломки, повлекло за собой возвеличивание экономической деятельности как таковой. Но очень скоро встал вопрос о новой системе социальных статусов, в которую теперь могло бы трансформироваться (или через нее выявиться) экономическое богатство, а в связи с этим возник неминуемый вопрос о наследовании социальных признаков, о механизмах передачи накопленного богатства (собственности, а точнее, прав собственности) от поколения к поколению.

В то же время связь успеха с конъюнктурой рынка, с быстрой изменчивостью экономической ситуации по сравнению с достаточно консервативной системой социальных статусов и по отношению к ним породили хорошо известные социальные ожидания и, соответственно, мифы: представление об успехе как о чем-то непосредственно связанном с личными (и только личными) качествами человека - его способностями (не очень, правда, понятно какими): гибкостью, реактивностью на новое, динамизмом, упорством, напористостью, неразборчивостью в средствах, благородством, честностью, ловкостью, хитростью, следованием семейным ценностям, опорой на собственные силы, верностью принципам, полной беспринципностью, изворотливостью, умением находить выход из любых положений и т.д. и т.п. Социальным идеалом становится сначала "человек, сделавший себя сам", а затем - наследник громадного состояния, продолжающий "делать себя" во имя дела и семьи (чтобы было что и кому передать в будущем). В силу таких представлений молодежь должна "перебеситься": все перепробовать, найти себя (сделать себя), чтобы стать достойной для принятия на свои плечи наследуемого богатства, которое выражается, в том числе, и в системе устоявшихся социальных ценностей.

Новое поколение выбирает... революцию, реформы, рынок, богатство, динамизм, свободу, равенство, успех...

В бывшем Советском Союзе в пресловутую эпоху "застоя" сложилось достаточно серьезное противоречие: приобретенные социальные статусы не наследовались (механизм наследования социальных признаков в стране так и не сложился: схема - рабочие, крестьяне, служащие (интеллигенция) - уже мало, что выражала), в то же время накопленный экономический ресурс (в данном случае значительные денежные средства) практически не конвертировался в социальные статусы (проблема "торговых работников", теневиков и т.п.). Вопрос стоял не только и не столько о формах легализации накопленного богатства (отмывание денег), сколько о возможности его использования как социального ресурса.

В этих условиях привлечение идеологии "чистого" рынка представляется далеко не случайным, ибо исторически она оформляла именно этот процесс: слом старой системы статусов - обеспечение конвертации экономического ресурса в социальный - построение новой системы социальных статусов - ее закрепление (в том числе, в виде нового понимания богатства и успеха).

Современные смешанные экономики (постиндустриальные общества), хотя и сохранили рудименты "чисторыночной идеологии", а также многие из сопутствующих ей мифов, тем не менее далеко от нее ушли: идея конкурентности всех и вся в целом уступила место идеям сотрудничества, командности, корпоративности; а это смещает понятие личностных (индивидуальных) качеств как залога социального успеха совсем в другую плоскость - коммуникабельности, умения выстраивать партнерские отношения, ставить коллективные цели, усваивать и перерабатывать большие объемы информации, строить образы будущего и воплощать их в настоящем, быть хорошим исполнителем и законопослушным гражданином, что обеспечивает социальное согласие и социальное партнерство. Свобода, понимаемая как свобода от устаревших регламентаций, вновь превращается в очень хорошо и главное - всеми - осознанную необходимость вести себя в соответствии с некоторыми, разделяемыми большинством правилами.

Новое поколение выбирает... социальную апатию, тяжелый рок, наркотики, политическую активность, профессию банкира, русское лото, русскую рулетку, национал-патриотическую идею, успех...

В России - переходный период и экономические реформы. Населению предложен светлый образ светлого будущего - рынок, хорошо бы цивилизованный, но, вообще-то, как получится. Население не очень знает, что такое "рынок", и его начинают просвещать. Новое поколение учится рынку в учебных заведениях, предыдущие - осваивают рынок по-разному: кто - на практике, кто - на коммерческих курсах (банковских, финансовой инженерии, маркетологов, менеджеров) или курсах повышения квалификации. Система экономического образования в стране ускоренно трансформируется, а по сути дела создается заново, правда, как правило, старыми руками (т.е. предыдущими поколениями, которые утратили прежний социальный статус и теперь стремятся к новому богатству и к новому статусу, ибо можно ли научить успеху будучи неудачником?).

Мотивации обучаемых и обучающихся в складывающейся системе экономического образования различны, они дифференцированы по регионам и во времени, но существуют определенные закономерности: дифференциация по регионам в определенный фиксированный момент практически совпадает с изменениями мотиваций в опережающих регионах, развернутыми во времени. По мотивам тех, кто обучается или хочет обучаться основам экономических знаний, складывается достаточно четкое представление об образе социального

успеха, которое было характерно для современной российской молодежи в 1992-1995 гг.

Мы рассмотрим здесь прежде всего мотивы получения экономических знаний молодежью в возрасте от 15 до 25 лет в г.Москве в разных типах учебных заведений (экономические классы средних школ и частных лицеев, вечерние бизнес-курсы, школы банковского дела, экономические факультеты коммерческих и государственных вузов) в указанный период времени. Полученные результаты были сопоставлены с данными по открытому бизнес-лицею в г.Мирном (Якутия-Саха), бизнес-классам в г.Жуковском (Московская обл.) и бизнес-классам в г.Ижевске (Удмуртия), собранными в 1993 г. (Жуковский и Мирный) и в 1995 г. (Мирный и Ижевск). В настоящее время обрабатываются материалы по мотивации экономического образования в городах Находка, Красноярск, Калининград.

В 1992 г. основным был мотив получения знаний о рыночной системе хозяйствования как залого "правильного" поведения, гарантирующего успех. Большинство обучаемых хотят быть предпринимателями и иметь собственное дело. Большое значение в это время придается знаниям:

- экономической теории, поскольку надо знать, что и как делать в "рынке";
- иностранного языка, поскольку деятельность мыслится как выход на международные рынки и в рамках международного сотрудничества;
- делового этикета (культуры поведения), ибо осознается или проектируется необходимость деятельности в иной, нежели привычная, социальной среде, следовательно, надо знать, как себя вести, чтобы не ударить в грязь лицом;
- психологии бизнеса, потому что понимание чужой и своей психологии воспринимается как инструмент достижения поставленных жизненных целей; считается, что нужно уметь "правильно" играть социальные роли, прежде всего, роль преуспевающего бизнесмена.

Этот период можно назвать "периодом романтизма" в экономическом образовании: оно вне зависимости от содержания связано просто с надеждой на другую (лучшую) жизнь, на успех, обусловленный прежде всего тем, что у них - молодых - в отличие от предыдущих поколений будет четкое знание того, что надо делать.

В 1993 г. в Москве у большинства обучаемых мотивация начинает меняться: на первый план выходит идея быстрого обогащения, при этом не очень важно, с помощью каких средств будет достигнута данная цель. Резко снижается интерес к экономической теории: это, конечно, надо знать, но вряд ли теория очень поможет в жизни, особенно в нашей, - наш рынок мало похож на то, что пишется в книгах. Основной интерес

переносится в область прикладного знания: брокерское дело, маркетинг, начала менеджмента, бухгалтерский учет, ценные бумаги. Сохраняется интерес к деловому этикету и психологии бизнеса как знанию, обеспечивающему правильное социальное поведение.

В целом изменение мотивов было связано с осознанием начавшейся имущественной дифференциации, точнее - с ее ускорением и углублением. При этом сохраняется достаточно ярко выраженное желание создать собственное дело, стать "крутым" предпринимателем, однако появляется ощущение сокращения возможностей и, как следствие, боязнь опоздать. Быстрее всего изменения происходят в среде 20-25-летних, хотя они заметны и у подростков 15-17-ти лет. У 18-19-летних складывается ориентация на получение экономического образования в престижных экономических вузах, поскольку это может дать им возможность доучиваться за границей. Недолгий период романтизма кончается, начинается переход к жесткой прагматике. Одновременно с этим формируется специфическая прослойка подростков и молодежи - дети богатых родителей, "новых русских". У них главным мотивом получения экономических знаний становится необходимость наследования семейного дела. Правда, это в большей мере мотив родителей, нежели их собственный; сами они прежде всего стремятся к образованию за границей, что выступает для них и, как им представляется, для окружающих выражением особого социального статуса их семей. Экономическое образование, которое массой подростков воспринимается как социальный трамплин, для этих детей таковым, несомненно, не является.

В том же 1993 г. экономическое образование школьников в г.Жуковском делает первые шаги. Здесь еще в полной мере господствует романтизм, привкус прагматизма проявляется только в ориентации выпускников на поступление в престижные московские вузы. Но основной мотив - знать, как устроен рынок, чтобы преуспеть в жизни, при этом не обязательно в бизнесе. Аналогичная картина наблюдается и в г.Мирном.

В Жуковском прагматизм начинает сменять романтизм в 1994 г. В Мирном в силу специфичности условий жизни и учебы (в городе все определяется деятельностью компании "Алмазы России - Саха") романтизм не изжит до сих пор; во многом это, видимо, связано также с тем, что подростки плохо представляют возможности жизненной карьеры вне родного города.

В 1993-1994 гг. молодежь в возрасте 19-22 лет начинает активно ориентироваться на изучение финансовой (банковской) деятельности, в этой сфере впервые проявляются следующие моменты:

- открыто заявляет о себе стремление к конкретной профессиональной подготовке в экономической области;

- претензии на организацию собственного дела отходят на второй план или вообще не выявляются;
- начинает складываться мотивация хорошего исполнителя.

Вместе с тем в 1994 г. очень четко обозначается линия на негативное восприятие происходящих в стране перемен у значительной части молодежи, получающей экономическое образование: "все уже поделили, нам ничего не досталось", "нам отведены вторые роли", "от качества образования мало, что зависит", "нужен только диплом престижного вуза, чтобы как-то устроиться".

Прагматизм начинает дополняться цинизмом.

В том же 1994 г. в Ижевске появляются первые бизнес-классы для старших школьников. Превалирует романтическое восприятие будущего, что во многом определяет отношение к экономическому образованию как инструменту его реализации; ощущения, что практически уже невозможно вскочить в последний вагон отходящего поезда, нет; соответственно сильны ориентации на предпринимательскую деятельность; роль квалифицированного исполнителя не привлекает, разве что в СП, но все же воспринимается, скорее, как жизненная неудача.

Как ни парадоксально, но в желании быть предпринимателем (этап романтизма) отражаются диаметрально противоположные ценностные установки - неприятие положения подчиненного, связанное с восприятием отношений начальник-подчиненный в старой социальной структуре, хотя большинство знает о них только понаслышке (прежде всего со слов родителей), и одновременно восхищение человеком, "сделавшим самого себя", что идет от новых рыночных мифов. Отказ от позиции предпринимателя крайне болезнен, порожден ощущением сокращающихся возможностей и возвратом к старому (в том числе и к несправедливой, по мнению молодежи, социальной структуре, ибо в ней им надолго уготовано подчиненное место). Начинается внутренний торг: уж если подчиняться, то только в том случае, когда за это будут хорошо платить. В качестве престижных рабочих мест выступают исключительно СП, банки, аудиторские и консалтинговые фирмы.

В 1995 г., с одной стороны, начинают более отчетливо проявлять себя достаточно реалистичные ориентации на квалифицированную исполнительскую деятельность в экономической сфере: менеджеров, маркетологов, специалистов по рекламе и паблик рилейшенс, финансовых инженеров, бухгалтеров, банковских служащих и т.п., с другой стороны, - быстро нарастают ориентации на передел собственности: получаемые знания трактуются как залог и условие его проведения "почестному", при этом честность и справедливость, естественно, понимаются как наличие собственного шанса в этом процессе.

Вместе с тем у тех, кто выбирает квалифицированную исполнительскую деятельность, позиция предпринимателя маркируется как социально опасная (под этим понимается как угроза для жизни, так и необходимость постоянно нарушать закон). И здесь до известной степени происходит смыкание точек зрения: существующий экономический мир устроен неправильно, в нем либо исчерпаны возможности активного экономического действия (поэтому необходим передел), либо это действие несет в себе повышенный социальный риск. Романтизм и реализм на весах истории...

В современном мире новое поколение всегда выбирает успех, - проблема только в том, как оно себе его представляет...

Вопрос новой социальной структуры и новых социальных статусов продолжает оставаться для России открытым.

В.И.Шпильман

МОДЕЛИ УСПЕХА У БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Что будет считать успехом будущее поколение? Хотелось бы "подсмотреть" черты этого будущего. Тогда и наши, сегодняшние "успехи" высветятся по-другому, может, и не успехи это, а какие-то наши находки, незаметные, непрестижные, окажутся зародышами будущего. Конечно, не однозначное и бесповоротное решение данной задачи является целью автора, а лишь рассмотрение некоторых развилок, проблем, поворотов.

Естественно спросить, изменяется ли понятие цели, успеха от достижения этой цели каждым поколением, или успех - это нечто биологически, социально предопределенное. Вероятно, и то и другое. Есть некоторые фундаментальные свойства, механизмы успеха, - их автор пытался описывать в одной из предыдущих статей для Вестника. Но разные поколения по-разному расставляют акценты, вплоть до зачисления успеха в неудачу. Дж.Оруэлл так описывает свою позицию на одном из этапов жизни: "Жизненная неудача представлялась мне тогда единственной добродетелью. Малейший намек на погоню за успехом, даже таким "успехом" в жизни, как годовой доход в несколько сот фунтов, казался мне морально отвратительным, чем-то вроде сутенерства".

Разделение человечества на поколения - вещь условная, поэтому смена ценностей и оценок происходит не на мифических границах поколений, а в течение жизни реальных людей. Насколько разумно происходит смена веков, насколько хватает в обществе ума не растаптывать старые ценности и не встречать в штыки новые, настолько хорошо чувствует себя общество в целом и отдельные поколения в нем. Не буду касаться сегодняшней смены веков, остановлюсь на послевоенной, как на наиболее просто интерпретируемой.

Конец 40-х - начало 50-х годов. В классе 30-40% ребят, чьи отцы погибли, или, еще хуже, пропали без вести. Нищета. Матери их еле сводят концы с концами. Процентом 10 ребят в классе могут позволить себе весьма много в одежде, в еде, - это те, чьи родители либо обогатились за войну в тылу (заведая магазинами, работая в обкоме и т.п.), либо вернулись с войны с богатыми трофеями (обычно полковники, генералы армейских и фронтовых тыловых учреждений, - помните у В.Высоцкого "Пришла страна лимония, явилась чемодания").

Стиль одежды в большинстве школ - предельно простой, бедный. Потому что выжить надо было вместе, выжить в несправедливом обществе, где семья погибшего солдата, инвалида была нищей. Те, кто больше всего отдал, меньше всего получил. И великая мудрость народная поддерживала этот стиль

бедной жизни, предотвращая нанесение глубоких, неизлечимых душевных ран детям, подросткам, избегая страшного расслоения людей. Успех в те годы соотносится только с твоими личными усилиями. Очень престижно было поступить в институт, в хорошее военное училище, выиграть олимпиаду, соревнование, т.е. то, что ты мог сделать сам. Накопленный родительский капитал (не только деньги, но и связи, положение) не выставлялся явным образом. Конечно, подавляющая часть молодежи не связывала успех с модными брюками и пиджаками.

Как все должно было развиваться дальше, казалось бы, совсем нетрудно предсказать. Успех в стиле бедного образа жизни должен был просуществовать совсем не долго. Как только поколение военного детства становилось работоспособным, уменьшалось давление бедности от безотцовщины. Но зарабатывать на жизнь лишь в размере бедняцкого минимума - значит плохо работать. Работать, чтобы лучше, красивее, богаче жить, - эта цель казалась очевидной. Но с каким же идеологическим скрипом все началось. Не понимая естественности психологии бедности первых послевоенных лет, абсолютизируя ее, и, с другой стороны, придавая дух чуть ли не борьбы с контрреволюцией ориентацию на цветные носки, узкие брюки и красивые ботинки, общество со скрежетом зубным осваивало новые грани успеха личности.

Прошло несколько лет, - и начались гневные проклятия прошлому: как мрачно мы одевались, какой серой и безрадостной была толпа в метро и т.п. Изменение цвета платья, игра в наряды, игра приятная и веселая, тоже стала борьбой. Борьба породила для нового поколения новый "успех" - достать джинсы, носки, ботинки. Нет, я совсем не хочу смеяться над измельчанием успеха. В предыдущей моей статье успех сравнивался с резонансными явлениями, когда все вдруг начинает складываться, один фактор усиливает другой, взрыв, открытие, успех. Так вот, если процесс этого складывания не начинается, если у меня нет красивых носков или юбки, то получается, что это - необходимый элемент успеха: достать их - значит добиться успеха.

Послекультурное поколение - это поколение с тремя главными вехами успеха: "достать", "создать", "узнать и изучить". Интенсивность каждого из этих трех факторов в послекультурные десять-пятнадцать лет существенно изменялась. Если вначале достать нужно было лишь штаны и носки, особого спроса на дачи и гаражи не было, а квартиры, путевки в садики и санатории "давали" (молодому специалисту, приехавшему в начале шестидесятых в Западную Сибирь, квартиру давали в течение года, место в садике - и того быстрее), то через десять лет квартиру приходилось доставать, выпрашивать десятилетиями. Доставать приходилось все: сантехнику, колбасу, путевки, билеты, машины, гаражи, дачные участки...

(Не дай бог, если редакторам Вестника захочется написать краткое изложение этой статьи на английском языке. Слово "достать" перевести невозможно, а чтобы объяснить его, объяснить все оттенки человеческих чувств, стоящие за этим словом, всю несоизмеримость понятий "достать" и "заработать", - нужна, как минимум, еще одна такая же статья. Я-то пишу для соотечественников, которые понимают что к чему. Но как хочется, чтобы мои внуки, обнаружив эти записки лет через двадцать, никак не смогли бы понять, что значит "достать штаны" или "достать гараж".)

Следующий важный тип успеха послекультурного поколения - "создать". Реализовался важнейший инстинкт человека - творчество, созидание. Ведь не случайно, аккумулируя в божествах важнейшие свои черты, человечество создало мировые религии, где боги - создатели жизни, света, всего сущего.

Песни и новые научные теории, космические аппараты и новые месторождения открывало, создавало поколение, скинувшее сталинизм и преодолевшее послевоенную нищету, - первое относительно свободное поколение в СССР. Созидательный тип успеха не был некоторой калькуляцией возможных карьерных перемещений и изменения зарплат, хотя, конечно, и не без этого; он, как всякий истинный успех, затрагивал весь организм человека, как стимулятор, как наркотик.

Третья, очень важная веха в развитии типов, моделей успеха - изучение, освоение нового. Огромный спрос на книги, огромные конкурсы в институты.

Итак, в 50-е-60-е годы формируются и сменяются ценности и оценки, сменяют друг друга вполне закономерно, синхронно с изменением устройства общества. Через два десятилетия некоторые ценности и показатели успеха уже будут непонятны новому, входящему в активную деятельность, поколению, - в эти годы формируется новый уклад общества. Две главные тенденции - некомпетентность руководства и воровство - становятся определяющими элементами развития в середине 70-х - середине 80-х годов.

Возрастание фактора некомпетентности руководства очень интересно с точки зрения специфического способа удовлетворения новой насущной потребности общества - потребности в политиках, потребности в большинстве случаев неосознанной. В послекультурные годы выросло много талантливых инженеров, рабочих, которыми нельзя было руководить постарому, давая примитивные указания по схеме: из Москвы в область - "давайте работать лучше", из области в район - "лучше давайте работать", от районного начальства на завод, в партком: "лучше надо работать" и т.д. И реакция на этот стиль руководства, несмотря на все верноподданнические заявления, была адекватной - людей, не очень нужных для данного завода,

промысла, колхоза, "двигали" в аппарат партии, комсомола, профсоюза. Конечно, были исключения, но в целом партаппарат формировался из людей не очень вредных (таких старались не выдвигать) и не очень проявивших себя в конкретном хозяйственном деле.

По многим параметрам - широкий кругозор, активность и т.п. - эти люди должны бы были послужить основой для новой прослойки общества - политиков, парламентариев, они могли бы активно влиять на изменение законов, устройства общества, но Система запретила трогать эти святыни, поэтому оставалось руководить выкапыванием картошки, засыпкой в закрома и т.п. Руководили часто безвредно, принимая постановления пленумов, генерируя призывы на демонстрациях.

Однако, когда "кадров" стало много, а вертикаль власти стала весьма массивной, партийное руководство все больше склоняло общество к воровству, - иначе нельзя управлять в тех рамках, в которых это было идеологически разрешено. Сдать пятый этаж дома, когда не построен первый, перейти на выпуск трубопроводов из самого нестойкого металла, чтобы выполнить план по увеличению выпуска металла, продавцам в магазинах назначить столь низкую зарплату, чтобы обязательно "брали", т.е. - внедрились обман, воровство во все сферы. Не по злому умыслу это делалось, просто, чем больше неспециалистов, выдвинутых снизу, концентрировалось в верхних эшелонах власти, тем неизбежнее становилась реализация этого пути.

Нужно еще учесть, что наш народ - самый послушный, но, к сожалению, не законопослушный, а послушный начальствующему лицу. А лицо это, даже самое высокое, никогда напрямую ничего не скажет, поэтому-то и рецепт успеха: бог с ними, с постановлениями и указаниями, главное правильно уловить сигнал. Еще Екатерина II издала десятки запретов на карточную игру: имения разорялись, переходя из рук в руки, но матушка-императрица очень эту игру любила, каждый вечер садилась с приближенными за карточный стол, - и вся Россия вслед за ней, получая точный и важный сигнал.

Начальник промысла получал сверху приказ сократить количество скважин, простаивающих в ожидании ремонта, с 30 до 20%, но при этом его не обеспечивали ни насосами, ни трубами, ни оборудованием. У него было два пути: считать, что наверху свихнулись, а этого считать никак было нельзя, или правильно понять сигнал - "подчистить" отчетность.

Эти сигналы, как феромоны у насекомых, всех заставляют как-то реагировать, а следов не оставляют.

Итак, изменения общественной жизни четко изменили критерии успеха, произошла очередная смена вех. Поскольку всеобщее внедрение воровства шло рука об руку с развитием теории устройства общества, окончательно возобладал принцип, согласно которому только результат труда, а не сам

труд человеческий имеет цену. А если так, то что же такое зарплата? Это вознаграждение, с качеством и количеством труда не связанное. Более того, можно платить маленькую зарплату и вознаграждать пайками, квартирами, путевками, льготами. В связи с этим резко возрос фактор успеха, который мы обозначили как "достать". Появился новый фактор успеха - "попасть в обойму, принадлежать к элите", который раньше был существенен лишь для узкого круга людей, свидетельствовал о принадлежности к клану распределяющих и был пожизненным, поскольку выпасть из номенклатурной обоймы было мудрено.

Фактор успеха "украсть" не то чтобы появился внове, но стал осознаваться как достойный озвучивания и гордости. Сосед стучит в дверь: "На стройку ДСП привезли, пойдем по плите украдем, полки сделаем". В пансионате с гордым именем "Нефтяник" в первый же вечер задушевный разговор с новыми знакомыми: "Ты скажи, ты как воруюшь? Все же свои. Ну вот я тебе скажу. Во-первых, воровать надо без излишеств, двенадцать лет вору, и все нормально, а сколько друзей село, во-вторых..." Пансионат обслуживал работников бензоколонок.

Дальнейшая трансформация этого фактора "украсть" (обмануть) была любопытной. Он становится обыденным, повседневным. Этот фактор перестает вызывать эмоциональный подъем, гордость, как успеху положено, а становится способом существования, необходимым фактором жизни, как воздух.

Фактор успеха "созидать" приватизируется, переходит в значительной мере в частную сферу: построить дачу, баню. Наконец-то, этим начинают по-настоящему гордиться в России, а не только на южных окраинах СССР. Красивый камин, экзотическое растение на дачном участке - успех, настоящий, глубокий, вызывающий зависть.

Начальствующие круги к этому новому успеху относятся диалектически. С одной стороны, - хорошо, люди сами себя накормят картошкой и вареньем, можно продолжать управлять ими, сохраняя способ дремучего руководящего неведения. Устремление людей на дачи на десятилетие продлило агонию непрофессиональных управленцев. Действительно, какие там новые технологии, - наш человек на трех сотках себя накормит, какие там овощехранилища с углекислым газом и азотом, наш мужик накопает ям, а ты, господин начальник, царствуй и управляй.

С другой стороны, этот глоток свободы на дачном участке уменьшает потенциал для раздачи "вознаграждений": вдруг человек такой дом себе на даче построит, что перестанет "доставать" квартиру через начальствующих лиц. А если еще подземный гараж?! Поэтому успех был строго ограничен сотками и метражом: для свободолюбивых грузин - побольше, для раболепных россиян - домик 5x5 м и ни на кирпич больше.

Ценность успеха, связанного с получением знаний, в этот период снижается, - это просто необходимо для непрофессионалов у власти. Становится модным, например, что министр рассказывает, как он в институте в тройке учился, а вот результат карьеры - высокий (заметим, обычно - весьма плачевный). "Троечники" - министры и врачи, инженеры и учителя - создали душную атмосферу непрестижности красивого, основанного на знаниях, хорошем обучении, хорошо организованного труда.

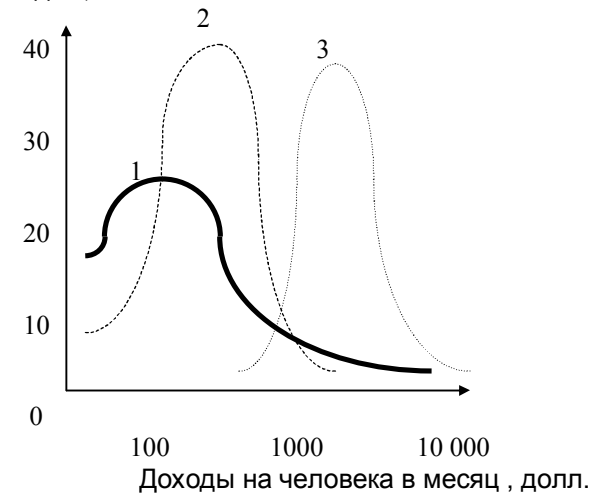
Приведенные выше эскизные зарисовки позволяют в общих чертах понять механизм, связывающий устройство общественной жизни с ценностными категориями, с успехом. Попытаемся, двигаясь таким же путем, заглянуть в будущее, на деятельное поколение 2010-2020 годов. Конечно, самым важным здесь является предсказание развития общественного устройства: куда нас еще может занести нелегкая. И вновь ограничимся лишь краткими набросками прогноза развития нашего общества.

На рисунке отражено распределение доходов населения России и США.

Доперестроечное распределение доходов в СССР и распределение доходов в США весьма однотипны. Данные по СССР отражают не только распределение по официальным окладам-зарплатам, но дополнены ценой льгот: "бесплатная" квартира давала дополнительный "доход" (в год - 1:15 ее стоимости) для городского труженика порядка 100 долларов в месяц, для сельского - 20, для начальствующих лиц - 300-500; "бесплатный" отдых самого работника и его детей, обучение детей - еще 30-70 долларов в месяц рядовому труженику и 200-250 - начальствующим лицам.

Конечно, сопоставление двух разных экономических систем неизбежно содержит некоторые условности, но для наших целей важны достаточно общие сопоставления. Видим, что в обоих государствах сформировался мощный средний класс со средними доходами, - основа стабильного развития общества. Видим также, что доходы в СССР и США различались примерно на порядок (для наиболее богатых - значительно больше). Смещение распределений обусловлено двумя причинами: неравными стартовыми условиями в послевоенные годы и плохим качеством управления советской экономикой. Попытки объяснить нашу бедность (большую, чем в США) военными расходами, затратами на помощь другим странам неправомерны, поскольку по вооружению и по помощи США не отставали от нас. Основные беды нашей эпохи - воровство и непрофессионализм - мы описывали ранее. Очевиден из сравнения двух кривых и путь оптимального развития: смещать,

Население с данным
доходом, %

Распределение доходов населения:

1 - Россия, 1995 г., 2 - СССР, 1985 г., 3 - США.

желательно без трансформации, нашу кривую распределения вправо за счет увеличения производительности труда и эффективности управления.

Увы, руководители новейшей эпохи (см. кривую для России) поступили совсем наоборот. Только хвостик распределения, характеризующий наиболее зажиточную часть населения, утолщился и существенно уполз вправо, в сторону лучшей жизни, но взамен началось интенсивное расформирование среднего класса, прежде всего, за счет смещения значительной части людей в левую, бедную, часть шкалы. Ничего иного и не могло быть при падении производства. Конечно, мгновенно это распределение не исправишь. Ничего более худшего не придумаешь, чем еще более левоасимметричное распределение. Кстати, видно также, что насильственное отрубание жирного правого хвостика не дает никакого эффекта для восстановления в стране мощного среднего - по доходам - класса.

Так развивается наше теперешнее общество. И нам остается лишь предполагать, как это повлияет на понятие успеха в будущем.

Заметим, что сегодняшняя ситуация позволяет определить цену экономического успеха отдельной личности. Примем,

что наш человек добился определенного успеха, если его среднемесячный доход превысил 1000 долларов. При существующей обстановке (без роста производства) доход более 1000 долларов в месяц на одного человека можно обеспечить только одним способом: если 10 - 12 человек имеют меньше 100 долларов в месяц, т.е. отброшены за черту бедности. Это и есть цена экономического успеха: за одного, ставшего состоятельным, нужно 10-12 человек сделать бедняками. Общество сталкивает за эту грань пока людей достаточно незащищенных. Но что будет со следующим поколением, какое будущее уготовят своим потомкам сегодняшние баловни экономического счастья, какие методы найдут дети тех, кого сегодня столкнули за черту бедности?

Еще раз напомним: в России люди слушаются начальства и поступают в соответствии не с законом, указом, а с сигналами, поданными начальствующими персонами. И один из таких сигналов, показывающий, как надо добиваться успеха, уже подан. Я имею в виду расстрел парламента и разбомбленный Грозный. Можно сотни раз сфотографироваться в церкви с пасхальным яйцом или рассказывать о любви к ближнему, но в подсознании поколения, формирующегося в эти годы, будет жить уверенность, что истинно эффективный путь, пусть и не продекларированный, - это убийство.

Поэтому у нового поколения будет новая модель успеха - убить быстрее самому, чем это смогут сделать с тобой. Конечно, не у всего поколения, у части его.

Но правильно ли я употребил будущее время? Может, новый тип, модель успеха уже есть, уже действует и является самой яркой?

Тогда сегодняшние "новые русские" не отдадут себе отчета в том, какую мину они заложили под будущее своих детей, приложив большие усилия для трансформации кривой распределения доходов населения.

К каким еще успехам будут стремиться послеперестроечные и постсоветские поколения? Очевидно: оформление, завоевание пространства для успеха "наследования". Вместо результатов, которых мог достичь сам человек в самую активную пору своей деятельности, общество, каждый член общества все больше будут стремиться к результату, достигаемому последовательными усилиями нескольких поколений, т.е. к успеху "наследования". Важнейшим толчком здесь будет не столько устремление детей, сколько родительская цель жизни. Действительно, человек быстро понимает, купив еще один автомобиль и проведя еще один отпуск в зарубежье, что всего не съешь и не выпьешь, и у него возникает цель - оставить потомкам. И не только деньги, но и положение, мастерство, заводик и т.д. Проблема здесь будет заключаться в неумении воспитывать детей. Богатство, достаток

в первом поколении безобразно трансформируются в желание родителей вырастить недееспособных чад.

Успехи нового поколения будут все в большей мере носить частный, приватный характер. Празднование успеха также будет становиться все более камерным. Пышные, на сотню персон, юбилеи и свадьбы будут редким исключением, в порядке вещей станут праздники на 2-4 персоны. Будет цениться нечто, сделанное для дома, для семьи. Более камерный характер станет носить и реализация инстинкта созидания: свой дом, свой магазин, свой офис.

Вероятно, что общее стремление к познанию трансформируется в более прагматичное - в глубокое освоение профессии, дающей надежный доход. Успехом, а не нагрузкой, будет считаться возможность попасть на хорошие курсы переподготовки персонала (которые не будут иметь ничего общего с нынешними курсами повышения квалификации). Много появится профессий-хобби, освоение которых будет считаться успехом - управление самолетом, "изготовление" музыки, компьютерных программ и т.п.

Многие нынешние "престижные" профессии, типа проституции, перейдут в разряд тяжелых и непрестижных. Скорее всего, возникнет достаточно мощное увлечение философией, усиленное интеграцией с компьютерными технологиями и системным мышлением.

Это лишь некоторые общие черты. Каждый член нового поколения будет неповторим, не похож друг на друга в большей степени, чем ныне здравствующие граждане, и если новому поколению удастся преодолеть инстинкт стадности, государству удастся избежать нового тоталитаризма.

**Модели успеха:
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Д.И. Петросян

МОЛОДЕЖЬ ХОЧЕТ УСПЕХА И БОИТСЯ БЕЗРАБОТИЦЫ

Если кто-то и должен стремиться к успеху в жизни, то, в первую очередь, молодежь. Каковы же ближайшие намерения молодых людей, с какими факторами связывают они успешное осуществление, чего опасаются? Ответы на эти вопросы искали социологи сектора социально-экономических исследований "ТДВМ" (г.Владимир) совместно с Отделом по делам молодежи городской администрации в ходе изучения темы "Город и молодежь" весной - летом 1995 года. Было опрошено 892 молодых жителя Владимира: рабочих, служащих, работников органов МВД, безработных, студентов вузов и техникумов, учащихся ПТУ и старшеклассников.

1. Основные намерения молодежи

Как свидетельствуют результаты исследования (табл.1), работающая молодежь ориентирована прежде всего на достижение материального благополучия (особенно рабочие - 62%; служащие и милиционеры соответственно 53 и 31%).

Учащаяся молодежь тоже равнодушна к материальной стороне жизни, однако более насущными для нее являются другие цели. Для учащихся ПТУ и студентов - это приобретение профессии (соответственно 53% и 40%), а для старшеклассников - продолжение учебы (59%). Продолжение образования является одной из наиболее значимых целей и для студентов (35%). Почти треть школьников (30%) считают также своей главной целью получение профессии, а четвертая часть учащихся ПТУ (26%) намерена прежде всего найти работу. Достижение материального благополучия студенты и учащиеся ПТУ ставят только на третье место (29% и 26%), а старшеклассники - на четвертое (20%).

Таким образом, можно говорить о том, что работающая молодежь связывает успех в жизни прежде всего с материальным благополучием, в то время как для учащихся критериями успеха в большей степени являются развитие

профессиональных способностей и повышение образовательного уровня.

Таблица 1

Цели, которых респонденты намерены достичь
в ближайшие 2 - 3 года
(распределение ответов в %)

Основные намерения	Рабочие	Служащие	Работники МВД	Безработные	Студенты	Учащиеся ПТУ	Старшеклассники
Приобрести профессию	6.2	1.0	2.7	8.2	39.8	52.8	30.0
Поступить учиться	4.7	3.1	24.7	14.4	35.3	12.4	58.6
Найти работу	19.4	8.3	1.4	48.5	19.5	25.8	7.7
Добиться делового успеха	9.3	29.2	8.2	14.4	13.5	14.6	7.3
Встретить настоящую любовь, завести семью	16.3	14.6	8.2	9.3	18.0	21.3	15.0
Расширить свой кругозор, повысить уровень культуры	4.7	10.4	8.2	2.1	11.3	9.0	13.2
Добиться успеха в любимом занятии	3.9	7.3	9.6	1.0	12.8	12.4	8.2
Приобрести хороших друзей	4.7	5.2	1.4	3.1	26.3	33.7	32.7
Добиться материального благополучия	62.0	53.1	31.5	24.7	28.6	25.8	20.9
Приобрести интересные вещи	4.7	5.2	0	1.0	3.8	14.6	7.7
Добиться уважения и признания окружающих	3.9	7.3	6.8	1.0	11.3	15.7	17.7
Добиться успеха в политической деятельности	0	0	0	0	1.5	0	0.9

Ориентация на достижение делового успеха ярко выражена только у служащих (29%). Среди безработных, студентов и учащихся ПТУ деловой успех является привлекательным для 14% респондентов, а среди рабочих,

работников милиции и старшеклассников подобная доля не превышает 10%.

Расширять свой кругозор намерены в основном школьники (13%), студенты (11%) и служащие (10%). В целом отношение к культурному уровню как к ценности, имеющей личностное значение, распространено во всех группах чрезвычайно слабо. То же можно сказать и об отношении к достижению успеха в любимом занятии.

Интересно, что никто, за исключением двух студентов и двух школьников, не намерен связать свое будущее с достижением политического успеха. Реже других целей упоминается молодыми людьми приобретение интересующих их вещей (здесь выделяются только учащиеся ПТУ, причем только юноши - 18%).

Для учащейся молодежи, в отличие от работающей, большое значение имеет такой нравственный критерий успеха, как достижение уважения окружающих (особенно для учащихся ПТУ и школьников - 16% и 18%).

Работники правоохранительных органов несколько выделяются по своим намерениям на фоне работающей молодежи. Здесь не так велика доля стремящихся в первую очередь к достижению материального успеха (31,5%), зато четверть представителей данной группы хочет поступить учиться. На третьем месте у милиционеров стоит намерение добиться успеха в любимом деле, что еще больше характерно для учащихся и, отчасти, для служащих.

Для безработной молодежи достижение успеха явно не является самой насущной целью. Каждый второй из опрошенных представителей этой группы отмечает в качестве основного намерения поиск работы (что вполне естественно) и лишь каждый четвертый ставит перед собой цель добиваться материального благополучия.

При этом следует отметить, что не только для безработных, но и для рабочих, и для студентов, и особенно для учащихся ПТУ одной из наиболее важных целей является не достижение того или иного типа успеха, а поиск рабочего места. Это подтверждается и результатами факторного анализа, позволяющего более тонко уловить взаимосвязь между различными показателями, не выраженную отчетливо на вербальном уровне.

Факторный анализ основан на следующем принципе: принимая поочередно каждый из используемых в анализе показателей в качестве факторообразующего, компьютер ранжирует остальные, исходя из факторного веса, который, в свою очередь, является производным от знака и значимости коэффициента корреляции всех показателей между собой и особенно с показателем, принятым в качестве факторообразующего.

Самым большим факторным весом среди показателей, соответствующих основным целям работающей и безработной молодежи, характеризуется именно намерение найти рабочее место (0,729). Далее идут намерения встретить любовь и завести семью (0,633), поступить учиться (0,627). Показатели факторных весов тех целей, которые выражают ориентацию респондентов на тот или иной тип успеха, значительно ниже: материальное благополучие - 0,585; приобретение профессии - 0,583; деловой успех - 0,530; уважение и признание окружающих - 0,530.

Респондентам предлагалось выразить отношение и к таким целям, которые связаны с успехом в межличностных отношениях. Выяснилось, что среди школьников и учащихся ПТУ достаточно велика доля респондентов, намеренных приобрести хороших друзей (соответственно 33% и 34%). Для всех, кроме безработных и работников органов МВД, достаточно важно встретить настоящую любовь, завести семью.

При анализе таблицы 1 напрашивается еще одно важное наблюдение. Для учащейся молодежи характерна гораздо большая широта интересов, чем для работающей молодежи и безработных. Если рабочие, служащие, работники милиции и безработные концентрируют внимание в основном на 2-х - 3-х из предложенных целей, то студенты, учащиеся ПТУ и старшеклассники - от 7 до 10. Это вполне объяснимо, так как представители учащейся молодежи склонны считать, что перед ними открыта масса путей и возможностей, в то время как для более старших и опытных респондентов из числа работающей молодежи и безработных, уже преодолевших множество жизненных перекрестков, характерно сужение открывающихся перед ними возможностей.

Отметим также, что с возрастом во всех группах происходит сужение интересов.

Интересные результаты получены при анализе ответов и на следующий вопрос: "От кого или от чего зависит исполнение Ваших намерений?" (табл. 2). Во всех группах преобладают респонденты, уверенные в том, что надеяться надо прежде всего на собственные силы. Особенно характерно это для студентов (75%), старшеклассников (70%), учащихся ПТУ и работников органов МВД (по 60%). Меньше других уверены в себе служащие (42%) и рабочие (44%). Следует, однако, учитывать, что эта вербальная уверенность в своих силах является скорее всего завышенной. Неслучайно у респондентов, уже имеющих опыт трудовой деятельности, она проявляется гораздо меньше.

Во вторую очередь рабочие, служащие и работники милиции ставят свое будущее в зависимость от экономической политики, безработные и студенты - от случайностей, стечения обстоятельств, учащиеся ПТУ и школьники - от семьи, родных и

близких друзей. Рабочие, учащиеся ПТУ и служащие также придают большое значение случайным стечениям обстоятельств, но рабочие и учащиеся ПТУ ставят их на третье место, а служащие - на четвертое. Безработные третье место отдают поддержке семьи и близких друзей, а служащие - влиянию политической ситуации в стране. Часть служащих (27%), учащихся вузов и ПТУ (по 10%) считают, что их будущее во многом зависит от политической ситуации в стране, в то время как рабочие, школьники и даже милиционеры придают этому куда меньшее значение (5% - 8%), а безработные вообще не обращают внимание на данный фактор. Рабочие (12%) и милиционеры (14%) отводят значительную роль в реализации собственных намерений местным органам власти и управления.

Таблица 2

Представления молодежи о факторах,
влияющих на достижение намеченных целей
(распределение ответов в %)

Факторы	Рабочие	Служа- щие	Работ- ники МВД	Безра- ботные	Студенты	Учащи- еся ПТУ	Старше клас- сники
Экономическая ситуация	29.5	40.8	15.1	11.3	15.2	14.0	17.3
Политическая ситуация в стране	7.8	27.2	6.8	0	9.8	10.5	5.1
Деятельность местных органов власти и управления	12.4	6.8	13.7	1.0	3.8	4.7	1.4
Руководство учебного заведения	0.8	1.0	4.1	0	3.8	8.1	5.6
Семья, родные, близкие друзья	8.5	10.7	2.7	15.5	16.7	23.3	23.4
Товарищи по работе, учебе	4.7	1.0	0	1.0	0.8	1.2	2.3
Случайности, стечение обстоятельств	12.4	23.3	2.7	22.7	19.7	15.1	12.1
Собственная настойчивость и целеустремленность	44.2	41.7	60.3	57.7	75.8	60.5	70.1

Характерно, что меньше всего представители всех групп опрошенной молодежи надеются на товарищей по работе или

учебе. Видимо, это является естественным следствием разрушения в ходе реформы ценности коллективизма.

Довольно показательным получается анализ взаимосвязи мнений респондентов по поводу факторов, от которых зависит осуществление их намерений, с уровнем удовлетворенности жизнью (табл. 3).

Индексы удовлетворенности респондентов, которые склонны рассчитывать прежде всего на свои собственные силы, достаточно высоки во всех группах, а среди работающих такие респонденты выглядят наиболее удовлетворенными жизнью. Среди служащих и безработных еще в большей мере удовлетворенными являются респонденты, связывающие осуществление своих намерений с поддержкой членов семьи, родных и близких друзей. При этом следует отметить, что самые низкие индексы удовлетворенности во всех группах (за исключением, пожалуй, только школьников) имеют респонденты, считающие, что их будущее больше всего зависит от экономической ситуации в стране, а среди работающей молодежи это распространяется также и на тех, кто связывает свое будущее с деятельностью местных органов власти. По всей видимости, молодые люди, склонные рассчитывать на свои силы, действительно уверены в себе. Те же, кто придает большое значение в осуществлении своих намерений экономической ситуации и действию муниципальных властей, не видят оснований надеяться на лучшее. Их неудовлетворенность связана, очевидно, с общим тревожным восприятием последствий экономической реформы, а, возможно, также и с малой эффективностью работы муниципальных органов власти по облегчению адаптации населения города, в том числе и молодежи, к этим последствиям.

Таблица 3
Взаимосвязь между уровнем удовлетворенности молодежи складывающейся жизнью и представлениями о факторах, влияющих на осуществление целей

Факторы	Индекс удовлетворенности						
	Рабочие	Служащие	Работники МВД	Безработные	Студенты	Учащиеся ПТУ	Старшеклассники
Экономическая ситуация	-0.67	-0.51	0.04	-0.36	0.07	-0.04	0.15
Политическая ситуация в стране	-0.55	-0.46	-	-	0.31	0.22	0.04
Деятельность местных органов власти и управления	-0.69	-	0	-	-	-	-

Факторы	Индекс удовлетворенности						
	Рабочие	Служащие МВД	Работники	Безработные ПТУ	Студенты	Учащиеся	Старшеклассники
Руководство учебного заведения	-	-	-	-	-	-	0.42
Семья, родные, близкие друзья	-0.59	-0.23	-	-0.17	0.20	0.22	0.28
Товарищи по работе, учебе	-	-	-	-	-	-	-
Случайности, стечение обстоятельств	-0.50	-0.37	-	-0.34	0.08	-0.17	0.20
Собственная настойчивость и целеустремленность	-0.36	-0.26	0.27	-0.29	0.21	0.14	0.38
Средний индекс	-0.55	-0.45	0.22	-0.32	0.22	0.22	0.28

Индексы удовлетворенности рассчитывались по следующей формуле:

$I = [(a + 0,5b - 0,5d - e) / (a + b + c + d + e)] \times 100\%$, где
 а - численность полностью удовлетворенных;
 b - численность скорее удовлетворенных, чем не удовлетворенных;
 с - численность затруднившихся ответить;
 d - численность скорее не удовлетворенных, чем удовлетворенных;
 е - численность не удовлетворенных.

Среди учащейся молодежи респонденты, которые считают, что реализация поставленных ими перед собой целей зависит от поддержки родных и близких друзей, также выглядят достаточно удовлетворенными. Однако самыми удовлетворенными являются представители учащейся молодежи, которые ставят свое будущее в зависимость от руководителей учебного заведения.

2. Основные опасения молодых людей

Судя по результатам исследования (табл. 4), наиболее ощутимыми для молодежи являются следующие угрозы:

- для рабочих - война, болезнь, бедность и безработица;
- для служащих - болезнь, война и бедность;
- для безработных - болезнь, бедность и война;
- для работников милиции - измена любимого человека, болезнь и война;
- для студентов - измена любимого человека, война, бедность и безработица;
- для учащихся ПТУ - измена любимого человека, война, болезнь и безработица;
- для школьников - война, измена любимого человека и болезнь.

Таблица 4

Основные опасения молодежи
(распределение ответов в %)

Основные опасения	Рабочие	Служащие	Работники МВД	Безработные	Студенты	Учащиеся ПТУ	Старшеклассники
Война	44.3	44.0	21.5	12.3	31.9	40.7	40.4
Болезнь	40.2	51.0	26.9	18.5	21.2	25.6	27.7
Бедность	31.1	30.0	22.6	9.2	31.0	14.0	17.8
Невозможность получить желаемое образование	0.8	1.0	2.2	9.2	15.0	11.6	22.5
Нелюбимая работа	4.9	8.0	6.5	10.8	16.8	12.8	9.9
Безработица	31.1	21.0	17.2	3.1	24.8	25.6	12.2
Преступность, насилие	27.0	25.0	12.9	9.2	15.0	17.4	25.8
Измена любимого человека, предательство друзей	25.4	17.0	18.3	33.8	43.4	40.7	38.5

Итак, опасения, которые испытывают представители всех групп молодежи, связаны с возможностью войны, бедности и ухудшения здоровья. Обращает на себя внимание тот факт, что учащихся и работников милиции, в отличие от других представителей молодежи, помимо повторяемых всеми группами опасений волнуют взаимоотношения с любимым человеком. Интересно, что как раз работники органов МВД, студенты, учащиеся ПТУ и старшеклассники, которые включают в число опасений измену любимого человека, характеризуются достаточно высоким средним уровнем удовлетворенности жизнью, в то время как рабочие, служащие и безработные в целом неудовлетворены жизнью. Из этого можно заключить, что

удовлетворенные респонденты уделяют больше внимания проблемам, связанным с их личной жизнью, в то время как для менее удовлетворенных эти проблемы отходят на второй план.

Важно также и то, что студенты и учащиеся ПТУ не вполне уверены в своем будущем после окончания учебы, так как испытывают страх безработицы. Среди работающей молодежи это опасение разделяют только рабочие.

Гораздо меньшая доля молодежи отмечает в качестве основной - опасность преступности и насилия. Менее других проблем беспокоит молодежь невозможность получить желаемое образование, - заметно обеспокоены, по существу, только старшеклассники и студенты, - и нелюбимая работа, чего больше других опасаются студенты, учащиеся ПТУ и работники милиции.

Важно также выяснить, с какой остротой испытывают представители молодежи те или иные опасения. Это позволяет сделать сопоставление опасений с уровнем удовлетворенности респондентов тем, как складывается их жизнь (табл. 5).

Таблица 5
Взаимосвязь основных опасений молодежи с уровнем удовлетворенности тем, как складывается жизнь

Основные опасения	Индекс удовлетворенности						
	Рабочие	Служащие	Работники МВД	Безработные	Студенты	Учащиеся ПТУ	Старшеклассники
Война	-0.66	-0.45	0.19	-0.20	0.26	0.18	0.39
Болезнь	-0.59	-0.36	0.42	-0.50	0.12	0.12	0.25
Бедность	-0.82	-0.53	-0.42	-0.52	0.26	-0.41	0
Невозможность получить желаемое образование	н.зн.	н.зн.	0.67	-0.25	0.38	-0.20	0.16
Нелюбимая работа	-0.83	-0.19	0	-0.08	0.24	-0.36	0.24
Безработица	-0.59	-0.59	-0.75	-0.41	0.09	0.18	0.31
Преступность, насилие	-0.67	-0.18	0.33	-0.12	0.12	0.18	0.22
Измена любимого человека, предательство друзей	-0.53	-0.41	0.23	-0.15	0.22	0.23	0.35

Анализ показывает, что наиболее высокие индексы удовлетворенности имеют: среди рабочих и учащихся ПТУ - респонденты, опасющиеся измены любимого человека (-0.53 и 0.23); среди служащих - опасющиеся преступности и насилия (-0.18); среди работников органов МВД и студентов - опасющиеся невозможности получить желаемое образование (0.67 и 0.38); среди школьников - опасющиеся войны (0.39). Это говорит о том, что для данных групп молодежи подобные опасения не являются лично значимыми, т.е. воспринимаются на эмоциональном уровне как не слишком острые.

Самые низкие индексы удовлетворенности имеют респонденты, опасющиеся бедности (исключение составляют студенты, которых бедность пугает не так остро). Причем у всех, кроме рабочих, учащихся ПТУ и школьников, страх бедности связан с опасениями безработицы. И по результатам факторного анализа среди опасений молодежи показатель, выражающий страх перед безработицей, характеризуется самым высоким факторным весом.

Таким образом, анализ основных намерений и опасений молодежи показывает, что хотя молодежь и проявляет достаточно заметную готовность попытаться достичь успеха в профессиональной деятельности, добиться материального благополучия, приобрести хороших друзей, встретить любовь и завести семью, все же более остро молодые люди испытывают опасение перед безработицей и бедностью. Многие думают не столько о достижении успеха, сколько о необходимости найти работу.

В.Н.Шубкин

**РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ СМОТРИТ В БУДУЩЕЕ:
НАДЕЖДА ИЛИ ОЖИДАНИЕ КАТАСТРОФЫ?**

Нас непосредственно интересует вопрос: в какой мере катастрофическое сознание характерно для современной российской молодежи. Вместе с тем, используя материалы лонгитюдного исследования, мы выдвинули гипотезы о том, как оценивали свои шансы в будущем различные когорты и поколения юношей и девушек на протяжении тридцати лет (с 1963 по 1994 гг.).

В.И.Даль определяет слово "катастрофа" как важное событие, решающее судьбу или дело. С.И.Ожегов добавляет: "событие с несчастными, трагическими последствиями".

Как же, размышляя о будущем, представляет его себе российская молодежь: с надеждой, тревогой или ожиданием катастрофы? Это далеко не абстрактный вопрос, поскольку ответ на него тесно связан не только с политическими, идеологическими, мировоззренческими оценками и предпочтениями, но и с реальными решениями и поведением разных групп молодежи. Тем более, что именно ей, молодежи, предстоит в этом будущем жить.

Сразу оговоримся, что катастрофу как важное событие, решающее судьбу или дело, нам представляется целесообразно понимать, по крайней мере, с двух позиций: 1) катастрофа как *внешнее* по отношению к индивиду событие (космическое, геологическое (землетрясение, извержение вулкана), климатическое (засуха, наводнение), разного рода транспортные происшествия, войны, теракты, геноцид и т.п.); 2) катастрофа как *внутреннее* по отношению к индивиду событие, связанное с мировоззренческими и психическими трагедиями и переживаниями человека. Эти два подхода важно иметь в виду при анализе катастрофического сознания в человеческом обществе.

Говоря о методике исследования, отметим, что на сегодня в нашем распоряжении имеются два основных эмпирических источника.

1. Материалы обследования, проведенного Институтом маркетинговых исследований в марте 1995 г., охватывающего на общероссийской выборке 2002 респондента. В omnibusе VI был включен вопрос: "Скажите, с какими из перечисленных ниже суждений Вы согласны и с какими не согласны:

- я уверен в том, что Россия справится с кризисом и вступит на путь процветания и развития;

- я постоянно испытываю тревогу, думая о будущем: если не война, то экономическая катастрофа, социальные потрясения, - не вижу просвета;
- временами у меня такое предчувствие, что мир стоит на пороге катастрофы, что у человечества нет будущего;
- те, кто нагнетает страхи по поводу национальной катастрофы, гибели России, просто преследуют свои корыстные цели и рассчитывают на дураков;
- я уверен, что из самых трудных жизненных ситуаций можно найти выход и не следует впадать в отчаяние;
- я не планирую свою жизнь или жизнь моих близких на будущее: не вижу в этом никакого смысла**.

2. Второй источник базируется на материалах лонгитюдного исследования социальных и профессиональных проблем молодого поколения, которые были начаты в 1963 году в Сибири и продолжались до 1994 года. В анкету, по которой проводилось обследование, был включен вопрос: "Уверены ли Вы в том, что сумеете приобрести намеченную Вами профессию?"

Как же влияют на тревожность и катастрофичность сознания населения России основные социально-демографические показатели? Прежде всего, в массе своей женщины более пессимистичны в оценке будущего, чем мужчины. Думая о будущем, 52% женщин постоянно испытывают тревогу, (мужчин - 37%); испытывают предчувствие, что мир стоит на пороге катастрофы, что у человечества нет будущего 41% женщин (мужчин - 31%).

Пессимизма больше в деревне, чем в городах, больше у одиночек, чем у семейных. Вместе с ростом уровня образования растет и уверенность в будущем. Наиболее пессимистичны неквалифицированные рабочие, наименее - бизнесмены. Особенно интересно для нас влияние возраста (табл.1).

Результаты, полученные при разработке материалов массовых обследований 1995 г., убедительно свидетельствуют, что возраст заметно сказывается на суждениях о будущем. Как видно, меньше всего тревог испытывают молодые люди в возрасте 16-19 лет, их в два с лишним раза меньше тех, кому за пятьдесят. Похожую картину мы видим и при ответе на вопрос о том, имеются ли предчувствия, что мир на пороге катастрофы, что у человечества нет будущего.

* Исследование проведено под руководством В.А.Ядова и А.М.Демидова.

** Исследование проводилось под руководством В.Н.Шубкина. Подробнее методику см.: [1,2].

Таблица 1

С какими из перечисленных ниже суждений Вы согласны: а с какими - не согласны, %

Варианты суждений	Ответ	Возраст, лет					
		16-19	20-29	30-39	40-49	50-65	>65
1. Я постоянно испытываю тревогу, думая о будущем: если не война, то экономическая катастрофа, социальные потрясения, - не вижу просвета	Согл.	25	35	43	51	52	52
	Не согл	75	65	57	49	48	48
2. Временами у меня такое предчувствие, что мир стоит на пороге катастрофы, что у человечества нет будущего	Согл.	30	29	34	39	40	40
	Не согл	70	71	66	61	60	60
3. Я уверен, что из самых трудных жизненных ситуаций можно найти выход и не следует впадать в отчаяние	Согл.	96	91	91	87	88	85
	Не согл	4	9	9	13	12	15
4. Я уверен в том, что Россия справится с кризисом и вступит на путь процветания и развития	Согл.	80	77	75	76	76	76
	Не согл	20	23	25	24	24	24

По первому вопросу разрыв между молодыми и пожилыми более отчетлив, чем по второму. Можно полагать, что респондентам понятнее конкретная постановка вопроса о тревогах (война, экономическая катастрофа, социальные потрясения), чем более абстрактный вопрос о мире в целом, о судьбе человечества. Многие, возможно, никогда и не задумывались об этом.

Следует отметить довольно высокий уровень оптимизма: в самых трудных жизненных ситуациях искать выход и не поддаваться отчаянию. Согласны с данным суждением 96% молодых людей, хотя с возрастом этот процент снижается. То

же самое мы видим и с ответами на вопрос: справится ли Россия с кризисом и вступит ли на путь процветания. Четыре пятых молодых людей разделяют такую уверенность, хотя здесь они не столь категоричны, как при ответах на предыдущий вопрос. Видимо, сказывается специфическая формулировка подсказки, когда судить надо не о себе, но обо всей России. А это труднее.

Косвенные ответы на интересующие нас вопросы дают и разработки массовых опросов молодежи, которые проводились нами с 1963 по 1994 год (табл.2).

Таблица 2
Процент уверенных (неуверенных) юношей и девушек
Новосибирской области

Ответ	Годы								
	1963			1983			1994		
	все	в том числе		все	в том числе		все	в том числе	
го	юн.	дев.	го	юн.	дев.	го	юн.	дев.	
Уверен	81.6	84.1	80.1	74.9	75.1	74.8	72.3	80.2	67.6
Не уверен	4.3	4.9	4.1	11.8	8.9	13.7	26.5	19.5	30.7

Конечно, нужно отдавать себе отчет в том, что возможность реализовать себя в профессиональном плане не равнозначна отношению молодежи к будущему. Но если учесть, что молодые люди отвечали на этот вопрос непосредственно перед окончанием средней школы, когда он буквально витал над ними, то они вкладывали в ответ и свое предощущение этого будущего в целом.

Как видно, мы наблюдаем за эти годы две противоположные тенденции: снижение процента уверенных и рост неуверенности. В целом за 31 год неуверенность возросла с 4,3% до 26,5%. Уверенность снизилась с 81,6% до 72,3%. Выше (в табл. 1) мы отмечали большой пессимизм у женщин в оценке своего будущего по сравнению с мужчинами. Ту же тенденцию наблюдаем и в таблице 2: среди них меньше всего уверенных в своем будущем и больше пессимистов. Процент последних резко возрастает с каждым десятилетием и в 1994 году достигает почти трети (30,7%), в то время как уверенность снижается до 67,6%. В последнее десятилетие, при общем снижении процента положительно ответивших на этот вопрос,

процент уверенных в своем будущем несколько вырос, что требует дополнительной интерпретации*.

На эти показатели оказывают большое влияние демографические факторы. Это явление мы назвали *демографической компенсацией*. Тот, кто родился в самые тяжелые годы войны и принадлежит к самой малочисленной когорте, при прочих равных условиях имеет наибольшие шансы на получение образования, наиболее высокую степень свободы при выборе профессии, должности, работы и т.п., и наоборот[3].

Эти процессы оставляют достаточно глубокий след в сознании молодежи, испытавшей на себе действие данного явления в связи с увеличением или уменьшением конкурса, трудностями с устройством на работу и т.п. Сказываются они на показателях уверенности в возможности приобрести нужную профессию, на пессимизме или оптимизме данной когорты. Так, еще в 1964-1968 гг. мы фиксировали снижение уверенности в своем будущем у молодежи, вступавшей в самостоятельную жизнь.

До сих пор мы описывали влияние в основном внешних факторов на катастрофическое сознание и тревоги молодежи. Теперь о влиянии *внутренних* - мировоззренческих, психических - трагедий и переживаний человека.

Такие внутренние катастрофы могут возникать как под влиянием внешних факторов, так и независимо от них. Последние также ждут своих исследователей. Хотя здесь мы несколько отклоняемся от основного направления этой статьи, видимо, целесообразно привести ряд соображений, которые касаются людей разного возраста, в том числе и молодых. Речь идет о вопросе, всегда присущем человеку и нередко превращающем жизнь в трагедию и катастрофу. Именно о нем писал А.Пушкин[4]:

"Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
И зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?"

Этот тип катастрофизма тесно связан с ощущением бессмысленности жизни, часто с попыткой разрубить проклятый вопрос путем самоубийства. "Вопрос мой - тот, который в пятьдесят лет привел меня к мысли о самоубийстве, - писал Лев Толстой, - был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого

* Возможно, здесь сказывается то, что в эти годы изменилась социальная структура выпускников школ - прежде всего за счет повышения процента детей руководителей и специалистов. Это усилило вузовскую ориентацию выпускников, а юноши обычно имеют более высокие шансы на поступление в высшие учебные заведения.

человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, - тот вопрос, без которого жизнь невозможна, так я испытал это на деле. Вопрос состоит в том: "что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, - что выйдет из всей моей жизни?"

Иначе выраженный вопрос будет такой: "зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?". Еще иначе выразить вопрос можно так: "есть ли в моей жизни смысл, который не уничтожался бы неизбежной предстоящей мне смертью?"[5]

На этот вопрос, считает Л.Толстой, люди дают четыре варианта ответа.

1. Неведение. Просто не задумываются об этом. К таким относятся не очень глубокие люди, женщины и т.п.

2. Эпикурейство, гедонизм, - "слизать как можно больше капель меда с ветви плюща, за которые ты уцепился, пока не оставят силы и ты не рухнешь в пасть чудовища, которое ждет тебя на дне колодца", то есть пока не наступит смерть.

3. Самые сильные и последовательные люди, осознав бессмысленность жизни, кончают самоубийством.

4. Люди слабые (к ним Л.Толстой относит и себя) не решаются на самоубийство. Осознав бессмысленность жизни, они, тем не менее, не кончают самоубийством, а живут, тянут лямку, сознавая, что чуда не будет.

Лишь потом Лев Толстой вводит пятый вариант - единственный, который может дать смысл жизни, - это вера. "...Вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет"[6].

Примерно в те же годы этот проклятый вопрос занимал соотечественника Льва Толстого. "Посмотрите, - писал от имени самоубийцы-материалиста Ф.М.Достоевский в "Дневнике писателя", - кто счастлив на свете, и какие люди *соглашаются* жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей. Есть, пить и спать, по-человечески значит наживаться и грабить, а устраивать гнездо значит по преимуществу грабить. Возразят мне, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнездо на основаниях разумных, на научно верных социальных началах, и не грабежом, как было доньше. Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? На это уж, конечно, никто не сможет мне дать ответа. Все, что мне могли бы ответить, это: "чтобы получить наслаждение". Да, если бы я был цветок или корова, я бы и получал наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном

счастья любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество обратится в ничто, в прежний хаос"[7].

"В результате ясно - продолжает Ф.М.Достоевский в "Голословных утверждениях", - что самоубийство при потере идеи о бессмертии становится совершенно и неизбежно даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть приподнявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей"[8].

Этим проблемам посвящено специальное классическое исследование Э.Дюргейма "Самоубийство"[9]. Анализируя, в частности, проблемы религии и самоубийства у протестантов, католиков, евреев, автор устанавливает, что склонность к самоубийству у первых значительно сильнее, чем у вторых. Поскольку "протестантизм представляет собой идеалистическую религию, он дает гораздо больше места для мыслей и размышления, чем греко-латинский политеизм или монотеизм евреев"[10], т.е. перевес на стороне протестантизма в сфере самоубийств происходит потому, что церковь по существу своему здесь менее целостна, чем католическая церковь. Этим же объясняется и положение, занимаемое иудейством.

"...Евреев предохраняет от самоубийства тот факт, что религиозное общество, к которому они принадлежат, крепко сцементировано. Но все же гнетущий их остракизм является только одной из причин этой особенности; самый характер еврейской религии оказывает на склонность к самоубийству немалое влияние. В самом деле, иудейство, как и все религии низшего порядка, представляет собой, по существу, собрание правил и обычаев, самым тщательным образом регламентирующих все детали человеческого существования, не оставляя почти ничего на свободное усмотрение индивидуальной воли"[11].

Подводя итоги своему исследованию, Э.Дюргейм считает установленным, что число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции религиозного общества, обратно пропорционально степени интеграции семейного общества и обратно пропорционально степени интеграции политического общества. То есть число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид.

"Для человека твердо религиозного, для того, кто тесными узами связан с семьей или определенным политическим сообществом, подобная проблема даже не существует. Добровольно и свободно, без всякого размышления, такие люди отдают все свое существо, все свои силы: один - своей церкви, или своему Богу, живому символу той же церкви, другой - своей

семье, третий - своей Родине или партии"[12]. Эти мысли, похоже, находят подтверждение в самом развитии России. Если взять людей, вступивших в жизнь в этом веке, то среди них мы видим тех, кто отразил в себе разные эпохи развития страны. Очень грубо, чтобы описать тенденцию, возьмем следующие типы в рамках христианской традиции.

Прадеды (родившиеся в начале XX века). Истоки их интеграции - выбор, который они сделали из множества вариантов. Мощное влияние на их мирозерцание оказало христианство, вера в продленность жизни, в бессмертие души. Они сознают себя существами, которые должны жить, иметь потомство, соблюдать нормы общежития и т.п.

Деды (родившиеся в первые годы после революции 1917 г.). У них уже не было той степени интеграции в общество, которая была у прадедов. Решения за них принимали власть предержащие. Они интегрированы, но интеграция эта - результат свободного выбора. Ощущение катастрофизма у них нарастает, но оно ограничено чувством долга перед страной, партией. Особенно ярко это проявилось в революции, войне. "Смело мы в бой пойдем за Русь святую," - пели одни. "Смело мы в бой пойдем за власть Советов - на той же ноте возражали другие, - и как один умрем в борьбе за это".

Отцы (в основном сорокалетние). Они своего рода беспризорные. У них потеряна ответственность за жизнь, за будущее. Они ни к чему не относятся серьезно. Отсюда вседозволенность в поведении, катастрофизм в сознании. Они не укоренены в жизни. Они не верят в социально-политические институты. Они постоянно ждут катастрофы: экономической, политической, военной. "Я так и знал. Но будет хуже...". Отсюда, в частности, и падение рождаемости: "зачем плодиться, если мы все обречены". Их поддерживают и средства массовой информации с их апокалипсическим настроением: озоновые дыры, войны, теракты, катастрофы.

Как видно, по мере потери веры, интеграции в семью и в общество, нарастает ощущение катастрофичности, которое отрицает ценность и самой жизни.

А как же молодежь, *дети*? С одной стороны, они, вроде, не драматизируют свое житье, довольно оптимистично смотрят в будущее. Но, с другой стороны, мы видим по материалам наших лонгитюдных исследований, что процент молодых людей, уверенных в своем будущем, неуклонно снижается. Почему? Ф.М.Достоевский приходит к выводу в статье "Кое-что о молодежи", что в большинстве молодые люди - жертвы одной и той же духовной болезни[13]. И затем делает важное заявление: "А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни"[14].

Это в XIX-то веке! А что можно сказать о нашей молодежи, когда даже те положительные идеалы, которые еще сохранились по инерции от предреволюционных лет, полетели в тартарары, оставив юношей и девушек без всяких ориентиров. На их мировоззрение сегодня оказывают влияние две группы конкурирующих между собой факторов. Одна - как бы продолжает катастрофические тенденции, свойственные их родителям, т.е. в конечном счете отрицающие жизнь. Другая - делает попытку возвращения к ценностям, свойственным прадедам или дедам. В этом русле, в частности, действует и христианство, которое пользуется влиянием у определенной части россиян. Какая из этих тенденций будет превалировать?

От ответа на этот вопрос во многом зависит, случится ли при жизни современной молодежи тотальная мировоззренческая катастрофа в российском обществе или ее удастся избежать.

Пока же можно лишь констатировать, что материалы имеющихся эмпирических исследований по катастрофизму в сознании юношей и девушек недостаточны для серьезных выводов, а теоретические обобщения настоятельно требуют проверки в ходе специальных массовых опросов молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шубкин В.Н. Социологические опыты. - М.: Наука, 1970.
2. Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшеклассников. - М.: Центр социологии образования, 1994.
3. Материалы конференции "Коммунистическое воспитание студенчества". Часть 1. - Тарту, 1971, с.32.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. III. - Л., 1977, с.59.
5. Толстой Л.Н. Исповедь. - СПб, 1906, с.17.
6. Там же, с.36-37.
7. Достоевский Ф.Н. Полн. собр. соч. Т.23. - Л., 1981, с.146-147.
8. Достоевский Ф.Н. Полн. собр. соч. Т.24.- Л., 1982, с. 49.
9. Дюргейм Э. Самоубийство. - Социологический этюд. - М.: Мысль, 1994.
10. Там же, с.132.
11. Там же, с. 136.
12. Там же, с. 190.
13. Достоевский Ф.Н. Полн. собр. соч. Т.24.- Л., 1982, с.50.
14. Там же, с. 51.

А.В. Толстых, Н.Н. Толстых
ПОБЕДИТЕЛЬ НЕ ПОЛУЧИТ НИЧЕГО

Прежде чем перейти к сути дела - несколько слов о форме этих заметок. Форма диалога двух профессионалов - социолога и психолога - выбрана не из любви к диалогу и не как дань моде. По поводу обсуждаемой ниже темы у *Социолога* и *Психолога* сегодня *реально* существует расхождение, если не поляризация, точек зрения. При этом думается, что дело не в специфике профессиональных подходов, а во внутренней противоречивости самого явления-ярлыка - "новое поколение выбирает успех!"

В ролях:

Социолог. член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, директор Центра эстетического воспитания РАО Александр Валентинович Толстых;

Психолог: кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Психологического института РАО Наталия Николаевна Толстых;

В роли *Настя* Толстых - Настя Толстых, девочка 4,5 лет.

Социолог: Помнишь, когда мы возвращались из Америки, кто-то в суете аэропорта JFK сунул мне книгу: Anthony Robbins. "Unlimited Power" с характерной припиской "National Bestseller". Очередная формула успеха. Как всегда, универсальная, - как таблетка от всех болезней. Подобным чтивом забиты десятки стеллажей в книжных магазинах, - сам видел. Наивная американская жажда ухватить частичку своей american dream... Как это все разительно отличается от наших российских привычек. Воистину: два мира - две идеологии. Десятки лет изоляции и самоизоляции, очевидность различия культурных паттернов. Там - азартная, всепоглощающая жажда успеха, здесь - демонстративное, хотя и неискреннее, безразличие к оному. Там в слагаемые жизненного успеха включаются богатство, профессиональная или общественная карьера, популярность, здесь - "стыдно быть богатым", карьеризм - осуждаемый порок, а признание заслуг - исключительная прерогатива государства или вождя.

Далее. Инструментовка. У них - горы литературы, консультанты, школы ораторского мастерства, Карнеги и Питер. У нас до последнего времени - голод на рекомендательную литературу, "школа серости и ординарности", "курсы искусства быть незаметным, не выделяться".

Близко к этому вся проблематика Восток-Запад и "быть ли им вместе" с довеском в виде "загадочной русской души", которую, видите ли, чуть ли не "воротит" от одного упоминания о выгоде и сытой жизни. Как это поет Борис Гребенщиков: "Мне острый нож в сердце, когда хорошо, я дома лишь там, где херово!" Вот-вот...

Далее. Что значит, молодое поколение выбирает успех? Ну, не "Pepsy" же им, в самом деле, выбирать!

Психолог: А можешь ли ты прямо ответить на поставленный вопрос: есть ли у современной молодежи (не знаю, стоит ли тут сразу говорить о поколении?) установка на успех - в жизни, в деле?

Социолог: Могу. И достаточно однозначно и категорично. Да, материалы многочисленных социологических исследований свидетельствуют о том, что молодежь самым определенным образом настроена на жизненный успех. Так, по данным ВЦИОМ, подкрепленным авторитетом автора исследования - Бориса Дубина, социолога, которому я особенно доверяю, среди приоритетных мотивов, определяющих умонастроения и поведение молодых людей, верховенствуют такие, как "всегда быть самим собой", "быть счастливым", "не упускать своего", "быть хитрей других", "занять видное положение". Здесь комментировать нечего. Или вциомовские ребята из группы выборки специально "отлавливали" юных selfmademan'чиков, или подобные настроения, действительно, господствуют в юных мозгах. В том же исследовании приводятся приоритеты в вопросе о качествах молодежи, которые хотели бы прежде всего видеть сами молодые: "образованная", "физически крепкая", "способная обеспечить себя материально", "решительная", и здесь следует "молодежь", поскольку все заковыченные определения относятся именно к ней, родимой. Согласитесь, коллега: это что угодно, но только не психология аутсайдерства!

Психолог: Да, уж это другая песня, чем "возьмемся за руки, друзья..."

Социолог: Увы, не только "шестидесятники", но и вся прочая "возрастная" публика относится к молодежи с явным "обвинительным уклоном", но это уже не только другая песня, но и другая тема.

В целом сегодня молодежь свободнее от предрассудков коммунистической идеологии и советской мифологии. Среди молодых гораздо реже встречается махровый патернализм (почти поголовный у старших поколений) с безотчетной верой во всемогущество отца-государства. Любопытно, что среди пострадавших от печально знаменитых чековых инвестиционных фондов, "эмэмэмов", "тибетов" и "хопров", меньше всего молодежи. Молодежи как раз-то и не приходится в голову обратиться к государству с просьбой о погашении, по сути, "карточных" долгов, сделанных по собственной безрассудности. Для

старших поколений обращение к государству в этом вопросе - спаси и защити - не кажется ни странным, ни бесстыдным. Поразительно, что и для государства в лице Правительства и Президента, выросших в традициях советского "подопечного сознания", предложение промотавшейся публики заплатить ей из карманов менее бесстыдной части налогоплательщиков кажется нормальным.

Так вот, самым решительным образом заявляю, что подрастающее поколение радикально отличается от тех, кто привык все свои проблемы решать "письмами в инстанции". Добиваясь своего, молодой человек скорее пойдет сегодня на митинг или демонстрацию.

Психолог: Ну, слава Богу. Может быть, и в наших пределах массовым станет человек, внемлющий булгаковскому голосу: "Никогда и ничего не просите". Это чертовски хороший совет.

Социолог: Еще бы, поскольку уж он озвучен у Булгакова именно дьявольскими устами. Между прочим, "Мастер и Маргарита", если верить опросам, едва ли не настольная книга современного подростка.

Психолог: Это симптоматично.

Социолог: Кстати, новый менталитет молодежи проявляется не только в области "отношений" и "ценностей", но и в реальном поведении. Трое из каждых четырех самых молодых респондентов утверждают, что активно включены в бизнес! Судя по тому, сколько молодых лиц мы видим сегодня в уличной торговле, в магазинах, в сервисе, - это правда.

Психолог: Ты не обижайся, но мне ни твои данные, ни твои выводы не представляются чем-то сенсационным. Ведь свернув сказанное тобою выше до "сухого остатка", как любила выражаться одна знакомая (академик-химик), мы получим модель "советского человека", так сказать, классического образца с биркой "снята с производства". Сходит со сцены поколение "героического периода" советской истории, унося с собою и свою мифологию. Взрослые поколения уже не авторитеты и не образцы для подражания в глазах молодых и юных. А поскольку авторитеты немислимы без образцов самостоятельного и ответственного поведения, то их предстоит выработать молодым на свой страх и риск. К тому же желания не только сотрудничать, но и вообще вступать в диалог с "младшими" "старшие" вовсе не обнаруживают. Так?

Социолог: Пожалуй, даже твои выводы шире заявленных мною тезисов.

Психолог: Но по содержанию рекламаций нет?

Социолог: Нет. Но тогда объясни: как можно назвать факты, свидетельствующие об изменениях в менталитете общества, банальными? Ты имеешь в виду, что не я первый об этом говорю?

Психолог: И это тоже. Только слепой не видит сегодня разительного отличия возрастных слоев населения.

Социолог: Действительно, возрастной срез в социодемографическом разрезе выборки сегодня самый контрастный и яркий. По правде сказать, он всегда один из самых показательных...

Психолог: Так мы с тобой договоримся до впечатляющего тезиса, что, мол, люди бывают разные...

Социолог: Согласен, оставим тему различий и обсудим то, в чем они едины.

Психолог: Вот и я бы посмотрел на факты с другой стороны, сохраняя "в уме" все те справедливые послышки, которые ты сделал раньше: констатация поколенческого сдвига в характере отношения к жизненному и деловому успеху. Однако, согласишься: при всех различиях позиций в вопросе о жизненном успехе у пресловутого Карнеги и какого-то рядового отечественного Акакия Акакиевича, их действия подчинены достижению некоей цели. Грубо говоря, проблема различия представлений о жизненном успехе может быть всегда редуцирована к проблеме цели (жизни, например, или какой-то более частной). Помнишь нас в школе учили, что главное в жизни цель...

Социолог: "...И прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы..."

Психолог: Молодец, помнишь классику. И здесь едины и коммунисты, и буржуины-капиталисты: бесцельная жизнь - это пустое, зряшное, однозначно дурное.

Вообще в психологии проблема способности человека самостоятельно определять цели своей жизни, способности к самопроекции себя в будущее, наличие в его ментальности протяженной и содержательно насыщенной временной перспективы будущего затрагивалась многими исследователями, в особенности теми, кого интересует целостный процесс развития личности и индивидуальности человека на протяжении всей его жизни. Так, в свое время Шарлотта Бюлер, которая рассматривала в качестве главной движущей силы развития врожденное стремление человека к самоосуществлению (которое она отличала от самореализации и самоактуализации), убедительно показывала, что полнота самоосуществления, самоисполненности прямо связана со способностью человека ставить перед собой цели, адекватные его внутренней сущности, и что обладание такими жизненными целями - условие сохранения психического здоровья личности. С ее точки зрения, причиной неврозов выступают не столько сексуальные проблемы или чувство неполноценности, как учит психоанализ, сколько недостаток направленности, самоопределения. Обретение же целей жизни приводит к интеграции личности.

Социолог: Нечто подобное я читал у Людвиг Фон Бергаланфи. В частности, его идея о свойственной живым системам тенденции к подъему напряжения, необходимому для активного преодоления среды. Понятно, что эта концепция противоположна фрейдистскому пониманию движущих сил поведения человека как стремления к снятию напряжения.

Психолог: Таким же категоричным противником принципа гомеостаза выступает и Виктор Франкл, который полностью разделяет понимание Шарлоттой Бюлер самоосуществления как осуществления смысла, а не осуществления себя или самоактуализацию. "Самоактуализация, - пишет Франкл, - это не конечное предназначение человека. Это даже не его первичное стремление. Если превратить самоактуализацию в самоцель, она вступит в противоречие с самотрансцендентальностью человеческого существования. Подобно счастью, самоактуализация является лишь результатом, следствием осуществления смысла. Лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он намеревается актуализировать себя вместо осуществления смысла, смысл самоактуализации тут же теряется. Я бы сказал, что самоактуализация - это непреднамеренное следствие интенциональности человеческой жизни. Никто не смог выразить это более лаконично, чем великий философ Карл Ясперс, сказавший: "Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим".

Отсутствие осмысленной цели в жизни является, по Франклу, одной из причин невроза, ноогенного невроза, проявляющегося прежде всего в скуке и апатии, во внутренней пустоте, на основании этого он и ввел понятие "экзистенциального вакуума". Франкл отмечает, что феномен экзистенциального вакуума в последнее время одновременно усиливается и распространяется.

Социолог: Эти психологические построения весьма интересны и не лишены изящности, но они носят как бы абстрактно-всеобщий характер. Меня же, как социолога, всегда волнует день сегодняшний, привязка универсальной проблемы к месту и времени. Что ты можешь сказать в этом плане?

Психолог: Я скажу, что это все имеет непосредственное отношение к ситуации, которая сложилась сегодня вокруг проблем молодежи. Известно, что проблема поиска смысла своего существования, определения жизненных целей важна для любого и в любом возрасте. Но есть период в жизни человека, когда она становится действительно ключевой, определяющей, - это период юности. То, что юноша, или старший школьник, стоит на пороге взрослой жизни, что он обращен в будущее, что обращенность в будущее составляет "аффективный центр" всей его внутренней жизни, признается

практически всеми психологами и, по-видимому, уже не требует доказательств. Однако общепризнанность этих утверждений сама по себе не решает чрезвычайно острой сегодня практической проблемы помощи нашим подросткам, юношам и девушкам найти себя, определить свое место в мире, в той предельно сложной ситуации, в которой все мы оказались.

Социолог: Я слушал тебя и мне вспомнились размышления Томаса Манна в финале замечательного романа "Волшебная гора", когда он говорит о человеке, молодость которого пришлась на период перед первой мировой войной, на начало XX века: "Человек живет не только своей личной жизнью, как отдельная индивидуальность, но - сознательно или бессознательно - также жизнью целого, жизнью современной ему эпохи, и если даже он считает общие и внеличные основы своего существования чем-то безусловно данным и неизблемым и далек от нелепой мысли критиковать их, как был далек наш Ганс Касторп, то все же вполне возможно, что он смутно ощущает их недостатки и их воздействие на его нравственное самочувствие. Перед отдельным человеком могут стоять самые разнообразные задачи, цели, надежды и перспективы, и он черпает в них импульсы для более высоких трудов и усилий, но если в том внеличном, что окружает его, если, несмотря на всю внешнюю подвижность своей эпохи, он прозревает в самом существе ее отсутствие всяких надежд и перспектив, если ему открывается ее безнадежность, безысходность, беспомощность, и если на все - сознательно или бессознательно - поставленные вопросы о высшем, сверхличном и безусловном смысле всяких трудов и усилий эта эпоха отвечает глухим молчанием, то как раз у наиболее честных представителей человеческого рода такое молчание почти неизбежно вызывает подавленность, оно влияет не только на душевно-нравственный мир личности, но и каким-то образом на ее организм, на ее физический состав. Если эпоха не дает удовлетворительных ответов на вопросы "зачем", то для достижений, превосходящих обычные веления жизни, необходимы либо моральное одиночество и непоследовательность, - а они встречаются весьма редко и, по существу, героичны, - либо мощная жизненная сила. Ни того, ни другого у Ганса Касторпа не было, вот почему его, вероятно, все же следовало назвать посредственностью, хотя ничуть не в обидном смысле этого слова".

Психолог: Кажется, что это описание "внеличного", эпохи, которая не дает удовлетворительных ответов на вопрос "зачем", прямо относится к тому, с чем сталкивается сегодня наш молодой соотечественник. Разрушение старой системы социальных ценностей при отсутствии сколь-либо внятных перспектив не может не влиять на душевно-нравственный мир подростков и юношей.

Социолог: Заметное доминирование у наших современных юношей и девушек прагматической формы развития личности, по всей видимости, связано прежде всего именно с социологическим фактором - современные подростки и юноши вовсе не похожи на идеальные типы Шпрангера. Ведь, пожалуй, единственный ответ эпохи на вопрос "зачем", который может расслышать посредственный (как говорит Томас Манн, "не в обидном смысле слова") сегодняшней подросток, - это именно ответ "чтобы быть богатым, экономически независимым, чтобы иметь миллион и т.п.". Об этом все популярные телепередачи, вся реклама, и этому мало что противостоит в сегодняшней нашей жизни. Но важно и еще одно обстоятельство. Советская система, действительно, сформировала особый тип личности, одной из важных особенностей которой является принципиальное отсутствие у человека потребности самому выбирать собственные жизненные ценности, самому строить свои жизненные планы, готовность некритично принимать как истинное, как необходимое, как свое то, что дается откуда-то сверху.

Психолог: Действительно, если проанализировать, скажем, психологическую литературу советского периода, посвященную проблеме воли, то практически вся она посвящена тому, как развивается или, точнее, формируется способность человека подчинить свои действия, свою жизнь выполнению некоторой задачи, достижению некоторой цели. При этом практически не обсуждается вопрос о том, откуда берутся сами эти задачи и цели, а ведь воля, сам процесс волеия - это прежде всего самостоятельный выбор цели. Умение же подчинить себя выполнению задачи или достижению цели - это не воля в строгом смысле слова, а произвольность. Понятно, зачем советской системе были нужны люди с развитой произвольностью, но с неразвитой волей. Эта абulia была мало заметна во времена, когда ценности и цели навязывались сверху, более того, она создавала даже определенный внутренний комфорт, зато теперь, когда старая система ценностей рухнула и ушло само "навязывание" целей и ценностей, возникли многие сложности, прежде всего чисто психологические. Родители, обращающиеся в психологические консультации по поводу своих детей-подростков и старших школьников, очень часто приходят с одной и той же жалобой "он (она) ничего не хочет", "он (она) не знает, чего хочет".

Социолог: Кстати, это не следует понимать в том смысле, что в процессе воспитания подрастающего поколения вообще надо избегать приобщения детей к определенным моральным и социальным ценностям. Что-то такое, по мнению Франкла, происходит в современной Америке: "Массовый панический страх того, что смысл и цель могут быть нам навязаны, вылился в идиосинкразию по отношению к идеалам и

ценностям. Таким образом, ребенок оказался выплеснутым вместе с водой, и идеалы и ценности были в целом изгнаны". Для разнообразия процитирую вместо очередного глубинного психолога вершинного психолога - Джона Гленна: "Идеалы - это основа выживания".

Психолог: Казалось бы, все уже сказано и дальше надо только обсуждать "качество цели" (крупная, мелкая, красивая, масштабная, злая, благородная, "достойная человека", низкая etc.). Но это только кажется. Ведь поставить перед собой цель - значит сделать первый шаг к ее исполнению. Целеполагание ужасно энергетическое занятие. Если есть цель, то даже на неосознаваемом уровне идет работа по ее достижению - Максвелл Мальц назвал это "психокибернетика". Активизируются не только "маленькие серенькие клеточки", но и включается аппарат волеизъявления. Ибо, как говорил Лев Семенович Выготский, "слабость воли - это слабость цели". Другими словами, полагая перед собой цель - даже не обсуждая ее качества, - мы можем сказать, что человек производит над собой, своей психической жизнью некое действие. Причем действие это может носить различную силовую характеристику - от пробуждения легкой интенции к всепоглощающей страсти, "невозможности жить" без чего-то там...

Социолог: Прекрасно. Значит, если у нынешних молодых появляется установка на жизненный успех, то она как бы самим этим фактом наличия цели ("успех!") получает действенное подкрепление на психологическом уровне. Замечательно, получается, что тот, кто выбрал успех, уже обречен на его достижение. Опять же к месту старая песенка "...кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!"

Психолог: Буквально по тексту! Кстати, вернемся к книге Энтони Роббинса, которую ты упоминал, когда изображал безразличие к лаврам наших "Таратут". Я, представь себе, тоже ее читал. Помнится, он в самом начале приводит впечатляющий пример.

В Йельском университете спросили выпускников 1953 года, есть ли у них ясные, написанные на бумаге жизненные цели с планом их достижения. Оказалось, что такие написанные цели есть только у 3% выпускников. Через 20 лет, в 1973 году этих людей опросили вновь. Оказалось, что в финансовом отношении эти 3% стоили остальных 97% вместе взятых. Но не только в финансовом отношении. Они в целом оказались веселее, оптимистичнее, значительно больше получали удовольствия от своей жизни.

Отсюда вывод: способность людей использовать свои ресурсы напрямую связана с их целями. Дальше уже идут подробности: тренинг способности к целеполаганию, кстати, похожий на другую известную мировую школу датской компании "Time Manager International".

Социолог: Стало быть, все складывается как нельзя лучше: молодежь выбирает успех, чуть ли не обречена на него, да еще имеет мощную подпитку в виде американской технологической школы успеха - "не умеешь - научим!" Следовательно, скоро мы заживем в окружении счастливых, красивых людей, в лепоте и благодати. И все эти мрачные кассандризм с апокалипсическим уклоном - не более, чем местная любовь к дурному душевному настроению от времени года и погоды, по поводу и без повода...

Психолог: Я бы тебе не советовал так размашисто раскатывать губу. Жизнь - штука коварная и преподносит кучу сюрпризов там, где впору, казалось бы, двигаться на автопилоте. Ты, конечно, слышал про "навязчивые идеи" и знаешь, что - скажем так нежно - "слишком сильная жажда" достижения цели может обернуться паранойей.

Социолог: Я слышал поговорку, что "бодливой корове Бог рогов не дает".

Психолог: И она как нельзя к месту. Ведь заикленность на любой идее, в том числе и достижении успеха, легко дает "парадоксальный эффект" и может привести человека к жизненному краху, к болезни. Ты, естественно, не мог не обратить внимание на то, что обычно много дается тем, кому это "дается" легко.

Социолог: Разумеется, всем нам дана разная мера таланта.

Психолог: Я не думаю, что дело в таланте или только в таланте.

Социолог: А в чем же?

Психолог: Да в том же целеполагании. В мотивации поступков. В культурном контексте. Я не стану углубляться в тонкости психологии, а обращу внимание на феноменальную сторону дела. По данным федерального Министерства образования, сотни тысяч подростков (до полумиллиона в год!) уходят из старших классов школы, а точнее, не идут в эти старшие классы школы, предпочитая полному среднему образованию "школу жизни". Чаще всего они пополняют многомиллионную армию палаточников и других мелких торговцев. Конечно, денег они зарабатывают прилично, и какую-то "сермягу" жизни они понимают, но разве это можно сравнить с возможностью культурно-образовательного роста в условиях учебы?!

Социолог: Поскольку, коллега, ты нарушаешь "конвенцию" и забираешься в область социологии, я отомщу тебе тем же. Недавно мне попался в руки ваш журнал "Вопросы психологии". В одной статье автор по фамилии Эльконин показывает, как разошлись в современном детстве, с одной стороны, образовательные системы, а с другой - системы взросления. Ты с этим согласен?

Психолог: Да. Это Борис Эльконин показал, что представление о, казалось бы, едином процессе освоения культуры и взросления, где взросление выступало как освоение культуры, оказалось несостоятельным перед лицом современных событий истории. Кстати, он считает этот момент показателем общего кризиса детства в нашу эпоху.

Но если иметь в виду то главное, что изменилось в школе за последние годы, то это именно цели и мотивация учения. Если традиционная советская школа, скажем, шестидесятых/семидесятых годов откровенно готовила выпускников для поступления в вуз, и своеобразная иерархическая лестничка - школа-вуз-аспирантура - символизировала логику социально одобряемого пути жизненного продвижения индивида, то сегодня цели большей части школьников лежат вне задачи получить хорошее образование. Сегодня в родительско-педагогически-ученической среде превалируют ремесленнические настроения - интересуется не предмет занятия, а его оплата, не престижность или интересность дела, а профессиональные навыки, позволяющие побольше получать.

Социолог: Теперь ты скажешь, что это плохо.

Психолог: Скажу: плохо! Если мы по-доброму относимся к молодежи и ее будущему, то нас должны интересовать не только ее целеустремленность, энергичность, "достижительность", но и культурный контекст, мотивация устремлений и поступков. Чем жиже культурный компот, в котором плавают, подобно резвому купальщику, рвущаяся к успеху душа, тем примитивнее ее цели.

Социолог: С этим я не спорю. Ты замечаешь мальчишек чуть за двадцать, которые по воскресеньям приходят играть в футбол на нашей поляне, после того, как мы, толстопузые, отпыхтим и отпихаемся. Точнее, не приходят, а приезжают на иномарках, каждая из которых стоит больше, чем ты и я вместе заработали за всю жизнь. Понятно, чем эти ребята занимаются. Посмотри по Москве, сколько этих ребят. Тут и откровенные бандиты, рэкет, посадская жлоба. А некоторые - почисте - действительно что-то крутят и сами крутятся. А вышколенный персонал в центральных магазинах, в дорогом сервисе. А красавчики в банках и на фирмах. Качество того, что они носят, чем питаются. Все это "на уровне". Но что за этим?

Психолог: А за этим часто плохое: пьянки и обжираловки, беспорядочная половая жизнь, прожигание жизни по различным вертепам, тусовкам, круизам, островам. И хоть мы с тобою знаем, что "красиво жить не запретишь", мне жалко эту публику. Мне жаль мальчишек в иномарках. Слишком мало им дано жить. И еще меньше понять.

Социолог: Значит, все наши социологические данные о настроениях молодежи - липа.

Психолог: Отнюдь. Я думаю, вы знаете свое дело и честно его делаете. Я говорю только: здесь сложнее. Особенно же меня смущает перенакаченность молодежи разностанционными целедостижимостями. Это опасная форма психологической токсикомании. Это сладкое слово - успех. Меня гипермотивация смущает - любой ценой. Причем последнее плохо не только потому, что цена эта - чьи-то чужие страдания, муки или сама жизнь. Плохо, когда на весы успеха кладется и жизнь собственная.

Социолог: Помнишь у Булгакова в "Мастере": "Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может и умно, но больно непонятно. Над вами потешатся будут".

Психолог: А я рискну повторить: слишком чего-то хотеть, сгорать от мук вождения - не интеллигентно и не гигиенично одновременно. Чтобы стать счастливым, счастье нужно выманить, а не завоевать, схватить, добиться.

Социолог: Здесь опять к месту цитата из песни моего любимого Бориса Гребенщикова: "Так что хватит запрягать, хватит гнаться за судьбою...".

Психолог: Стремление к успеху во что бы то ни стало, не уравновешенное нравственными ориентирами, губительно для личности. И на вершину успеха вылезает не счастливый победитель, а опустошенный человек. Помнится, в былые годы наша публика любила ходить на кинофильмы из западной жизни и, любуясь интерьерами и вообще "качеством жизни", ворчала: "С жиру бесятся", - это про страдания бергмановских или годаровских героев. Оно, конечно, по-разному пьется, кушается и любитя - в Камышине и в Санта-Барбаре. Но почему же надо проходить мимо очевидного умозаключения: сами по себе достаток и успех - не гарантия от душевных мук, опустошенности, одиночества, человеческого краха.

Социолог: Получается, что там, где с социологической точки зрения видится явный прорыв молодого поколения к овладению новой ментальностью...

Психолог: ...с позиции психологии видятся глубокие противоречия этой многообещающей интенции. И поэтому в конце я верну читателя к избранному заголовку: достижение достижению рознь, бывает и Пиррова победа. И так случается, что победитель не получает ничего.

Настя (сонная, на кухне босиком, час ночи): "Родители, хватит ссориться! Все равно - как я сказала, так и будет!"

Л. А. Аннинский

УСТАТЬ ОТ РОССИИ

*(Заметки на полях дискуссии о XXI веке
в журнале "Московский клуб")*

Несколько слов о том, чего это я "прицепился" к моим коллегам из "Московского клуба".

Впрочем, сначала несколько слов о самом "Клубе". Этот журнал и впрямь учредился три года назад скорее как клуб: этакий, английского типа, микропарламент, где каждый завсегда и приглашенный могут говорить все, что считают нужным, и корректные джентльмены не позволят себе никого прервать. Вид у журнала - тоже строго джентльменский. Непроницаемого черного цвета обложка. Серебряным по черному - лаконично - "Московский клуб. Журнал московской интеллигенции". Ни слова больше: кому надо - поймет.

Увидев первый номер, один мой приятель сказал: "Классический образец элитарной тусовки". Оба слова: и "элита", и "тусовка" - глубоко чужды мне, но я прикусил язык, т.к. среди пятнадцати учредителей был сам.

Перечислю еще кое-кого из этих пятнадцати: А.Адамович, Я.Жуховицкий, Ю.Карякин, Я.Радзиховский, В.Селюнин, А.Стреляный. Ю.Черниченко... Лево-радикальный окрас ясен. Я себя к радикалам не отношу, однако оказался среди них - исключительно по причине личных привязанностей, а раз так - надо действовать.

По традиции, без которой не существует ни один уважаемый клуб, его постоянные члены ведут заседания по очереди, в данном случае - собирают очередной номер журнала, определяя его тему. Когда очередь дошла до меня, я предложил вопрос: "Что ждет Россию в наступающем столетии?". Лучшие умы откликнулись, - как из числа учредителей, так и круга приглашенных. Я, как председатель, решил воздержаться от подведения итогов обсуждения и сделал что-то вроде "заметок на полях", избрав для взаимодействия милых моему сердцу коллег-критиков Андрея Нуйкина, Наталью Иванову и Дмитрия Быкова и отнесясь к ним с дружеской прямотой, не исключавшей и дружеской подначки.

Однако редактор журнала Геннадий Ариевич резонно заметил, что в моих заметочках есть, так сказать, элемент регламентного неудобства: позвать людей и цепляться к ним по ходу разговора - это не по-джентльменски. Я согласился и заметочки свои из номера изъясил.

Такова история их появления, а вот - они сами.

1. "Мертвая точка"

"Дороги и тропы уходят вперед целым веером, но, боюсь, лишь одна способна привести в цивилизованное, демократическое, благополучное будущее, а все остальные, как сговорившись, заводят в вонючую трясины фашизма" (А.Нуйкин).

Они, может, и "сговорились", но трясины имеют столько запахов, вариантов прохода и запасов влаги, что понятие "все остальные" звучит довольно отвлеченно. Был фашизм итальянский (строго говоря, это и был "чистый" фашизм). Немецкий нацизм сильно отличался от него по идеям и идеалам, да и по методам. И испанский франкизм, уклонившийся от мировой войны, не так прост. Греческие полковники, латиноамериканские генералы, югославские коммунисты (тоже ведь заклеянные в свое время как "фашиствующая клика") - все разные. Придумали даже термин "фашизоиды", чтобы вместить весь "веер". Русские большевики теперь уже тоже - "фашисты". Начнешь искать общий знаменатель - найдешь одну объединяющую черту: готовность к насилию.

В этом сплошном спектре насилия - одна тонюсенькая линия (тропка среди трясины), называемая: демократия.

Но, как показывает опыт нынешней власти в России, от насилия не удерживается и демократия.

Получается, что на чем ни остановись, мы, извините за выражение, в дерьме. И тогда, как говаривали в застойные годы, принципиальное значение приобретают его оттенки.

"И эстонский партийный бонза выполнял эту интернациональную функцию (списывания подлостей власти на русский народ - Л. А.) в полном согласии с украинским или узбекским. Русский народ они (коллективно) угнетали ничуть не меньше, чем русская квота захребетников из политбюро - их народы" (А.Нуйкин).

Все правильно: эстонский бонза и узбекский бонза, сговорившись с русским бонзой и еще с множеством бонз, сидят на шее советского народа, в которой переплелись шеи эстонских, узбекских, русских и прочих трудящихся. Переталкивание вины с одной шеи на другую, и, в частности,

ссылки на "русский гнет", нас не обманут. У нас базисное образование - марксистское.

Откуда же взялось столько захребетников? И почему хребты так услужливо подставлены? Что, бонзы выведены в каком-то особом заповеднике?

Нет, из нас же и набраны, вернее, допущены, потому что напор снизу (подпор) всегда шел мощнейший, и селекция сверху (подбор) была в руках тех же самых низовых выдвиженцев, которые только что сами прорвались к пирогу.

Пирог, между прочим, общий - едят, делят, делятся. "А сбоку ходят индивидуумы, а у них мнение обо всем особое".

Правильно. Боюсь, что мы с Нуйкиным - как раз такие индивидуумы. Ходим сбоку, берем то, что дают, и думаем то, что хотим. Это единственное наше счастье и есть: думать то, что думается.

Или к пирогу не терпится? Резать куски, делить? Обещаете "сочетать предельную терпеливость в одних вопросах с твердостью и жесткостью - в других"? И вопросы не перепутаете?

"Да нет же, говорят, не перепутаем". И как пример - вопрос, где все ясно: три четверти чиновников в Татарстане теперь набираются из представителей титульной нации, а татар в Татарстане - меньше половины. Не пора ли проявить "твердость и жесткость"?

А вот в этом вопросе - я предпочел бы гибкость и мягкость, вот если начинают стрелять - тогда твердость. А дележ чиновных мест - это дело функциональное. Во-первых, они вам про титульную нацию так в оба уха накричат, что не будете знать, где титул, а где выходные данные. Титул вообще - дело бесконечно спорное, временное и условное, у всех там права непременно исторические, титулование же территорий меняется, как известно из истории, совершенно беззастенчиво.

Так вернемся к разделу чиновных мест. От чиновника требуется одно: честность и четкость в управлении. Кем он будет считать себя: татарин, русским, башкиром или эфиопом - его личное дело. Вы думаете, что находясь в Татарии - в центре Российской Федерации, чиновник перестанет употреблять русский язык? Не перестанет. А может, вы боитесь что русская культура отступит перед татарской?

Это, между прочим, самый интересный вопрос. Мой ответ на него: "Пусть отступит. Не висните у культуры на руках, не мешайте (то есть не "помогайте" ей). Культура - вещь самонастраивающаяся. Русская культура стала великой именно потому, что ее строили дети разных народов. Татарский чиновник, сидящий в Казани, он что, лишит своих детей Тургенева? Без Карамзина обойдется, без Булгакова, без Ахматовой? Без Ахмадулиной, без Сейфуллиной, без Кашафутдинова?"

Можете считать, что я коварно подобрал имена.

"Демократы собственными руками отдают козырные карты своим главным противникам: агрессивным националистам, государственнымникам фашистского разлива, которые, конечно же, не преминут воспользоваться подобной ленью и глупостью, ибо народ с его звериным чутьем смертельной опасности вынужден будет поддерживать их (за неимением альтернатив) перед лицом угрозы распада России" (А.Нуйкин).

Отдаете карты? Значит, карты у вас и у них - из одной колоды? И правила одни? И разница лишь в том, что "демократы" ленивы и глупы, а "государственники" умны и агрессивны? А если выиграете, что будете делать?

Так ведь отвечено: "То же самое: где надо - "терпеливость", где надо - "твердость и жесткость".

Но, если то же самое, тогда, простите, я предпочту сильных и умных. Как они будут называться - "демократы" или еще как-то - уже не очень важно. Называться, я думаю, они все будут непременно "демократами". Ну, а если у кого "мертвая точка" - тот отвалит. В "индивидуумы".

2. Второе дыхание

"Может быть, я ошибаюсь, но мне представляется, что у нас была возможность влиять на общественное сознание, - и мы сами от него освободились, предпочтя быстренько поделиться на "фекалистов", "вампиристов", "поствампиристов" и "интеллектуалистов". Мы умыли руки" (Н.Иванова).

Ошибаетесь, Наталья Борисовна, но не в том, что у нас была возможность, а мы ее упустили. Мы ее использовали сполна. Чего хотели, получили: выговорились. Результат: "фекалисты", "вампиристы"... Честно сказать, я не очень-то соображаю, кто это такие. "Фекалисты" - это, наверное, когда, по Сорокину, соцреалисты прихватывают немного дерьмеца? А "вампиристы" - это когда они уверяют, будто прихлебывают крови? Кроме чисто лингвистических удовольствий, не вижу во всем этом смысла. "Интеллектуалисты" - еще как-то понятно, но если это в таком же духе, как "поствампиристы", то почему надо придавать и тем, и этим такое значение? Литературные мнимости, по Белинскому, должны умирать естественной смертью, а не от ударов критики.

"Шаламов умер, и постоять за его непричастность к ерофеевской тусовке некому" (Н.Иванова).

А зачем стоять? Шаламов издан, прочитан, пережит, усвоен. Что ему "ерофеевская тусовка"? Это тусовке надо, чтобы за нее стояли и ею занимались.

Кстати, насчет Ерофеева. Его роман, наделавший шуму на Западе (и для этого шума написанный), мне не нужен - именно по причине цели, ради которой написан (средства тоже соответствуют цели). Но мне не нравится, когда Ерофеева "исчерпывают" на таком уровне. Это философский писатель, с широким кругозором и неожиданным видением объективной реальности, данной нам в ощущениях. Его место в современной литературной ситуации неоспоримо. Плюс еще и то, что он мужественно несет несчастное совпадение своей фамилии с причисленным к классикам "Веничкой", что говорит о нем (о Викторе), во-первых, как о человеке с характером и, во-вторых, как о человеке, уверенном в своей литературной задаче. Это вызывает у меня уважение. "Похороны соцреализма", устроенные Ерофеевым, опять-таки на западный манер, не более чем очередная тусовка. Вспоминать там не о чем: схоронили, поплясали, разбежались.

Шевельнется реальность - никто и не вспомнит, как они там тусовались.

Но реальность может шевельнуться в любом конце нашего литературного паноптикума, в том числе и там, где, кажется, одни чучела и полутрупы.

Между нами, Ивановыми, говоря, я бы на чучела энергии не тратил - приберег бы на будущее. Будущее светло и прекрасно: будет боль, будут неразрешимости, интеллигенты без дела не останутся.

"Интеллигенты предпочли заниматься своими профессиональными обязанностями, вообще отойдя в сторону от политики, с чувством глубокого омерзения оставив площадку.

Очень хорошо. Но бывают ситуации, когда нельзя, невозможно плести кружево... Ведь настигнет!.." (Н.Иванова).

Ну, если "настигнет", - так чего суетиться? "На войне не ищут своего места, на войне ждут своего часа". Нечего лезть в "большую политику", а потом "отходить с омерзением". Мерзят - не лезь. "Но бывают ситуации..."

Бывают. Жизнь состоит из ситуаций. Шестьдесят лет только и слышу: "это есть наш последний"; "или успеем, или нас сомнут"; "враг мобилизуется"; "судьбоносные решения"... Слушаешь, слушаешь, да, в конце концов, и скажешь: "Провалитесь вы все с вашими ситуациями!"

А кто так хорошо различает: когда нам плести кружева, а когда выдвигаться на "площадку"... или, по Галичу, "выйти на площадь" либо отвалить в эмиграцию, или, по Нуйкину, быть

терпеливыми либо жесткими, - тем, кто это знает, от души желаю второго дыхания.

"Площадку" только не раздолбите. Она у нас одна.

3. Усталость артиста, сыгравшего блестящий этюд

"Россия не только не глядит в себя, но и принципиально не желает сформулировать, наконец, в чем заключается ее национальное лицо. Между тем большинство наций из кожи вон лезут, чтобы попасть в анекдот, в путеводитель, в легенду, - то есть как-то обозначить свои основные черты. Англичане обожают выставлять себя приверженцами консервативных традиций и крепкого чая..." (Д.Быков).

Англичане еще обожают выставлять себя строителями мирового порядка, то есть дигностами "общего здоровья", - ухитрились же выстроить империю на морях.

Французы, конечно, любят луковый суп, этого у них не отнять, но не отнять и памяти о великой Франции, а величие она обрела в XVII веке, когда давала стиль и тон всей тогдашней Европе, а по сути, - всему различимому тогда миру.

Немцы, конечно, мистики и филистеры. А еще немцы говорят, что они - мост, соединяющий Запад Европы с ее Востоком.

Вдуматься, так каждый народ ощущает себя мостом меж берегами, центром меж краями - "Серединной империей". Вон испанцы и португальцы - на самом краешке континента живут, а тоже мост: с Латинской Америкой.

"Всечеловечество" дремлет или бодрствует в душе всякого народа. Хотя не всякий народ имеет простодушие кричать о своей "всечеловечности" на весь свет. Так кричать - своего рода самопожертвование. Потому что "всечеловечность", по определению, безмерна, бесконечна, неисчерпаема и, значит, расплывчата и беспредметна. Услышат и обязательно спросят: "Да кто же ты, наконец?!"

"Сегодня большая часть просвещенных государств сделала-таки окончательный выбор в пользу неприкосновенности личной свободы" (Д.Быков).

Что значит: *окончательный* выбор? История, что ли, кончается? Сегодня личная свобода неприкосновенна, а завтра ты сам ее, постылую, отдашь ради любви. Можно, разумеется, написать перечень: Бог, свобода, любовь, личность, но ничего окончательного нет ни в Боге, ни в свободе, ни в любви, ни в личности; это все как раз понятия, *отворяющие* душу в бесконечность.

"Россия определяться не намерена"? Ну, допустим, определится. И что, долго так сидеть в "пределах"? Это что, интересно - сидеть в "пределах"?

"Я от всей души надеюсь, что возрождение русской культуры в XXI веке будет сопряжено с возрождением помещичьего быта. Для себя я не мечтаю ни о чем другом. Крепостные мне не нужны.

Говоря серьезно, я устал от России" (Д.Быков).

Устал? Ну, отдохни. А впрочем... Я понимаю, что отдыхать в фамильном поместье - большое удовольствие, но как все это устроить без крепостных? Кто накормит? И за поместьем следить надо. А то ведь растащат - те, которые не устали.

POST SCRIPTUM

Слышу возглас потенциального (молодого) читателя: а при чем тут XXI век и его этика? Собрались старики и шамкают про свои старые болячки: "фашизм", "социалистический фекализм", "титульные бонзы". Вчерашний день! Позавчерашний! Быков - даже про помещиков вспомнил. Он что, Стругацких не читал? Он уверен, что без крепостных никакое бытовое благополучие невозможно? *Новый* век диктует *новую* этику, а эти, допотопные, - что смогут *нового* сказать?

Отвечаю потенциальному оппоненту: новое и старое обладают счастливой особенностью перетекать одно в другое и даже, как Гамлет и Лаэрт, обмениваться оружием.

Нуйкин боится "фашизма"? Но в XXI веке фашизм будет называться как-то иначе. Мы и придумаем, как. Иванова боится, что интеллигенцию вышвырнут из исторического процесса? Да, вышвырнут. А потом позовут обратно, но - под другим именем. "То, что меня породило, создаст второго меня". Быков звереет от площадной тусовки и хочет обратно "в поместье"? Но если в XXI веке будут поместья, то к ним будут дороги. И по этим дорогам приедут по его, Быкова, душу всякие, любящие его, соратники. И поволокут совершать очередные подвиги.

Так что же, ничего не изменится в XXI веке?

Ну, как "ничего": формы изменятся, слова изменятся.

А ценности? И ценности еще как изменятся! Глядишь, фекалии будут называться конфетками, а конфетки будут сделаны из фекалий. Однако то, что *порождает* ценности, вечно, как сама земля, из навоза которой растет и производится все, включая такие конфетки, как этика. Конечно, "система применения" вечных принципов (столь же вечных, как вечен навоз в составе человека) будет обновлена, так она вообще обновляется каждое поколение. Вчера мы были "коммунисты",

сегодня мы "демократы" и т.д. Такая перекраска, вообще говоря, дело очень увлекательное.

Но я о грунте, на который ложится всякая новая краска, всякая мимикрия. Этот грунт - человеческая природа; она создается не веками и даже не тысячелетиями, а биологически - на протяжении миллионов лет. Из этой почвы, вернее, из этой подпочвы сквозь мостки культуры и пленку цивилизации все время рвутся языки пламени, взрывы насилия, вспышки неуправляемой глупости и самоубийственной агрессии.

Вот это и есть тот вечный фон, тот фундамент, на котором люди XXI века будут строить здание своей *новой* этики. Не "демократия" с культом "успеха", не "соборность" с "совестью", не "интеграция" или какая-нибудь "информатика" в качестве главной идеи, - а смертельная борьба человечества за выживание в этом космосе, и борьба народов за выживание в этом человечестве, и борьба индивидуальности за выживание в этом народе. А уж по этому огненному фону - всякая очередная этика.

Хотя, конечно, заниматься придется - именно этикой и надстройками вроде какого-нибудь коммунизма-фашизма или противостоящей ему интеллигентской программы, вынашиваемой в каких-нибудь притаившихся поместьях.

Всякое новое поколение думает, что оно найдет новую этику. Найдет. В том смысле, что найдет формы самогипноза, чтобы спасти вечное в изменившейся реальности.

Они думают, что опыт стариков вздорен, а потом удивляются: зачем *их* опыт тоже осмеивается следующим поколением.

Считается, что допотопные старики - какие-то другие люди, чем мы.

Такие же. Так же пытались спасти вечное в доставшихся условиях. То есть среди "титульных бонз", на пепле разграбленных усадеб. И поскольку все это повторяется с умопомрачительным подобием, людям XXI века надо будет набраться сил и терпения.

А если "мы устали", - нам ничто не поможет.

С. Л. Соловейчик
ЭТИКА ЗАБОТЫ

В американской педагогике бум: ученые исследуют новое для них значение заботы.

Американцы полагают, что они нашли альтернативу индивидуализму. Но это открытие советский ученый Игорь Петрович Иванов сделал двадцать лет назад.

Заботливое сообщество

В американской педагогике - происшествие! Ему посвящен недавний номер журнала "Фай Дельта Кэппен" - почти весь. Говорят даже о революции в педагогической системе. Революция эта заключается в одном слове - "забота".

Американцы, наконец, поняли педагогическое значение этого слова и считают, что оно заставляет измениться индивидуального воспитателя, а культура заботы охватывает все детское сообщество. Педагог Джойс Эпштейн пишет: "Когда родители, учителя, ученики и все-все видят друг друга как партнеров в воспитании, создается заботливое сообщество, и оно начинает работать". Забота не заменяет обучение, она обеспечивает эффективную культуру учения. Педагог Д.Ноблит и его коллеги установили, что забота - это представление о том, как мы должны обходиться с другими людьми. И поэтому она является сердцем всего нашего обучающего и воспитывающего предприятия. Признаем мы это или нет, но присутствие или отсутствие заботы определяет все отношения в школе: чему, как и кого мы учим, почему и как мы объединяем учеников в группы и организуем их день; кого мы нанимаем на работу в школу и как подготавливаем их; кого и как мы награждаем, и мириады других вещей.

Душа хорошей школы

Состоялась большая конференция на тему "Дети и забота". Философ Уильям Салливан рассказал о своем исследовании, о том напряжении, которое возникает между западным индивидуализмом и заботливым сообществом. Он говорил, что современные технологии развивают индивидуальную свободу, но цена этой свободы - отчуждение, потеря смысла жизни. Если же мы примем первенство заботы, то сможем уйти от простодушных мечтаний о радикальной свободе к представлению о жизни более человеческой и более зрелой.

Концепция заботы высоко оценивается в обыденной жизни, но в педагогических и социологических исследованиях идея заботы не изучалась, пишет американский журнал для учи-

телей. Первые попытки были предприняты пять лет назад. Лилли Эндомент запустила исследовательскую программу "Детство и забота" в Чикагском университете. Автор получила небольшие гранты, и работа началась. Очень скоро выяснилось, что забота - концептуальное основание педагогических исследований. При изучении лучших школ обнаружилось, что в них и ученики, и учителя, и администраторы обладают чувством заботы.

Общее понятие

Но что такое забота? Для академического уха слово кажется неопределенным, не имеющим точных границ, и потому оно не годится для исследований, не говоря уже о формировании школьной политики или практики управления. К чему исследования? Ведь все люди понимают заботу как необходимую составляющую каждой личности, семьи и общества. Забота не связана с какой-нибудь одной религией или политической идеологией.

Исследователи установили, что забота - зонтичный концепт, который покрывает такие разные явления, как эмпатия, альтруизм, просоциальное поведение. И что самое важное - забота включает в себя социальное действие, устанавливает отношения между одним человеком и другим, причем они держатся не на экономических моделях обмена, выстроенных на рациональных вычислениях собственного интереса. Этот взаимообмен заботы основан на социальных отношениях и этических ожиданиях более общего свойства. Само существование заботы показывает, что есть фундаментальные связи между индивидуумами, так же как и между индивидуумом и формальными и неформальными институтами общества.

Забота отвечает базовым психологическим потребностям, включая нужду в независимости и привязанности, в принадлежности и членстве, нужду в безопасности и поддержке. В более широком смысле забота представляет собой альтернативную модель общества и поведения, которая базируется на крайнем индивидуализме. Взгляд на мир, основанный на заботе, - это взгляд на личность в контексте социальных отношений. Права человека и коллективные права и приоритеты наконец-то связываются, интегрируются.

В безопасном мире

В таких практических областях, как обслуживание, медицина и воспитание, идея заботы создает отношения между одной стороной и другой, основанные на *этике заботы*, - на уважительных серьезных отношениях, которые являются и средством, и целью.

Одни исследователи из группы Лилли Эндоумент сосредоточились на очень важной проблеме: как забота взрослых влияет на позитивное развитие ребенка и молодого человека, как она может защитить его от негативных влияний. Другие - исследовали программу, которая предлагает ребятам возможность заботиться о людях. Изучалось также влияние таких программ на самооценку детей, чувство надежды.

Разумеется, исследовалась забота в семье. Выяснилось, что уже семимесячный младенец чувствует разницу между безопасным миром и миром, который хаотичен или чем-то угрожает. Было доказано, что если родители вовлечены в работу волонтеров, то и подростки тоже вступят в волонтерские группы поддержки людей.

Не средство, а цель

Но самые интересные исследования касаются школ. Школа определяется как первичная арена в воспитании и развитии чувства заботы. Ученые Джорж Ноблит и Дуайт Роджерс показали, что желание использовать заботу для достижения академических успехов не приводит к ожидаемому результату, что забота - не программа или вид деятельности, это скорее ценность, на которой основаны отношения, тот род отношений, который хорошие учителя культивируют годами.

Поскольку забота - ценность, а не средство, пишут Ноблит и Роджерс, ее нельзя использовать как орудие для достижения определенных целей. Забота, предполагают они, должна быть понята как контекст, который создает возможности. А ведь, в конце концов, возможности - это то, для чего существует все образование. Вот почему ученые рассматривают заботу как истинное педагогическое явление.

Конечно, сейчас же обнаружилось, что забота уже есть в американской культуре, что есть очень много детских и юношеских программ в каждом сообществе. Но, как заметили ученые Мишель Кейхилл и Карен Питман, эти программы составляют самый большой американский секрет, и потому на них никто не обращает внимания и не поддерживает материально. Между тем именно заботе надо обучать, - это путь приближения к себе, к группе, к сообществу и ко всему обществу.

Чувства и действия

Энергичные американские исследователи предлагают полную реорганизацию всей школьной программы, с тем чтобы весь материал так или иначе касался основы человеческого существования - заботы. Заботы о себе, о близких, о незнакомых, заботы обо всех людях, о природе, о всех живых существах и о мире, сделанном руками человека, и об идеях. Об этом пишет

профессор Стенфордского университета Нел Ноддингс, автор книги "Вызов заботы в школах": в наше время, когда насилие среди школьников достигло неслыханного уровня, нет нужды обсуждать, почему мы должны более основательно заботиться о наших детях и учить их заботе. Многие люди думают, что наши образовательные проблемы в основном заключаются в низкой успеваемости школьников.

По мнению профессора Н.Ноддингса, мы должны, во-первых, ждать от наших образовательных усилий гораздо больше, чем одних только академических достижений, и, во-вторых, мы даже в этой области не добьемся успехов до тех пор, пока наши дети не увидят, что о них заботятся, и сами не научатся заботиться о других. Профессор подчеркивает, что забота - это просто теплое чувство, которое делает людей добрыми и способными любить. В заботе есть стремление к совершенству. Когда мы заботимся, мы стараемся сделать все, что можем, для тех, о ком заботимся...

Исследования заботы, их размах в американской педагогической науке производят впечатление. Одновременно были осуществлены программы, которые дают возможность школьникам заботиться о других. Дебора Эдвард из детского музея в Остине разработала и провела в жизнь летнюю программу молодых добровольцев в помощь музею. Среди них были ребята двенадцати - восемнадцати лет. Они проводили в музее от 6 до 10 часов ежедневно во время летних каникул. Программа "Magic S" разрабатывалась в балтиморской средней школе для учеников, у которых были проблемы с поведением. В течение трех лет они один день в неделю проводили в доме для престарелых и помогали им. Эта программа, основанная в начале 80-х годов, была использована по всей стране. Исследования показали, что ученики, вовлеченные в эту программу, не так подавлены, как прежде, у них возрастает самоуважение, и они охотней посещают школу.

Джоан Шайн (университет в Нью-Йорке) разработала еще одну программу и нашла обнадеживающий метод, который позволяет определять ее эффективность. Идея программы состоит в том, что младшие подростки заботятся о маленьких детях и старых людях. Как считает Джоан Шайн, в заботе есть три компонента: чувство по отношению к другим, действие по отношению к другим и ответные чувства и действия тех, о ком заботятся.

*А теперь самое интересное.
Открытие, которое состоит в том, что забота является ключевым педагогическим явлением, принадлежит вовсе не американцам, а нашему выдающемуся педагогу Игорю Петровичу Иванову. Еще в начале 60-х годов он представил*

всю деятельность педагогического сообщества как проявление заботы о себе, о близких и далеких друзьях, о старших и младших, о педагогах. Он тщательнейшим, даже несколько педантичным, образом разработал всю систему педагогической заботы, и Фрунзенская коммуна, детище Иванова, и все коммунарское движение держались и держатся на идее заботы.

Однако никто открытие Иванова не оценил, не было ни исследований, ни материальной поддержки, ни простой оценки.

Я писал в "Учительской газете" об этой удивительной находке Иванова, о новом значении старого слова "забота", о том, что в заботе соединяются чувство и дело, что забота всегда добровольна, и что она возвышает человека. Позже, в книге "Педагогика для всех", я сформулировал это так: "В воспитании важна не работа, а забота". Попросту говоря, в воспитании не то важно, что ребенок по просьбе мамы бежит в магазин за хлебом, а то, что он сам заботится насчет хлеба к семейному столу.

Разумеется, моя статья никем не была замечена. Часто цитируются слова Пушкина: "Мы ленивы и нелюбопытны". Но мы еще и не умеем ценить значительное в науках, и в жизни, и в людях.

И вот открытие русского ученого И.П.Иванова приходит к нам из Америки. Теперь будем нудно спорить о приоритетах.

М.С.Жамкочьян
“НАСТОЙЧИВОСТЬ НОГИ”: КОНЕЦ ЭПОХИ
СОЦИАЛИЗАЦИИ

В знаменитых экспериментах Б.Скиннера успех изучался на крысах, бегающих в лабиринте. Когда более или менее стало ясно, от каких факторов он зависит, студентам Скиннера захотелось сравнить поведение крысы с поведением человека. Построили лабиринт с высокими стенками, положили в центр пятидолларовую бумажку (в 30-е годы это были неплохие деньги для добровольцев-испытуемых). У крысы в ее лабиринте лежал кусочек пахучего сыра. Оказалось, что, вопреки ожиданиям, скорость обучаемости человека не намного превосходит крысиную. Различия были статистически незначимы. Но вот из одного лабиринта убрали сыр, а из другого - пятидолларовую бумажку, - и различия не замедлили сказаться. После двух-трех ходок крысы перестали ходить в лабиринт, а человек продолжал и продолжал настойчиво стремиться к... чему? К успеху? По воспоминаниям бывших студентов, добровольцы вечерами тайком проникали в здание и бегали по лабиринту.

Однажды пережитый успех заставляет воспроизводить его снова и снова, даже если он не приносит видимой пользы. Так часто бывает опасен ранний успех, - он закрепляет одну единственную стратегию, которая воспроизводится, хотя меняются обстоятельства, меняется сам человек, и давно забрали пятидолларовую бумажку.

Приведем еще один малоизвестный тест. Среди других разнообразных испытаний на интеллект и мотивацию испытуемому предлагают поднять ногу как можно выше и держать ее как можно дольше. Тест дурацкий, и, конечно, ногу можно опустить, когда захочется, но часть людей из всех сил держат ногу на весу, стараясь добиться успеха. Тест получил условное название "Настойчивость ноги". Подобная настойчивость в простых и бессмысленных задачах характерна для тех, у кого мотивация достижения высока, а средства (интеллектуальные и социальные навыки) - недостаточны.

Это была всего лишь присказка. Сказка будет впереди.

Стратегии успеха

Наметились две основные независимые стратегии успеха - достижение через кооперацию и через конкуренцию (см.: А.Ю.Согомонов. Этика успеха. Выпуск 3, 1994). Следует привести несколько утверждений, которые, по мнению автора, характеризуют постсовременную эпоху: во-первых, исторический период "индивидуалистических" типов успеха в основном

исчерпан, во-вторых, им на смену приходит время "кооперационной" модели успеха (в социально-профессиональном смысле), в-третьих, современной культуре общества свойственен страх успеха, за этим страхом стоит нежелание соревноваться.

Итак, мы фактически имеем одну стратегическую ось успеха: *кооперация - конкуренция*, причем смещение к левому полюсу есть современная тенденция, которая проявляется в корпоративности. Россия, видимо, тоже начала движение в ту же сторону. Любопытно, что достигшие успеха люди, в том числе пишущие об этом на страницах журнала "Этика успеха", с той или иной степенью отчетливости пытаются сказать о существовании внутренних критериев успеха: от ощущения праведности (Д.Гранин. Этика успеха. Выпуск 3, 1994) до "призванности", ощущения "То, что я делаю - это мое" (Э.Памфилова. Этика успеха. Выпуск 3, 1994). Очевидно что, являясь существенной стратегией личного успеха, поиск "своего" не является стратегией индивидуалистической, конкурентной. Что это - реликтовый или традиционный русский путь?

Нельзя не согласиться, что "американская модель" звериного индивидуализма давно уже не является американской, если вообще когда-либо была таковой, но те тенденции, которые отмечаются и исследуются социологами, далеко не всегда совпадают и с "корпоративной" моделью.

Д.Янкелович (D.Yankelovich. New rules: searching for self-fulfillment in a world turned upside down. New York. Random House. 1981) на основании эмпирических исследований открывает смену конкурентно-карьерных ориентаций американцев на стремление к самореализации. Оказалось, что ради интересной, творческой работы, работы по душе, американцы готовы жертвовать материальным благополучием, социальным положением, домом, квартирой и даже семьей (!). Готовы часто менять работу, чтобы найти свое, работу по сердцу, по призванию. Особо следует отметить, что в цену, которую они готовы за это платить, входит незыблемая и высшая ценность самосознания Америки - семья. Готовность жертвовать семьей ради поиска своего призвания, ради социализации, была воспринята в Америке 80-х как сенсация.

Третья группа фактов - из нашей вчерашней истории. В начале перестройки мы создали Российский Открытый университет романтического и идеалистического (он был бесплатным) толка, - чтобы дать всем желающим возможность получить образование по душе у лучших профессоров и специалистов Москвы. В результате мы провели грандиозный, хотя и не очень чистый, эксперимент. Университет был завален десятками тысяч писем. К нам пошли сумасшедшие, обездоленные, инвалиды, заключенные (целыми камерами), а также карьеристы (за московскими дипломами), и все, не получившие

в свое время гуманитарное образование, и все, жаждущие высказаться и быть услышанными. Но чаще всего встречались письма с таким содержанием: "Помогите понять: чего я хочу".

Вот модальное письмо: "Мне 33-45 лет. Я поменял(а) множество работ (или, наоборот, всю жизнь проработал(а) на одном месте, не зная, зачем), но ни одна не принесла удовлетворения. Вдруг я понял(а), что ничего не знаю о себе, не знаю, на что я способен(на). Надеюсь, что вы поможете мне понять себя".

Стало невозможно добиваться успеха или вообразить его, используя старые стратегии. Никакая "настойчивость ноги" не могла спасти. Как нам кажется, кроме стратегической оси "Кооперация - Конкуренция" просматривается еще одна, с условными обозначениями полюсов: "Внутриличностная конгруэнтность - Конформность". Первая стратегия в пределе означает совпадение с самим собой, уподобление самому себе, стремление к внутренней гармонии, тогда как вторая - более известная - есть уподобление другому, в пределе - совпадение со всеми, стремление ощутить себя таким, как все.

Эти две стратегии находят свое выражение в фундаментальных процессах индивидуации - социализации.

Социализация и индивидуация как стратегии успеха

Теперь нам надо ответить на два обязательных вопроса.

1. Не сводится ли предложенная стратегическая ось к предыдущей? Не совпадает ли, например, стремление быть как другие, со стратегией кооперации?

2. Нельзя ли, наоборот, расширить полюса кооперации - конкуренции? От социально-профессионального успеха до социального статуса вообще как результата социализации, и от личного успеха как победы в конкурентной борьбе до успеха личностного - неповторимости, самобытности, непохожести на других? В таком случае ось Социализация - Индивидуация вберет в себя всякое социальное и индивидуальное достижение и окажется просто обобщением предыдущей оси.

Попытаемся показать, что на оба вопроса следует ответить "нет". Действительно, социальные "концы" подозрительно напоминают друг друга. Трудно было бы доказывать существенность их различия, если бы не путаница в понимании индивидуального полюса. Понятие индивидуальности как неповторимости, непохожести на других эксплицитно или имплицитно присутствует во всех рассуждениях об индивидуальном успехе и тем самым задает неизбежное ограничение, ибо не является не только полным, но даже и основным в теории индивидуальности. И не только в теории, но и в языке. Слово "индивидуальность" образовано от латинского "индивид" - неделимый (то же, что на греческом - атом), а вовсе не

"отличный от других". Психосемантическая подсказка говорит скорее о сущностной целостности, о необходимой взаимосвязанности внутренних элементов, как в атоме.

В русском языке со словом индивидуальность ассоциируются слова "своеобразный", "самобытный". Сплошь и рядом их употребляют как синонимы непохожести на других, но семантика и этих привычных слов совершенно иная. "Свой образ" - целостный образ себя, "самобытие" - самим собою быть. Современная теория индивидуальности трактует ее как похожесть на самого себя, а становление ее, успешное развитие - как сближение, скоррелированность разнородных и разноуровневых характеристик, образующих жесткую структуру, что в конце концов приводит к созданию собственного стиля личности. Далеко не всем это удастся, но тоска по внутренней целостности и гармонии, на наш взгляд, действительно явление постсовременной эпохи. Потому что она перестает быть прерогативой элиты, а становится массовым побуждением к поиску и возможному успеху. Начиная с 50-х годов понятия самореализации, конгруэнтности, жизненного пути, введенные А.Маслоу, К.Роджерсом, В.Франклом и другими новыми гуманистами, задают направление массового обучения и самообучения: как состояться, как стать самим собой.

"Самим собою быть или самим собою быть довольным" - альтернатива Пер Гюнта. Непохожесть на других или похожесть на самого себя - это расхождение, как мы видим, совсем не безразлично к проблеме личного успеха. Индивидуальные "концы" стратегических осей не только не сходятся, но часто находятся в реципрокных отношениях: чем больше личных успехов-побед, тем меньше личностная гармония, личностный успех. Но, вообще говоря, возможны и синергические отношения, когда они усиливают друг друга, что позволяет предположить независимость, ортогональность двух стратегических осей.

Если это верно, мы получаем четыре квадранта, образованные данными осями, и соответственно четыре типа смешанных стратегий. Например, кооперативность социализованного типа, как в японских корпорациях-семьях (кстати, судя по исследованиям известного американского психолога Hazel Markus, в Японии не удастся обнаружить классический конформизм), и кооперативность свободных и уникальных личностей (с выравниванием по полу, возрасту и по национальности), которые тем не менее не находятся в остро конкурентных отношениях, потому что стремятся к внутреннему, а не внешнему успеху. Возможно, именно такую кооперативность А.Согомонов считает постсовременной тенденцией.

Другие два типа смешанных стратегий связаны с лично-конкурентным успехом, и их аналоги действительно можно скорее найти в этносоциологии, например, в описанных Маргарет Мид типах социализации на Самоа и в племени манос. В первом

случае успешное выживание обеспечивается идентификацией с обычаями, традициями и нормами сообщества на Самоа и приводит к удивительной похожести членов общества друг на друга. Во втором - идентификация происходит через связь мальчиков с отцами, начиная с самого раннего возраста, и приводит к очень сильной индивидуализации мужчин племени с высокой агрессивностью и конкурентностью. Интересно, что все они очень непохожи друг на друга и внешне.

Страх успеха

Тогда и страх успеха, который А.Согомонову удалось свести к отказу от конкуренции, в рамках его бинарной модели, может вернуть себе право на онтологичность. Он может быть истолкован как страх потери целостности, конгруэнтности и проявляется в эмпирических исследованиях, в фактах нарушения так называемого "градиента цели". При приближении к желанной цели, к успеху движение ускоряется, усиливается мотивация достижения, возрастает интенсивность физиологических процессов, появляется эмоционально окрашенное предвкушение успеха. Феномен страха успеха заключается в замедлении движения к цели, потере мотивации, когда успех очень близок, и в усилении мотивации, когда удаление от цели опять становится велико.

Успех практически невозможен для людей с устойчиво негативной концепцией собственного Я ("Я - плохой"). Каждый действительный успех приводит к нарушению самоидентичности - это не я, - и следует разрушение созданного, отказ от успеха с целью восстановления собственной целостности.

Конец социализации или конец "настойчивости ноги"

Искомой гармонии как личностного успеха можно добиться и путем социализации через слияние с "похожими на меня", и путем индивидуации, которая не есть выделение из массы, а поиск "самости" (self, selbst), по терминологии К.Юнга. В России в далеком и недалеком прошлом путь социализации как путь к успеху не просто преобладал, но был основным для подавляющей массы населения. Это была основная стратегия, и в этом смысле социализация кончилась. Она больше не приносит успеха, не приносит и переживания успеха ("я со всеми").

Социализация "кончилась" не сегодня и даже не вчера. Кульминацией ее как стратегии успеха стали знаменитые 60-е годы. Поразительное по масштабу уподобление единым ценностям, нормам этическим и эстетическим, одновременное зарождение и стремительное распространение коммунарских движений, литературно-политических журналов с огромными тиражами, авторской песни и т.д.

Но одновременно борьба с мешанством, пошлостью, установление на всей территории культурно-нравственной монополии оборачивались апофеозом честной бедности, навязыванием высоких эстетических критериев. По всем критериям - торжество социализации над индивидуацией. Теперь вспомним о ..."настойчивости ноги". Если нет собственного потенциала или он не так высок, как задается общей планкой, есть резон поднять ногу вместе со всеми и держать ее как можно дольше, хотя остальные уже давно ее опустили. И приходят по ночам, и снова бегают в лабиринте, и снова ищут то, чего там давно нет. Хороший пример - рассказ "романтического" политика Э.Памфиловой год назад (Этика успеха. Выпуск 3, 1994г.) и ее отказ от старой стратегии, а может быть, и от самой себя, на декабрьских выборах.

Социализация как высшая стратегия успеха стала отказывать уже в 70-е годы. Настаивание на тотально-обобщенных ценностях, как со стороны творческой интеллигенции, так и со стороны государства, сделало практически невозможным эффективное уподобление себя другим. По отношению к тотальным нормам в диссидентах оказались массы, не потому, что им хотелось их нарушать, а потому, что не нарушать их было невозможно. Мне приходилось писать об этом на материале школьной социализации, где эта тенденция была доведена до абсурда (М.С.Жамкочьян. Чего же мы хотим от школы на самом деле? - Знание-сила, N 4, 1992). В замечательно точном фильме "Полеты во сне и наяву" человек вытолкнут в диссиденты со всех сторон (из семьи, из заведенного порядка, из интеллигентского окружения). Что-то вроде кошмара: просыпаешься утром, все похоже, а ты не похож!

Откат в сторону другого полюса начался тихим замиранием внутри себя, замуравыванием, отказом от поиска смысла в бессмысленном, новым ощущением себя вне интеллигентского контекста, ориентацией не на внешнюю оценку, а на внутренний голос. Это - Венедикт Ерофеев с его "Москва - Петушки", Кира Муратова, начиная с "Долгих проводов", Людмила Петрушевская, это целый мир замураванных в себе людей. Но с них начинался конец социализации, и именно здесь мы находимся в русле движения постсовременной цивилизации - к индивидуации. Тогда как тенденции конкурентности и корпоративности в нашем обществе пока больше похожи на продукты распада, чем развития.

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов

**ВРЕМЯ УСПЕХА:
ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ К ЭТИКЕ XXI ВЕКА**

Тема этого выпуска Вестника представлена глаголом не-совершенного вида: российская молодежь пока не "выбрала", возможно, и не собирается в будущем "выбрать" успех, но лишь "выбирает" его. Тем самым обращая внимание на процессуальность самого акта выбора, на его растянутость, трудный, противоречивый и затяжной характер. Такая констатация вряд ли способна кого-то удивить: ведь переструктурирование всего нашего общества "от погребов до крыши" лишь началось и идет неровно, рывками, с элементами ретардации.

Если все это так и есть, и если придерживаться традиционных воззрений на социальные процессы, то можно смело сказать, что в стране еще нет достаточных условий или суммы благоприятных факторов в самой социальной системе для ускорения свободного выбора в пользу ценности успеха, расширения круга лиц, вовлекаемых в достижительную деятельность. Нет необходимых и достаточных условий вне самих людей, которые, кстати говоря, не образуют социальную систему, как обычно думают, не являются ее частью, а лишь имеют с ней дело, оказываются фактором окружающей среды для социальной системы (это убедительно показал немецкий социолог Николас Луман в книге "Социальные системы: очерк общей теории").

Пространство для достижительной деятельности все еще на расчищено от завалов рутинной, побуждаемой извне, деятельности, и потому достижительные ориентации оказываются невостребованными в полном объеме, а успех остается пока целью только для немногих молодых людей, несет в общем и целом случайный характер по отношению к их деятельности. Молодежь - прибегнем к аллюзии в ленинской лексике - скорее всего только вплотную подошла к освоению достижительных ориентаций и остановилась перед ними. И только малая ее часть смогла пересечь заветную черту, которая отделяет ориентации на успех от вялотекущих, окаменелых установок трудового и служебно-карьерного типа (знаменитая проблема "отсидки" на работе, отбывания повинности и ставки на неторопливую выслугу лет), образуя имобильные слои населения. Поколение как нечто целое еще не завершило своего выбора, который, естественно, в принципе нельзя осуществить соборно, всегенерационно.

Казалось бы, после этих констатаций остается лишь поручить социологии, которая, применяя томографический, послойный подход, смогла бы шаг за шагом выявить степень ориентации тех или иных групп молодежи к достигательным ориентациям. И при том смогла бы произвести замеры уровня освоения ими ценностей этики успеха.

Можно, однако, попытаться испытать сформулированные выше замечания, изменив, обновив сам угол зрения с помощью понятия *рациональности*. В данном контексте оно не уместается в привычные рамки строго научной рациональности как техники овладения предметным миром и его преобразования. Ведь существуют и иные, давно уже освоенные значения данного понятия, которые относятся к свойствам социального действия. Такие действия, как известно, могут быть и рациональными, и иррациональными, спонтанными, архаическими, рационально неотрефлексированными или же просто традиционными. Юрген Хабермас, продвигая далее веберовскую парадигму, выделяет *инструментальную* (социетальную, технологическую) рациональность, распространяющую принципы и правила целерациональности на все сферы жизни, и *коммуникативную* (культурную) рациональность, резко противопоставляя их друг другу. Посмотрим, как такая дихотомия способна "аукнуться" в нашей теме.

Представляется, что большая часть молодежи страны уже давно освоила инструментальную рациональность, целедостижимость, которая задается извне общей продвинутой России по пути модернизации. Речь идет об автономизации сфер человеческой деятельности и соответствующих институтов (десинкретизация) с растущей потребностью в ресурсах друг друга, о развитии общего и специального образования, профессионализации практически всех видов деятельности - от промышленного производства вплоть до спорта, о вертикальной мобильности и дифференциации статусного и должностного плана, многовариантности жизненных парабол, о доминировании городской культуры с ее структурой референтных групп и конкурентной мотивацией. Хотя нельзя и умолчать о том, что многие линии продвинутой все еще страдают от незавершенности, такой, например, как распространенность докомпьютерных технологий, формализация профессионального образования, городская маргинализация, известная придавленность конкурентных установок и т.п.

Мы вольны трактовать такую модернизацию как вполне "нормальную" или же считать ее патологической (так называемая "патримониальная модернизация"), но не вправе отрицать сам ее факт, само наличие ею обусловленной инструментальной рациональности в нашей стране. И в этом смысле молодыми поколениями уже приняты (а не выбраны) достигательные установки. Одни сделали это в большей мере

("герои", советские модели успеха с романтической аурой), тогда как другие - в меньшей степени ("масса"). У нас давно сложились специализированные сектора экономического и политического господства (в двустороннем симбиозе или же порознь) с соответствующими советизированным нормативным обеспечением и социоконтролем, побуждающими к такого рода успеха (советское право, "этатизированный" этос, административные регулятивы, нормы социального торга "верхов" и "низов" и т.п.).

Но коммуникативная рациональность означает нечто совсем другое. За пределами экономического и политического господства простирается бескрайнее поле социокультурной повседневной интеракции, взаимодействия (но не просто работы, не службы) . Это - сфера символического *понимания*, а не высокомерного и всезнающего *объяснения*, без которого нет и не может быть инструментализма. В эту сферу входит и самоинтерпретация, структурированный мир свободы и выбора. Посттрадиционный социум уже не поглощает личность целиком, не растворяет ее в микрокосме общин, но оставляет ее наедине с собой на предмете самоосуществления, как некогда поставил самого себя в подобное положение император и философ Марк Аврелий.

В мире свободы и выбора возможно возникновение рационально мотивированного взаимопонимания, согласия, избавленного от внешнего принуждения со стороны экономических и политических структур, от давления социальных норм и механизмов социоконтроля. Такое согласие лежит в основе формирования "*жизненно-мировых*", как их именует Хабермас. Наверно, в более привычной для нас терминологии можно было бы сказать о формировании культурно-мировоззренческих общностей, когда люди задаются не столько вопросом "что им делать?", сколько "зачем, во имя чего им следует это делать?".

Именно в этом смысле, думается, мы вправе говорить о свободном выборе успеха как лейб-ценности определенной части (только части) молодежи. Она и образует коммуникативную среду "успешных профессионалов", пассионариев (если в данное понятие не вкладывать, на манер Л.Гумилева, этнического смысла) и активистов. Хотя, поспешим заметить, значительная часть таких пассионариев и активистов организуется вовсе не вокруг ценности успеха, а центрируется по каким-то иным векторам активности, где "успешное" измерение обретает разве что метафорическое значение: скажем, когда производят выбор в пользу коммуналистского или феминистского движения, религиозного фундаментализма или неоремесленничества. В сущности, в безразмерных границах контркультурного обновленчества всегда отыщется место для огромной пестроты свободного выбора направлений активизма. И еще одна попутная ремарка. Коммуникативная среда "успеш-

ных профессионалов" и активистов едва ли может быть названа властвующей или же культурной элитой, так как данное понятие, во-первых, не охватывает эту среду целиком, и, во-вторых, оставляет за ее пределами тех, кого лишь с большой натяжкой можно было бы посчитать принадлежащими к элитам.

"Успешные профессионалы" и другие активисты являются "жизненно-мировой" общностью - и в этом суть обсуждаемой сейчас проблемы - не только потому, что будто их "среда заставила" быть таковыми, что система продиктовала не терпящим возражений способом предпочтения в пользу идеологии и этики успеха. Напротив. Они сами создают (нам такое заключение позволяет преодолеть прегрешение объективистского редукционизма) символическую культурную (лингвистическую) среду для рынка и политико-административных институтов, бросая тем самым вызов инертному обществу, способствуя эволюции и рынка, и институтов, освобождая от отчужденного мира господства, от навязываемого нормативного порядка. Они свободно избрали достигательную установку с помощью инноватики в технологиях, организациях, на интеллектуальном и культурном рынке и свою, личными усилиями обретенную, свободу готовы ограничить лишь возникшими в результате исторически продленного дискурса (а он предназначен снять или минимизировать расхождение между членами такой культурной общности) конвенциональными правилами "этики успеха". А не просто "морали успеха", *если ad hoc* согласиться с предложенными Хабермасом разделением этики и морали, когда этика охватывает область личностных максим, а моралью маркируется область общепринятых поведенческих норм. С.С.Аверинцев отыскал удивительно точное выражение - "скромная этика контракта". Она ведь не только "обслуживает" договорные отношения экономического и политического рынка, но и сама, не будучи "спущена кем-то с небес", является итогом своеобразной согласительной договорной работы ее приверженцев.

Впрочем, сколь ни пластична по своей природе сфера коммуникативной рациональности, но в конце концов (на самом деле здесь не может быть никакого предзаданного конца) накапливаемые в ней изменения начинают воздействовать на фактуальное и нормативное господство, в какой-то мере его ог-

* Подробнее о характере согласительной работы см.: Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса (Вопросы философии, 1994, N10).

Возражения когнитивного плана на эту работу см.: Рокмор Т. К критике этики дискурса (Вопросы философии, 1995, N1).

раничивая и внося тем самым существенные поправки в нравы сурового мира инструментальной рациональности.

В предшествующем выпуске нашего журнала нам приходилось говорить о, так сказать, "неестественной" или же рациональной морали, внутри которой вызревают коконы этики успеха. Она дает указания относительно такого жизненного поведения в отчужденной сфере господства и нормативного порядка, которое позволяет занять позицию благожелательной критики всей этой сферы с точки зрения просвещения, культуры, гуманности (мы отдаем себе отчет в расплывчатости этих понятий). И на этой основе продвигаться от односторонности самой рациональной морали к многогранной-с более широким ценностным диапазоном, с большей готовностью вести диалог между либеральными и консервативными ценностями-пострациональной морали. В этой последней, конечно, не преодолевается раз и навсегда напряжение между экономической и политико-административной целерациональностью, с одной стороны, и ценностно-рациональным поведением в мире культуры-с другой. Но в обновляемом этическом пространстве такое напряжение значительно снижается.

В результате коммуникативного понимания падает и напряжение между частными и общими интересами, между стихийностью и управляемостью социальных процессов, между расчетливой производительной "этикой дня" и расточительной экспрессивной "этикой ночи" (как пару десятилетий тому назад выражался американский культуролог Д.Белл). По-новому в пострационализме встает вопрос о сопряжении универсальных правил рациональной морали с эксклюзивными культур-региональными или этнонациональными ценностями. Поскольку, однако, не существуют какие-то правила "уральского", "сибирского" или "татарского" рационализма, постольку названное сопряжение приобретает характер взаимодействия универсальных и уникальных начал в ценностном мире, характер внутрикультурного противоречия, которое не может исчезнуть, но может лишь смягчаться в поле непрерывно длящегося пострационального дискурса.

Однако критику инструментализма не устраивает частичное разрешение вопроса об отчуждении в сфере господства: ведь этика успеха обязывает человека отказаться от эвакуации с рыночной площади, требуя оставаться на ней и добиваться там успеха; не сбегать, но достигать успеха и в зоне политической активности. Но тогда как бы человек ни изворачивался, но в сфере инструментальной рациональности он продолжает быть чем-то подобным вещи, быть предметом использования. Его значение все равно измеряется, главным

образом, стоимостью оказываемых им услуг. А где нет такого меркантильного отношения, тем либо обнаруживается ханжеская маскировка мотивов своекорыстия, либо фиксируется случайность бескорыстного отношения к человеку. Что же касается человека успеха, то он не только других, но и самого себя стремится использовать лишь в качестве средства достижения обесчеловеченных целей (безграничного накопления богатства и концентрации власти как таковых).

Такая романтическая и социал-утопическая критика модернизации уверяет, будто люди, прикрываясь правилами рациональной морали и максимами этики успеха, просто-напросто уклоняются от исполнения предписаний как "естественной", традиционной морали, так и самой рациональной морали. Что же, спрашивается, их отпугивает от исполнения императивности? А то, что моральные предписания предстают перед ними как деспотия социальной жизни над жизнью частной, коей они привержены самым искренним образом. Предстают как стремление принудить человека жертвовать своими реальными потребностями и интересами, запросами и устремлениями - в угоду химерам процветания злополучного "целого", которое утратило прежде зримые очертания (микромирь общин) и, став "большим", к тому же и "открытым", кажется отдельному индивиду чуть ли не трансцендентным, инфернальным началом. Спасти свои физические и духовные силы от неэквивалентного "выкачивания" в пользу названного начала можно только изворотливым уклонением от предписаний морали. Таков тот фон, желчно замечает критика, на котором пышным цветом произрастают ригоризм, практика казенного морализирования, сетований о невыносимости бремени долга, с одной стороны, а с другой - массовое поправление нравственных запретов, правил частной игры в конкурентных отношениях, в борьбе за личный (или корпоративный) успех.

Критика исходит из того, что на рыночной площади и на политико-административной арене рушится вся система требований к поведению человека (и рынок, и политика не случайно клеймятся тавром грязного дела), которая вместо естественного разделения на высший, подвижнический канон и обычный канон, раздваивается на официальную, лишь демонстрируемую, моральность и на неофициальную, зато исподтишка практикуемую "мораль" (двойной моральный стандарт, биморализм). В результате личность погружается в засасывающую топь антиномий, противоречивых позиций, требований и оценок, что не только усложняет моральный выбор, с чем можно было бы и смириться, но и просто дезориентирует поведение, препятствует достижению его последовательности и предсказуемости. И как бы человек успеха ни воспринимал подобную расколотость (как аномалию, дефективность или же как нормальность, обусловленную, скажем, неизгладим-

мыми различиями в видах и сферах деятельности), в этом феномене выражена саморазорванность объективных условий существования человека в макром мире гражданского общества.

Что ж, в этих наблюдениях и выводах, действительно, много верного, того, с чем нельзя не согласиться. Ясно, что не просто жить и действовать в двух ценностных мирах, регулирующих формализованные и неформализованные отношения, публичную и частную сферу жизни, связи общинные, коммуналистские и рыночные, преобладающие в "открытом" обществе. Нам уже приходилось писать об этом подробно, но у нас есть ряд серьезных возражений по поводу романтической критики и доводов в пользу построения новой Лимонии. Сгруппируем их по блокам.

Человека, во-первых, манит вовсе не только результат (это - слабая мотивация на успех), но и само движение по стезе успеха. Совершенно не случайно этика успеха артикулирует не просто правила честной игры, но и, прежде всего, *мировоззренческие* концепты жизненного призвания в их сакральной или секуляризированной форме (проблема служения Делу в профессии, в бизнесе, политике). В рамках призвания снимается или смягчается противоречие между подвижническим и ординарным канонами нравственности, преодолевается моральное двойничество и обеспечивается, если и не полностью, то в значительной мере, последовательность поведения. Нормы и ценности этики успеха вовсе не воспринимаются субъективно человеком призвания, служения Делу в качестве отчуждающей силы. Ведь они возникают в результате добровольной консенсусной деятельности в духе коммуникативной рациональности и обновляются в ходе непрекращающегося дискурса. Именно поэтому, очевидно, нелепо ставить лобовой, без последующей конкретизации, вопрос: что стоит предпочесть молодежи - ориентацию на успех или тягу к нравственному идеалу?

Этика успеха, далее, отнюдь не воплощает только личный интерес и, тем более, своекорыстный интерес, к тому же непременно в пику общественному. Ее пафос заключается в соотносении личностью своих и чужих интересов, постоянно изменчивых, индивидуалистических и солидаристских пристрастий. В этом смысле она включает в свой состав и утилитаристский принцип: оказывается, выгодно (если угодно - рентабельно) следовать предписаниям этики успеха даже тогда, когда ситуативно приходится в чем-то отказываться от выигравшей в одном из нескончаемых туров деловой и политической игры! Вложения в "верность" и в "честность" (что было подмечено еще Б.Франклином), почтение к этическим максимам оборачиваются стратегической устойчивостью деловых и политических связей, укреплением партнерских отношений, ростом доверия в них и т.п.

При этом сама этика успеха является продуктом свободного выбора, и - напомним - в наше время актуальность приобретает вопрос становления пострациональной морали. Такая мораль имеет веские основания претендовать на преодоление расхождений между нормами и ценностями традиционной морали и установлениями морали рациональной, так как не рассматривает одну из них как "подлинную" и, тем более, "высшую", "духовную", а другую - как неаутентичную, "низшую", "профанную". Хотя, признаемся, полностью такое противоречие преодолеть невозможно: нравственная жизнь человека никогда и ни при каких обстоятельствах не станет облегченной (если остается при этом нравственной), хрустально прозрачной, отутюженной и гладкой, гарантированной от сложностей понимания себя и другого, его интересов, от напряжения выбора, в котором возможны как просто ошибки (подчас роковые), так и вынужденное поправление каких-то ценностей (стратегия меньшего зла). В этом плане мы и говорим о *бремени выбора*, о том, что нельзя быть свободным без груза ответственности, не только перед "кем-то", ибо свобода не может быть получена от кого-то в дар, но и "за что-то", что сам возложил на себя. И вообще быть свободным не столько приятно, сколько невыразимо трудно!

И еще одно небольшое уточнение. Об аретологии рынка, его добродетелях. По справедливому мнению одного нашего социопсихолога, на первом месте в числе таких добродетелей стоит готовность к услугам. Не осуждать бы надо услуги и услужливость, а ценить тот факт, что человек как бы омывается океаном услуг, сберегающим его силы и время, спасающим от нервных и психических напряжений и нагрузок, ибо рынок - это прежде всего взаимное производство услуг, пространство межличностных отношений. Норма этики успеха в этой связи требует: "делай то, что делаешь, но как можно лучше! Остальное сделают другие за тебя". Рынок развивает как будто в "бездуховном" человеке способность сопереживать другому, ставить себя на его место (эмпатия). Здесь каждый эгоист оказывает услуги другим эгоистам. При этом предоставление и получение услуг никак не влечет за собой появление чувства унижения.

Во-вторых. Романтической и социал-утопической критике очень не повредили бы некоторый скептицизм или - на крайний случай - хотя бы умеренность. Тенденция к отчуждению, к моральному отчуждению, все-таки - только тенденция. Ей противостоят и иные тенденции (дезалиенация).

Другой разговор, что формирование "открытого" общества протекает одновременно с мучительным, неровным и замутненным процессом превращения "дикого" рынка в рынок цивилизованный и социализированный, что политические

отношения подвергаются гуманизации, и что в этом огромную роль играют предпринимательская и политическая этика.

"Эра Клондайка", как ранний этап развития рыночных отношений, характеризуется сильным влиянием паразитических спекулятивно-грабительских тенденций. Мы своими глазами видим в современной России всю беспардонность погони за наживой, поисков прибыли не столько в продуктивной или даже посреднической сфере, сколько в сфере перераспределительных отношений. Такая экономика развивается сравнительно медленно и ей присущи "жесткая" конкуренция и хищническая эксплуатация наемного труда. Она навязывает значительной части населения аскетический образ жизни, так как слабо зависит от покупательной способности широких слоев населения и почти не зависит от снижения дифференциации в распределении доходов как основы для массового производства и потребления ("рынок нищих"). И уж совсем она не коррелирует с развитием творческого потенциала людей успеха.

Нет ничего удивительного, что в нравственном плане экономика дикого рынка (как и соответствующая политика) обрачивается антигуманным отношением к производителю, что сужает число тех, кто мог бы встать в ряды людей успеха, характеризуется широким применением насилия, плодит пороки во всем их разнообразии. И, разумеется, неотрывна от роста того, что выше определялось в качестве морального отчуждения. Этим как раз и объясняется возникновение и расцвет моралистической критики нравов "дикого" рынка и аморализма политики (в том ее несомненная заслуга), но заодно и нравов макромира гражданского общества в целом (в этом ее ограниченность).

Между тем эта критика, преувеличивая силу и основательность тенденций, ведущих к отчуждению, с трудом была способна разглядеть нарастающие *контртенденции*, которые уменьшали роль различных аспектов отчуждения и способствовали социальной терапии. У критики не хватило духа признать, что отчуждение не связано с какой-то одной формой собственности, с каким-то одним социально-общественным строем, с товарно-денежными отношениями и с либеральными ценностями. Подобное предположение обязывало бы интерпретировать моральный феномен в качестве надстройки над базисом, над первичными детерминирующими отношениями и, соответственно, выводить коммуникативную рациональность из инструментальной, первичной - воззрение, которому концепция "протестантской этики" и этики хозяйственного (и иного) успеха нанесла внушительный удар. Выпестованная в них идея профессионального призвания продемонстрировала множество эффективных способов противостояния отчуждению в сфере трудовых и политических отношений: бесценный опыт для поколений, которые выбирают успех!

Этот опыт свидетельствует и о том, что полностью "снять" отчуждение практически невозможно. Многие авторы справедливо отмечают, что социальные отношения с их инструментальной рациональностью в нормативно-ценностном плане впитывают неповторимые антропологические характеристики, всевозможные страсти. Они могут совпадать, но могут и не совпадать с этими отношениями, - идет ли речь о суперобщностях, больших массах или же даже о малых мирах. Их рождение, расцвет, застой и гибель просто несоизмеримы с жизненными циклами индивидов, которые вынуждены подчинять свои циклы и духовные кризисы внешней необходимости. И даже образуя "жизненно-мировые" общности, они все же вынуждены переживать некоторую (всякий раз различную) степень ограничения их свободы.

"Тайна" подобного унижающего нас подчинения роду, культуре, истории, общностям не может быть, как нам кажется, разгадана исчерпывающим образом. Подчиняющие нас инстанции и впредь будут "править бал", ломать наши судьбы, оборачиваясь тайфунами иррациональных потрясений. А раз так, то моральная регуляция - навязанная или же нами свободно сформированная - всегда будет восприниматься в какой-то степени как отчужденная. Эти средства будут относиться - вопреки иллюзиям Просвещения - к тому, что Н.Бердяев называл "террором социальности" или, по Фрейдю, - к страху перед сверх-Я. Не исчезнет и потребность в терапевтических, антиневротических, анестезирующих средствах, способных как-то заглушить боль, страдание, муку неотвратимого подчинения внешним силам. Приглушающих, но не атрофирующих самую способность ощущать отчуждение, непреодолимость зла, паскалевский ужас перед человеческим существованием. Поэтому молодому поколению, избравшему успех и этику успеха, необходимо знать, что эта этика не бездумно мажорна, а предполагает мужество стоицизма, чтобы не дрогнуть перед терминальными проблемами жизни, чтобы усвоить глубинную и многоплановую метафизику успеха.

В утешение можно сказать, что при постепенном смещении центра тяжести в понимании общественного богатства на информационный, культурный аспекты и на этику пострационализма отчуждение становится все менее возможным, так как такого рода богатство оказывается всеобщим достоянием, общественно-индивидуальной собственностью, и его просто нельзя подвергнуть отчуждению ни от производителя, ни от пользователя. Но в принципе неотчужденный мир - лишь просто другое название Рая.

**Север. Воля. Надежда:
МОЛОДЫЕ УСПЕШНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ
ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА**

*Центр прикладной этики -
Комитет по делам молодежи
администрации Тюменской области*
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?
(Экспертно-консультативный практикум)

Центр прикладной этики и Комитет по делам молодежи администрации Тюменской области заключили договор о сотрудничестве, целью которого является гуманитарная экспертиза и консультирование идеологии и опыта молодежной политики Комитета.

Долговременное сотрудничество предполагает теоретико-прикладное исследование проблемы, вынесенной в заглавие восьмого выпуска Вестника, повторение этого тематизма в ряде последующих выпусков как в режиме "экспертиза экспертизы", так и на основе развития проекта, перевода его на уровень, с одной стороны, междисциплинарного, с другой - межрегионального и международного.

В рамках сотрудничества запланирован цикл экспертно-консультативных практикумов, задачей которых является рефлексия администраторами в сфере молодежной политики собственной деятельности при консультирующей роли рабочей гипотезы, привносимой Центром прикладной этики.

Программа цикла включает "примерку" гипотезы к идеологии и практике КДМ, моделирование вероятных последствий реализации программ КДМ, сценарное проживание возможных решений лидеров этих программ.

Такая задача практикумов обуславливает как методы работы его участников, среди которых элементы мозгового штурма и игрового моделирования, так и специфику оформления результатов, например, самоценность стенограммного оформления хода практикума, когда "неакадемичность" стиля рефлексии представляет для экспертно-консультативного процесса скорее преимущество, чем недостаток.

Материалы первого практикума, проходившего в ноябре 1995 года, представляют собой фрагменты фонограммы и публикуются практически в авторской редакции.

*"...НОВОЕ (?) ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ (?) УСПЕХ (?)".
Вступительное слово. В.И.Бахитановский, научный руководитель Центра прикладной этики.* Прежде всего, обратим внимание на то, что выпуск Вестника "Этика успеха", в котором предполагается опубликовать фрагменты фонограммы нашего практикума, содержит в своем тематическом заголовке не утверждение, а вопрос. Причем, хотя вопросительный знак в том заголовке стоит только в конце предложения, он относится фактически к каждому его слову. Вот это множественное вопрошание и мотивирует наше сотрудничество.

С точки зрения некоторых аналитиков и ЛПР в нашем - постсоветском - обществе нарушен традиционный для нескольких последних десятилетий процесс социальной смены одного поколения другим, и потому можно говорить о поколенческой революции. Возникла проблема так называемого *нового поколения*.

При всех очевидных и кажущихся различиях проблем молодежи в разных регионах Российской Федерации на самом деле мы имеем дело с общими закономерностями объективного свойства.

Происходит существенное омоложение правящей элиты (в экономической и политической сферах). Это - *во-первых*.

Молодое поколение перестает быть подконтрольной социальной группой, и это также идет в разрез с традициями социалистического общества. Причины - не только в успешности молодежного противостояния тоталитарному контролю, но и в совершенной неясности того, в какой форме может и должен сегодня осуществляться процесс включения молодежи в так называемое взрослое общество. Очевидно, что осовременивание и адаптация молодежи к новым условиям, по крайней мере у части молодежи, происходит куда проще и с меньшими потерями (морального, психологического и даже физического свойства). Это - *во-вторых*.

Без специального эмпирического исследования, - которое, по всей видимости, нам предстоит осуществить совместными усилиями первоначально на базе Тюменского государственного нефтегазового университета, - трудно утверждать, но чисто гипотетически можно предположить, что объективно молодое поколение успешнее старших поколений посттоталитарного общества так называемого переходного типа. Предоставленное само себе новое поколение достаточно быстро переключилось на иную иерархию ценностей и освоило иные

правила игры. Кстати, в этом отношении взрослым есть чему поучиться у молодых. Это - *в-третьих*.

Получив больше самостоятельности, молодое поколение берет на себя большую социальную и нравственную ответственность. Но в то же время и общество стало более жестко относиться к молодежи как к социальной группе. Установился новый социокультурный баланс между поколениями, в большей степени характеризующий стиль равноправных партнерских отношений. Учитывая объективную успешность молодого поколения в адаптации к новым социальным реалиям и то, как меняется его культура и жизнь, можно предсказать, куда и как движется все общество. Это - *в-четвертых*.

Наши гипотетические тезисы призваны проблематизировать работу практикума, общая - для всего цикла - программа которого может быть представлена следующими блоками вопросов, сформулированных в стиле анкеты для экспертного опроса.

А. Ориентация нового поколения на ценность успеха как комплексная проблема

1. Какими, на Ваш взгляд, *идеалами, ценностями и интересами* живет сейчас молодое поколение нашего региона? Предвидя трудности в формулировании обобщенного взгляда на все поколение молодых людей, целесообразно выделить наиболее существенные, на Ваш взгляд, группы молодежи, учитывая различия между ними по критерию разделяемых ценностей, идеалов и т.п.?

2. Какой успех (коммерческий - некоммерческий, в сфере общественно признанных профессий - или вне их, публичный - или приватный и т.п.) и как (сознательно - или бессознательно, с учетом критериев эффективности - или/и нравственности и т. п.) выбирается в этих группах молодежи?

3. Есть ли в сегодняшнем обществе достаточно заметная и весомая прослойка молодых людей, которую отличает сознательный *отказ* от успеха, от любых его видов и типов? Как бы Вы описали эту группу? Считаете ли Вы, что это - особая проблемная группа в Вашей практической работе? С какими трудностями приходится сталкиваться, общаясь с этой прослойкой молодежи?

4. Успешность *нового (синоним ли "молодого"?)* поколения? Допускаете ли Вы, что старшему поколению есть чему поучиться у молодежи? Если "да", то чему?

5. Как мы предположили, молодое поколение, успешнее адаптируясь к новым условиям, самым образом жизни создает своего рода пример для подражания остальной части общества. Если Вы согласны с этой точкой зрения, то как, по-Вашему, успехи нового поколения *конфликтны* или *солидаристичны* остальным поколениям людей в современном российском обществе?

6. Какие успехи нового (синоним молодого?) поколения из числа конфликтно-опасных для общества Вы назвали бы в первую очередь?

Б. Новое поколение как целостная социокультурная группа

7. Какие принципиально новые "молодежные" проблемы сегодня возникают в связи с новыми социальными реалиями?

8. Какую помощь может и должно оказывать общество молодому поколению? И как не нарушить при этом меры помощи, - чтобы не культивировать (пусть бессознательно) в молодежной среде патерналистских ожиданий?

9. Нередко утверждается, что молодое поколение огрубляет "добрые" нравы общества, вносит свой существенный вклад в развитие преступности, в пренебрежение нормами общежития и активно вписывается в сомнительные виды деятельности. Нет ли, на Ваш взгляд, в этом утверждении сильного преувеличения - прежде всего со стороны людей старшего поколения, склонных списать многие "негативные" моменты сегодняшней трансформации России на молодежь? Иными словами, не считаете ли Вы, что обыватель готов приписать многие пороки молодежи, дабы отчетливо иметь перед собой образ врага общественного спокойствия и благополучия?

10. Что на самом деле, на Ваш взгляд, несет сегодня с собой молодое поколение культуре обновляющегося российского общества?

В. Новое поколение и российская Реформа

11. Как бы Вы очертили круг наиболее серьезных проблем молодого поколения, мешающих ему становиться еще более успешной группой в нашем обществе?

12. Ваше мнение относительно образовательной реформы (досуговой реформы) в стране?

13. Нередко можно услышать мнение, что диалог между взрослыми и молодыми не складывается. Если Вы согласны в принципе (не вдаваясь в некоторые детали) с этим мнением, то не могли бы сказать: почему это происходит? Может быть, молодое поколение ждет от "взрослого" общества чего-то особенного, чего "взрослое" общество даже и не осознает?

14. Исчерпан ли сегодня потенциал молодежного участия в российской реформе?

"...УСПЕХ ДЕЛАЕТ ЛЮДЕЙ И СЧАСТЛИВЫМИ, И НЕСЧАСТНЫМИ". Заплатова Н.Л., зам. председателя Комитета по делам молодежи администрации Тюменской области. До того, как мы непосредственно приступим к конкретным вопросам программы практикума, скажу несколько слов "от заказчика".

Наш Комитет до сих пор не приглашал к сотрудничеству ученых, которые занимаются такого рода проблемами, как моральная философия, прикладная этика, этика успеха, наконец. А причина заключается в том, что в свое время мы решили, что у нас уже есть опыт общения с молодыми людьми, есть управленческий опыт и его достаточно, чтобы осуществлять молодежную политику на территории Тюменской области.

Опыт у нас, действительно, был: еще в "комсомольские" времена мы работали и с профессором В.И.Бакштановским, и с его соредактором по Вестнику "Этика успеха" В.А.Чуриловым, и еще с некоторыми авторами этого журнала.

Но проходит какое-то время, заканчивается интеллектуальный запас, и снова необходимо обратиться к науке, сверить свои мысли и проекты. Это - первая причина. Вот почему мы с С.М.Сарычевым и решили провести этот практикум.

Вторая причина - в том, что мы живем в очень непростой области, она всегда была такой, даже когда была единой. Сегодня же происходят сложные процессы, связанные с тем, что на ее территории существуют три субъекта федерации. Соответственно, разработаны и действуют одновременно три молодежные программы. Согласованы ли они для совместной работы или ориентированы на работу отдельно друг от друга, как они должны действовать, и как должны сотрудничать люди, делающие эти программы? Успеваем ли мы из-за этой специфики за другими регионами? Ведь когда в комсомоле, а это тоже была своеобразная молодежная политика, происходили обновленческие процессы, Тюменская область всегда выступала как бы "закоперщиком" и бежала "вперед планеты всей". Вспомним хотя бы Сургутскую встречу (которая тогда пол-Союза буквально взбудоражила) и много-много других дел.

Наконец, сама тема "Новое поколение выбирает успех?" для нас, действительно, важна. Успех - противоречивое явление. Очень многих он сделал счастливыми, принес благосостояние, деньги и т.д. И очень многих людей, имеющих и деньги, и благосостояние, сделал несчастными.

Кстати, и в среде администраторов с успехом не все просто. Например, мы на себе начинаем чувствовать: работаем, работаем, и вдруг кто-то ставит палки в колеса. Про нас говорят: "убежали слишком далеко", "слишком быстро все получается, а вот мы столько лет работаем, и все вроде бы не так". Замечают, что Комитет по делам молодежи со своими структурами может влиять на выборную кампанию, способен повести за собой и студентов, и педагогов, хотя ими "занимаются" еще и другие комитеты областной администрации. Я думаю, что эти же проблемы и у наших коллег из Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого округов, из Сургута и Тюмени. И раз мы, администраторы в сфере молодежной политики, тоже сталкиваемся с плюсами и минусами того, что называем сегодня "успехом", у

меня возникает вопрос: можно ли считать успехом то, чего мы достигли в своем Комитете, или это скорее неуспех?

Н.Тереб, областная газета "Тюменские известия". Не забыть бы нам при этом разобраться в том, что первично: работа, которая ведет к успеху, или успех, который может потом привести к работе?

"...УВИДЕТЬ СИТУАЦИЮ И САМИХ СЕБЯ КАК БЫ В ЗЕРКАЛЕ". Сарычев С.М., председатель Комитета по делам молодежи администрации Тюменской области. И еще несколько вступительных слов "от заказчика". Кстати, то, что не я первый выступил, должно убедить всех нас, что за этим столом нет иерархии. Мы надеемся, что исследователи и ЛПР придут к взаимопониманию, не разочаруют друг друга, у них не пропадет желание сотрудничать. Именно этому и должен способствовать практикум.

Действительно, прошло 2-3 года реализации наших программ. И мы сейчас, проанализировав свои успехи и неудачи, хотели бы проверить (не потому, что у нас интеллектуальный запас исчерпался) правильность дороги, по которой идем, с помощью экспертно-консультативного практикума, чтобы нашу ситуацию и нас самих увидеть, как бы в зеркале, и соизмерить с общей ситуацией в обществе.

Есть определенные достижения за эти два-три года. Это небольшой период, если учесть, что мы начали с нуля. И эти результаты, действительно, можно соизмерять с общероссийскими. За эти годы присвоен статус базовых экспериментальных площадок нашим молодежным проектам. Один из них - в Сургуте (Ирина Голушко представляет здесь проект по организации трудовой занятости подростков и молодежи "Наше время"); там же действует и центр "Зазеркалье", работающий в сфере социальной адаптации подростков, - он тоже начинал под эгидой городского Комитета по делам молодежи. И областной детский центр "Ребячья республика", получивший первый грант на конкурсе среди 120-ти программ загородных детских центров. Есть и другие направления, например, в сфере патриотической, допризывной работы (если говорить старыми терминами, то это военно-патриотическое воспитание, подготовка юношей к армейской и вообще к взрослой жизни).

Настало время проверить наши программы с точки зрения того, каковы сегодня ценностные ориентации у молодого поколения, и как мы, управленцы, можем на эти ориентации повлиять. Или новое поколение изменит наше общество, или оно просто подстроится под жизненную ситуацию. Пойдут ли молодые торговать на Тюменский или на Сургутский привоз или увидят, наконец, что их интеллектуальный потенциал все же может быть востребован, и тогда новое поколение будет стремиться к достижениям, к успеху.

И, разумеется, главное - понять: то, что мы делаем, это действительно для нового поколения, и действительно ли нам удастся влиять на его судьбу?

Н.Тереб. Знаем ли мы: молодое поколение выбирает именно успех или, скорее, удачу?

Н.Западнава. Оно выбирает успех. Я много общаюсь со школьниками, со студентами, и для них понятие "успех" первично. Они говорят: "Я хочу в жизни своей добиться успеха", "я хочу сделать карьеру, иметь много денег" и т.д. Правда, не говорят, как они хотят этого успеха достичь, вначале просто заявляют, что хотят добиться успеха.

"...Карьеризм - это стремление к реально зримым целям". Куриленко И., Областной детский центр "Ребятчья республика", руководитель программы "Возрождение", г. Тюмень. Начиная обсуждение вопроса о том, какие наиболее существенные группы молодежи можно выделить, учитывая ценностные ориентации, идеалы и т.д., я бы сразу выделил группу "карьеристов".

Это не оценочная характеристика. Речь идет о таких молодых людях, которые поставили себе цель и реализует ее. Поэтому к "карьеристам" я бы отнес не просто тех, кто ставит задачей служебное продвижение, создание фирмы и т.п. Карьеризм - это вообще стремление к реально зримым целям.

Достижение цели - это и есть ситуация успеха. Неважно, какой цели, главное, что собственной. Считаю, что мало людей, достигающих собственных целей, потому что многие из них не знают, как мне кажется, что будут делать со своим успехом. Достигнет он цели, успех придет, а что дальше? Большинству гораздо приятнее жить в ситуации, когда успеха нет, точнее, не приятнее, а - привычнее: "О, этот человек добился успеха!". Обращают на него внимание, потому что он выделяется из какой-то большой группы, а сама эта группа не привыкла жить в ситуации успеха.

Вторая группа - те, у которых цели нет, а есть интересы. "Карьерист" ставит себе цель, достигает ее, ставит другую - и т.д., а исходя из этого у него появляются интересы. Вторая же группа молодежи целей себе не ставит, у них бесцельные интересы: скажем, наркомания - есть зависимость, а цели нет.

Центр прикладной этики. Если бы некий Комитет по делам молодежи - области, округа, города - не важно - захотел культивировать ценность успеха или, как говорили раньше, воспитывать ее, он бы натолкнулся на сопротивление широкой массы молодежи? Это была бы для них чуждая ценность, они бы ее отторгали, они бы возмущались тем, что им что-то

постороннее навязывают? "Карьеристы" поддержали бы, а другие? Можно ли других сдвинуть с места?

И.Куриленко. Возьмем ситуацию в нашем лагере. Приезжают дети, наполовину из первой группы, наполовину - из второй. И ситуация в лагере ставит всех в ситуацию успеха. Просто жизнь в лагере таким образом развивается, так подобраны сотрудники, так работает система, что каждый попадает в ситуацию успеха. Не встает проблема выбора, - он уже как бы заложен в программу. Ситуация дальше развивается таким образом, что каждому Васе есть что делать со своим успехом. Я считаю, что это важно, но этого не достаточно. Нужно бы Васе Иванову самому решать что делать, а нам - не ситуацию создавать, в которой Васе не надо думать, что делать с успехом, а так дело поворачивать, чтобы он сам вынужден был думать: "Да, я достиг чего-то, а зачем я это сделал, что я с этим буду дальше делать?".

*"...Надо представлять молодежь как две генерации".
Захаренко А., руководитель информационно-аналитической службы Комитета по делам молодежи администрации Тюменской области.* Я недавно работаю в комитете, поэтому мне трудно судить о конкретных вещах. Но, говоря о молодежи в общем, нужно представлять это поколение как две генерации, причем довольно разные по мировосприятию, по своим ценностям. То, что мы здесь говорили об этике успеха, этот акцент, это смещение характерно для второй генерации, более молодой. Она воспринимает ценность успеха как некую заданность, - они пришли в общество, где уже существует ситуация, когда успех воспринимается позитивно. Другое дело та генерация, которую представляем мы, люди старше 25-ти лет. Мы - молодежь со всеми наслоениями, которые остались от прежних поколений, с отрицательным восприятием этики успеха.

*"...Категории молодежи вне возрастных границ".
Сарычев С.М.* Я бы выделил категории молодежи вне возрастных границ. Первая - "активисты". Это небольшая группа молодых людей, которые схожи с группой "карьеристов", названной Ильей Куриленко, и, конечно, это не карьеристы в негативном смысле слова (хотя в этой группе могут быть и "плохие" карьеристы). Они активны потому, что им хочется быть на виду, стать заводилами компаний, групп молодежи. Может быть, это просто форма реализации ими своих возможностей. Это не очень большая, но и не малая группа, если судить по нашим программам.

"Карьеристы" же, о которых говорил Илья (я с ним согласен, есть такая группа), - это люди со здоровым, нормальным интересом. Если брать последние годы, эта группа, мне кажется, увеличивается: например, все больше становится

людей, желающих поработать в органах управления сразу после школы, хотя понимают, что у них нет специального образования.

Далее, группа, у которой преобладают ценности материальные. Они ориентируются на родителей, на соседей, родителей друзей, у которых есть хорошая квартира, машина, прекрасные вещи. Главное для них в этой жизни - иметь вокруг себя все красивое. И в этом их цель, их идеал. Группа немалая, и это ощущается даже в "Ребятчье республике".

Еще одну группу я бы назвал "приспособленцами", не в ругательном смысле, а те, которые умудряются приспособиться к самым различным ситуациям. Если надо, они могут быть в одном стане, если надо - в другом. На ситуацию, которая есть сегодня, они сами влиять не хотят, но критиковать не ленятся.

И еще есть группа "идеалистов" или "идейных", для которых действительно есть идеалы и ценности. Они любят музыку, спорт или компьютеры, для них не важна карьера, они меньше внимания обращают на обладание материальными вещами.

"...Те, кто задумывается и те, кто не задумывается". Западова Н. Я бы всю молодежь разделила по двум категориям. Первая - это молодые люди, которые задумываются, зачем они живут, к чему придут и для чего им нужен успех. К этой категории я отношу молодых бизнесменов, студенчество (не говорю, что все студенчество), сегодняшних школьников, старшеклассников - детей, допустим, 13-14 лет, потому что они хотят получить хорошее образование, выучить английский язык, - чтобы достичь определенных целей, а через эти цели достичь определенного успеха. Я отношу сюда и молодых людей, которые занимаются творчеством, у них другие цели - красоту мира показать через свое творчество другим людям.

Вторая категория - молодые люди, которые не задумываются ни над успехом, ни над жизнью своей. Они родились, выросли в какой-то определенной среде. Это может быть хорошая среда, может быть и плохая; это может быть хорошая семья или - плохая. Если есть возможность получить образование, они его получают, если нет возможности - их это не беспокоит. Итак, две группы молодежи: которые задумываются и которые не задумываются.

С.М.Сарычев: Я забыл еще одну категорию молодых людей - тех, которым все "до лампочки".

"...Мы описываем слона с четырех сторон". Пономарев С., областной детский центр. Мне трудно сейчас однозначно сказать, на какие бы группы я разделил молодежь. Такое ощущение, что мы здесь сидим и описываем слона с четырех сторон: с одной стороны, слон с хвостом, с другой, - с хоботом, а с третьей, - с ушами. Можно со множества точек зрения описать

различные слои молодежи. Я бы ко всему сказанному добавил два таких слоя: люди, боящиеся успеха, - несвободные люди, и люди свободные, которые не боятся успеха.

"...Еще одна сторона слона". Захаров С., председатель Комитета по делам молодежи администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Не повториться в общем-то сложно, но я бы еще с одной стороны этого слона обрисовал. Ценности и идеалы, может быть, есть смысл разделить на биологические и социальные. Биологические, без которых мы жить не можем, а социальные - те, что мы приобретаем, как говорится, чисто человеческие качества в общении, и то, что мы должны соблюдать в общении - правила игры. В настоящее время у нашей молодежи, безусловно, преобладают биологические ценности. И это, наверное, естественно, потому что время такое, время перемен, отсюда - стремление удовлетворить только материальные интересы. Что касается каких-то социальных ценностей, то они в нашем нестабильном обществе остаются по своему статусу на более низком уровне, чем биологические. Большая часть людей хочет скорее иметь богатство, чем заниматься культурой.

И еще собственно по средствам достижения целей можно различать группы молодежи. Есть категория молодых людей, которые, выбирая средства достижения успеха, игнорируют правила игры, принятые в обществе. И есть категория молодых, которые тоже стремятся достичь успеха, но более-менее соблюдают эти правила - на уровне морали, на уровне закона.

Наконец, есть категория молодых людей, которая не хочет ничего достигать, считая, что успех может прийти сам по себе, к нему стремиться не надо: "человек просто живет себе и живет".

"...Умолчали о перевертышах". Терех Н. Мы не определили возрастные рамки: до какого возраста человек молодой? Я думаю, что лет до 17-18 человек вообще не понимает, карьерист он или не карьерист. Поступками его движет хорошее качество - честолюбие. Есть в нем честолюбие, есть какой-то внутренний стержень, это и движет его поступками, и отсюда желание достичь успеха. Кроме того, соглашаясь, что есть "приспособленцы", отмечу, что они - это какая-то средняя категория, которую еще можно вовлечь в активную жизнь, а вот о ком умолчали, так это о "перевертышах", которых я, например, встречала в следственных изоляторах. У них же все ценности перевернуты, они ориентируются совсем на другой мир, совсем на другие идеалы, и они борются, и они отстаивают эти идеалы.

Итак, я бы выделила три категории: "приспособленцы", честолюбивые люди (карьеристами я как-то боюсь их называть, - еще очень молоды) и "перевертыши."

С.Сарычев. "Перевертыши", на мой взгляд, это те, кто сегодня могут быть одними, а завтра - другими. А у тех, кто сидят в изоляторах, просто совсем другие ценностные ориентации.

Н.Тереб. Нет, у них не так, что сегодня одни ценности, а завтра - другие. У них все уже сложилось, но по-другому. Вот дружбу они совершенно иначе понимают. То есть те ценности, на которые ориентируемся мы, они совершенно по-другому воспринимают.

Н.Западнава. Может быть, дело-то все в том, что человек, которому 16, 17 или 25, совсем по-другому понимает жизнь, и ценности у него другие, а не те, что у нас?

"...Те, которые хотят стать профессионалами, и те, которым это все равно". Брехес Е., Комитет по делам молодежи администрации Тюменской области. Мне бы хотелось выделить две категории молодежи. Те, которые хотят стать профессионалами, и те, которым все равно, будут они ими или нет. Первые - прилагают очень много усилий, чтобы стать профессионалами своего дела. Спортсмен, артист, музыкант, работник социальной сферы, аппарата управления - речь идет о молодых людях, которые постоянно стремятся к профессионализму. Вторым - все равно - будет он учителем, инженером, или будет подметать мусор, для него это как бы не имеет значения.

"...У любой группы молодежи остается такой ценностный ориентир, как семья". Сенин А., председатель Комитета по делам молодежи администрации г.Сургута. Я бы хотел разделить молодежь по четырем категориям. Основанием этого деления является то, что у любой из них, какой бы она ни была, есть и остается такой ценностный ориентир, как семья, в которой молодой человек жил, воспитывался, и из этого можно прогнозировать способы принятия того или иного жизненного решения. На таком основании я бы и хотел выделить четыре категории.

Первая - дети, которым просто повезло, что они родились в семье, где родители либо очень интеллектуальные и смогли заранее дать детям тот или иной интеллектуальный запас, предопределить их будущее, либо это состоявшиеся бизнесмены, коммерсанты, политики, которые уже тем самым предопределяют будущее своего ребенка.

Вторая категория - так называемые "наемники", которые с детских лет ориентируют себя на то, чтобы быть профессионалами не в чем-то одном, а в любой сфере деятельности, в которую их занесет судьба. Если сегодня он грузчик, то будет

профессиональным грузчиком - таскать выше, больше, дальше; если он завтра водитель, значит, будет добиваться лучших результатов в этой области.

Третья категория - "тихие троечники", их большинство на сегодняшний день. Это те люди, которым не повезло с родителями - обыкновенные родители, которые работают на производстве. У них нет состояния, но есть железное желание выбраться из этого мирка, и они сами определяют свою собственную судьбу. У них одинаковая возможность - старт как вверх, так и вниз, они сами определяют.

Четвертая категория - "барабанщики", им все "по барабану", такому человеку сегодня хорошо уже потому, что сегодняшний день просто настал. В нашем городе - это явно выражено в категории "волосатиков".

*"...Строящие свое будущее и живущие одним днем".
Голушко И., директор муниципального предприятия "Наше время", г. Сургут.* Я бы хотела выделить три категории. Первая - категория "безразличных", о которых здесь уже говорили. Вторая - живущие одним днем, то есть не имеющие будущего. И третья категория - строящие свое будущее. В группах молодежи, строящей будущее и живущей одним днем, могут быть и карьеристы, и идеалисты, и бизнесмены, и ученые. В моем понимании есть карьерист в хорошем смысле, о котором здесь все говорили, и карьерист, делающий карьеру на один день, на одну предвыборную кампанию и т.д. То же самое и с бизнесменами: есть бизнесмены, которые живут будущим, и есть те, которые живут одним днем. Так же и ученые: если они достигли одного результата и не стремятся к другому, то, я считаю, они живут одним днем.

Если говорить конкретно о моей практике, то тех детей, которые работают у меня, я различаю таким же образом. Те, которые ко мне пришли, это дети, стремящиеся строить свое будущее. Они могут быть и из тех подвалов, о которых здесь говорили, и из очень хороших семей. Они пришли ко мне, потому что у нас - государственное предприятие. Мы стараемся их обучать и даем трудовую книжку. А тот, кто ушел к дяде Васе на рынок - продавать, живет лишь сегодняшним днем. Может быть, дядя Вася сегодня ему больше заплатил, чем мы, но у него нет никакой государственной страховки, нет трудового стажа и т.д.

Н. Заплатова. Вопрос Сергею Пономареву: Мы описываем слона? Мы делаем тем самым нужное дело или бесполезное? И до нас над этим работали, возможно, все уже сделано, выверено? Мы не зря теряем время?

Пономарев С., психолог областного детского центра "Ребятчья республика" (экспериментальная площадка Комитета РФ по делам молодежи в области досуга молодежи),

руководитель программы. Мне кажется, это нужно для тех, кому это нужно.

Центр прикладной этики. А кому это нужно?

С.Пономарев. Вам, допустим.

Центр прикладной этики. Нам это могло бы быть нужно, если бы мы проводили, например, аттестацию участников "круглого стола". Но мы себе такую роль не только не выбрали, но и не позволили бы сами себе взять ее: этим отличаются консультанты от контролеров и экспериментаторов.

Если нам удастся задать какой-то вопрос, отвечая на который Вы самому себе и своим коллегам что-то проясните, то этим мы и выполняем свою задачу. Это хорошо, что возникла тема "слона", но как теперь из этой темы выбраться?

С.Сарычев. Мне так кажется, что мы "слона-то" описываем прежде всего такого, который лишь сегодня появился. Но ведь они в разные времена - разные. Вы заметили, что сегодня здесь при описании "слона" мало кто повторился, а мы все практики и работаем не первый день. Может быть, если бы мы собрались в 1990 году, то многого из того, что видим сегодня в молодежи, и не увидели бы. И каждый из нас сказал то, что он видит со своей стороны, ибо он может только догадываться о том, что с другой стороны.

Н.Западнава. Я считаю, пусть даже мы похожи на тех, кто описывает слона с разных сторон, все равно необходимо пытаться понять этого "слона" по одной простой причине, - плохие были комсомольские времена или хорошие, но раньше мы постоянно пытались анализировать свою работу, а дожив до 1995-го года, - и на уровне российском, и на уровне региональном - мы этого не делали, и как раз это нам палки в колеса и ставит. Так нужно это или не нужно?

С.Пономарев. Я сейчас поставил себе такую цель: хотя бы разобраться с каждой отдельной стороной слона, а целостное представление - в другой раз.

И.Голушко. Поскольку многие из нас, сидящих здесь, выходцы из комсомола, то мы знаем, что раньше этот "слон" хотя и был описан со всех сторон, но в определенных рамках, идеологических и т.д. На сегодняшний день этих рамок не существует. И вот уже, я согласна с Н.Западной, пять лет работаем в молодежной политике, а его (слона) никто не описывал, не анализировал. И действительно, у практиков, у управленцев, и, наверное, у тех же ученых назрела новая потребность.

Центр прикладной этики. В консультативной практике используется метод "зеркала". Трудно сказать, сформирует ли наша сегодняшняя работа зеркало для "слоненка", но наверняка даст зеркало для тех, кто работает с ним, для самих участников практикума.

Центр прикладной этики. Приступая к следующему этапу нашего практикума, выберем такой вопрос: "Успешность НОВОГО, или просто МОЛОДОГО поколения? И допускаете ли Вы, что старшему поколению есть чему поучиться у молодежи? Если да, то чему?"

И.Голушко. "...Молодое и есть новое". Я отношусь к тем людям, которые считают, что у каждого молодого поколения в любом веке всегда была своя успешность. У каждого поколения, когда оно еще молодо по возрасту. У каждого поколения свое молодое время, именно молодое по времени.

А.Сенин. "...Есть чему поучиться". Я считаю, что более старшему поколению есть чему поучиться у более молодого, потому что оно осмысливает весь опыт старших. При этом у молодого поколения нет того догматизма, который характерен старшему. Они меньше связаны теми или иными нормами, нет у них тех или иных страхов. Например, сегодня молодежь не боится сказать то, что думает.

Е.Брохес. "...Войти в ситуацию молодых". Я бы сказала, что новое поколение более удачливо, чем старое. Почему? Потому что на него работает много структур, эти структуры заинтересованы в нем - это будущее страны, будущее всего мира. Новое поколение удачливее в силу социальных, политических, общественных, бытовых причин. Поучиться старшему поколению у молодого? Скажем, не поучиться, а уметь войти в ситуацию молодого поколения, нового поколения. Мне кажется только тогда можно будет решить проблемы, которые возникают у молодежи.

Что значит "войти в ситуацию"? Я очень много общаюсь с новым поколением, со студентами, с молодежью. Эти люди моложе, чем большинство здесь присутствующих. У Вас иные взгляды на жизнь. Если Вы встанете на позицию нового поколения, тогда реальнее будет решение каких-то проблем.

Центр прикладной этики. Лена считает, что она - новое поколение, а все мы - старое. Да, она - МОЛОДОЕ поколение, но НОВОЕ ли? А, может быть, "старое"-то - мы, участвующие в этом практикуме, например, как раз более ориентировано на успех, хотя бы рациональнее, а это очень важная характеристика для современной цивилизации. Мы умеем и рационально-ответственно идти к успеху, и удачу ловить, а это разные вещи.

От того, что Лена моложе, может ли она автоматически себе или своим сверстникам присвоить качества нового поколения? Разве они не могут быть такими же иждивенцами, как пенсионеры, то есть молодыми иждивенцами? Молодые по возрасту не могут ли быть настолько старыми по мировоззрению, что захотят снова коммунизм в его плохой версии; не могут ли

быть "старыми" в понимании реальных проблем, например, в своей адаптации к рынку они растерялись. Они если и преуспевают, то по мелочам, где-то приторговывают, то есть делают не свое будущее, а свой сегодняшний день. И тогда это если и не старое, то устаревшее поколение.

Е.Брохес, руководитель студенческой программы. Я имела в виду под новым поколением именно молодое поколение. Я считаю, что каждое поколение как только рождается, сразу становится новым.

Н.Западнава. "...Нынешнее поколение не ново даже по сравнению с нами". Я с тобой не согласна. Нынешнее поколение не новое по сравнению даже с нами. Мне кажется, пока у них нечему поучиться. Не потому что я такая умная и хорошая, а потому что они так себя преподносят.

А Совету ветеранов нечему поучиться у меня, но потому, что они живут сейчас на таком сломе от развала страны и крушения привычных идеалов, что не хочу ранить этих людей и заставлять их чему-то у меня учиться. Я хочу, чтобы они жили так, как они хотят жить.

С.Захаров. "...Я нигде не встречал, чтобы понятие "поколение" с возрастом не связывалось". Я бы все-таки хотел понятие "поколение" связать с возрастом, - никогда нигде не встречал, чтобы понятие "поколение" с возрастом не связывалось.

Чему можно поучиться более старшему поколению у нынешнего, так это способности выживать, рассчитывать на свои собственные силы. Здесь я бы стал на позицию Елены, - все-таки в их поколении больший процент людей со способностями ориентироваться в этом мире. Но я считаю, что и молодому поколению у старшего, безусловно, есть чему поучиться, иначе новая революция 1917 года, когда "до нас ничего не было".

А.Сенин. "...Среди нынешней молодежи больше прагматиков". Я считаю, что нынешнее молодое поколение более практично, более удачливо и успешно, потому что его не тормозят прежние ценности, у него нет прежнего идеологического воспитания, стереотипов нет.

Поставил себе молодой человек цель - допустим, организовать банк, а то, что у него не хватает иногда ума на эту цель, для него не важно: найдет кучу доцентов - "очкариков", которые этот банк поднимут и сделают преуспевающим. Он будет создавать свой банк, у него пробивной талант. И таких молодых и упрямых много, они идут и бьются, может быть, больше бьются головой, но они все равно добиваются своей цели. Я могу утверждать, что среди молодежи больше прагматиков, чем в прежних поколениях, и связи они нарабатывают гораздо быстрее, потому что их не ограничивают никакие рамки.

С.Пономарев. "...Имеет смысл, но не для всех и не у всех". Здесь говорилось о том, можно ли и нужно ли старшему

поколению учиться у молодого. Я бы так вопрос вообще не ставил, я бы спросил: а имеет ли смысл? Естественно, есть чему поучиться, но мне кажется, что старшему поколению это будет очень болезненно - ломка ценностей, стереотипов и проч. Я бы так ответил на этот вопрос: имеет смысл, но не для всех и не у всех.

Центр прикладной этики. И еще раз: разве "молодое" не может нести старые ценности? разве не может быть так, что "новое" поколение - это те, кто по возрасту относится к старому? или это игра словами? "Молодое" - это характеристика и биологическая и социологическая, а "новое" - это, скорее, ценностная характеристика.

С.Пономарев. Допустим, кто-то из старших может быть для меня новым поколением, а мои сверстники никакой новой ценности не несут, ибо придерживаются тех же ценностей, что и большинство старших. В этом смысле мы с кем-то из старших можем входить в новое поколение, несмотря на большую возрастную разницу. Но ведь получается, что при таком анализе употреблять слово "поколение" не имеет смысла.

Н.Западнава. "...Весы опыта и максимализма сегодня разбалансированы". У меня в голове вертятся в связи с этим вопросом две пословицы. Одна: "где нет хороших стариков, там нет хорошей молодежи". Вторая: "яйца курицу не учат". Если подходить прагматически, мне сегодня есть чему поучиться и у Лены, и у Сергея, и у Андрея и, может быть, у сегодняшних школьников. Они менее закомплексованы, менее идеологизированы, поставлены в более широкие рамки. Но, с другой стороны, очень много лишены, опять же "благодаря" тому, что нет новой идеологии, а идеология в любом государстве, в хорошем или плохом, все-таки должна быть.

На заре моей работы в комсомоле небезызвестные люди говорили: нужно работать так, чтобы мудрость старшего поколения и максимализм молодости чаши весов не перевесили. Сегодня у нас, к сожалению, эти весы разбалансированы.

Кстати, важно понять, кто учит новое поколение и чему учит. Я имею в виду в данном случае педагогов. Это очень важная категория людей, которая формирует личность. Если семья не загоняет молодежь в какие-то тесные рамки, то школа запросто может загнать.

С.Сарычев. "...Новые люди как из старшего, так и из молодого поколения". Вообще о поколении говорить трудно, потому что в молодом поколении есть и старые по ценностным ориентациям, по понятиям, есть и новые. Поэтому я бы не связывал жестко понятия: "новые" - значит, обязательно "младые", и, наоборот, "старые" - "старшие".

Жизнь изменилась, и кто же на это повлиял? Я думаю, повлияли новые люди как из старшего, так и из молодого поколений.

Полезно ли для старшего поколения чему-то учиться у молодых? Конечно, и я бы поучился у тех, которые моложе, кто к нам приходят. Другое дело, полезно ли это сегодня для старшего поколения, может быть, все-таки уже поздно?

А чему поучиться? Например, той же раскомплексованности, какой-то бесцеремонности, но в рамках этически принятых в обществе норм, в хорошем понимании бесцеремонности; прагматизму, практичности такой жесткой, может быть, даже.

А.Захаренко. "...Сосуществование поколений не надо заорганизовывать". Я вижу в обсуждении этого вопроса некоторую подмену понятий, может быть, из-за этого мы и пробуксовываем. Изначально допускалось, что "новое" поколение и "молодое" поколение - это одно и то же, а в процессе обсуждения выяснилось, что каждый понимает это по-своему.

Если свести "новое" поколение к биологическому, к "молодому", то, пожалуй, лучше все эволюционно решать. Пусть пройдет время, придут следующие поколения... А учить людей с другой психологией, иными ценностными ориентациями - не корректно, и этого делать не нужно.

Если понимать "новое" поколение не биологически, а как носителей новых ценностных ориентаций, то надо признать, что это у нас продолжается уже 10 лет. Есть "новое поколение" - и носители старых ценностей, одни с другими сосуществуют. Сложно, правда, но это сосуществование не нужно "заорганизовывать" морализаторским "тыканием" в некоторые ценности: "Ребята, вот это, сегодняшнее, верно, а все, что было, это - не очень".

И.Куриленко. "...Они на данном этапе своей жизни больше успевают". Если понимать "новое" поколение как "молодое", то его заслуги в том, что оно быстрее адаптируется, успешнее. Я не вижу собственно "нового" поколения, просто по возрасту молодежь гибче, ей легче усваивать большее количество стереотипов поведения. Поэтому-то они на данном этапе своей жизни больше успевают.

Другой аспект. Есть такой процесс, который никто не прекращал и прекратить не может, - социализация, когда предыдущее поколение передает культуру, как способ жизнедеятельности, поколению, которое идет следом за ним. Сегодня же процесс этот нарушен, что-то передали, а что-то не успели или вообще не передавали, а новое поколение само выбрало из предыдущего то, что его устраивает, а то, что не устраивает, какие-то рамки, отбросило и сейчас изобретает свои рамки, пишет свои правила.

Учить старое поколение этим изобретениям не стоит. Как мы будем учить тех, кто прожил свою жизнь, создавая трамплин для нас? Да, гибкость со временем человеком теряется, но ломать его я никогда бы не стал.

И.Куриленко. Если процесс социализации нарушен, то молодому человеку все равно нужно формировать для себя духовную атмосферу: поскольку ему не дали чего-то или дали не то, что нужно, он как бы сам самостоятельно эту атмосферу заполняет. Сегодня перед молодым поколением стоит проблема, - мы сами должны мир этот сформировать, выбрать ценности, взять на себя ответственность.

Мне кажется, что, по сравнению с предыдущим поколением, у нового поколения более высокая ответственность перед собой в отношении к жизни, потому что им больше приходится решать самим.

Центр прикладной этики. Мы сейчас рассматриваем проблему ценностных ориентаций молодежи, как она предстает в сознании тех, кто работает с молодежью, кто принимает решения по поводу молодежной политики. Любой администратор знает, что у него есть ограниченное количество ресурсов, в том числе и финансовых, значит, он вынужден выбирать какие-то приоритеты. Какой же из групп молодежи - мы их различали по ценностным характеристикам - отдать приоритет и вложить максимально возможное число ресурсов, если на всех не хватит?

Вложить в "локомотив", то есть, собственно, в новое поколение внутри молодого поколения? В тех, у кого уже есть мотивация на достижение, - в них вкладывать и с ними прежде всего работать? (Правда, возникает вопрос, а нуждаются ли они, чтобы с ними "работали", не лучше ли, чтобы им не мешали?)

Но, может быть, прежде всего вкладывать не в "паровоз", а в какой-то вагончик, например, в самый последний, в тех, кто по необходимости иждивенец, неудачник, в тех, кто никогда не успеет за поездом, - чтобы не дать им возможности совсем отстать, навсегда выпасть из поколения? Может быть, построить некий высокий перрон? Наконец, может быть, ресурсы надо вкладывать не в "паровоз", не в "последний вагон", и даже не в "перрон", а в налаживание отношений между разными группами этого поколения? То есть, в некую поколенческую солидарность внутри этого поколения, и, само собой, в отношения молодого поколения и старшего?

Возможно, для участвующих в практикуме администраторов это элементарные вопросы, может быть, каждый уже давно нашел им решение. Но поставить эти решения под Ваше собственное сомнение - правильно ли выбраны приоритеты, - в этом сверхзадача обсуждения.

С.Сарычев. Вопросы о приоритетах для нас очень важны, сегодня множество ситуаций такого рода выбора. И мы пытаемся конкретными "мероприятиями" разные по ценностным ориентациям группы молодежи как-то объединить в тех же детских центрах и у Ирины Галушко на ее муниципальном предприятии, в клубах и т.д. Карьеристы, идеалисты, пофигисты...

Мы пытаемся как-то разобраться в определении доли внимания и работы к каждой из этих групп. Но на 100% эту задачу решить - не удастся: и они все равно друг к другу относятся так, как они относятся, и мы между собой спорим, кто требует большего, а кто - оставшегося от этой доли внимания и заботы..

Н.Западнава. Вспомним рассказ из учебника Ермаковой и Жарова "Кому давать яблоки". Живет человек, живет и... превращается в мужчину и женщину. И мужчина влюбляется как бы в двух женщин. Одна из них очень сильная, у нее все было в жизни хорошо, с родителями повезло и т.п.. А другая - слабая, все время болела, чахла и т.д. И вот, когда пришло время мужчине жениться, он решает хорошо устроиться в этой жизни. Одну из женщин возьмет в жены, - ту, которая слабая, вялая и корова у нее заболела, и с мамой у нее плохо, и в университете у нее не клеится. Другую, которая сильная, возьмет в любовницы, она же сильная, зачем ей плечо подставлять.

Но жизнь его оборачивается сложностями: с детьми жена не может справиться, потому что болеет, стирать не может, потому что болеет, и этого она не может, и другого... И у мужчины терпение на исходе, и он уходит ко второй, к сильной.

Вывод: не лучше ли, когда выбираешь свой жизненный путь, в том числе определяешь свою семейную жизнь, яблоки давать сильным людям, а не слабым, - слабые люди сильны своей слабостью.

Так вот и мы в своей молодежной политике мечемся при ограниченных ресурсах, иногда давая эти самые яблоки слабым, не сильным, упуская при этом "важные вещи".

* * *

Центр прикладной этики. Попытаемся теперь сделать так, чтобы каждый из Вас "примерил" то, что он лично делает в своей практике, к теме "Новое поколение выбирает успех?", к тем наблюдениям и выводам, которые обнаружили на первых этапах практикума.

А.Сенин. "Мы выравниваем тот перрон, с которого "тихие троечники" могли бы сесть в состав". С чего мы начали работать в Комитете и к чему мы пришли после трех с половиной лет? С того, что выявили те большие дыры, где никто никогда не работал, где в молодежной политике большие вакуумы, и стали их заполнять.

У нас образовалось четыре таких сферы: трудоустроенность; социальная помощь для детей и подростков, причем не социально ущемленным категориям населения, а именно нормальным, для того, чтобы решить их проблемы в тех или иных аспектах, например, реабилитироваться, вернуться в семью, в школу; образование, а именно - высшая школа, потому что уже родители не отпускали своих детей, даже при наличии

финансов, на обучение в другой город, и молодежь не выезжала на обучение; досуг, - причем не в форме пассивного досуга - дискотеки, кино, видеозалы, а в форме активного - спорт, например.

У нас появилось "Наше время", "Зазеркалье" - центр социально-психологической реабилитации детей и подростков, молодежно-авиационно-спортивный центр. Мы заключили договоры с рядом туристических фирм. А проблема с образованием - как раз пошла эпоха его коммерциализации, и вузы не стали ждать, когда к ним приедут деньги, они пошли сами туда, где есть деньги, - решила без нашего участия.

Довольно долгое время мы стабилизировали ситуацию, развивали эти предприятия. В этом году мы доработали программы "Молодежь Сургута", сделали ее более конкретной, адресной: целиком и полностью направили на так называемых "тихих троечников". "Тихих троечников" стало гораздо больше, чем всех остальных. Мы стали заниматься ими потому, что шансы у них уйти вверх или вниз одинаковы. Мы стали адаптировать свою программу к тому, чтобы эти шансы выровнять.

"Локомотив", о котором мы говорили выше, уже есть - это успех, перспективное будущее человека, которого он хотел бы добиться в соответствии со своими личными притязаниями, - будь-то финансовое благополучие, социальный статус, политический уровень какой-то. По этой программе мы выравниваем тот перрон, с которого "тихие троечники" могли бы сесть в состав в зависимости от собственных целей, вплоть до того, чтобы дойти до локомотива.

Мы столкнулись с тем, что нужна идеология, набрались наглости и предлагаем что-то вроде такого рода идеологии - пропаганду здорового образа жизни: не будет здоровья - не будет и того перспективного будущего. Речь идет о здоровье не только физическом.

Я не берусь сказать, что уже создана технология успеха нашей программы, но все же мы создаем предпосылки для самореализации молодежи. Причем этого не добиться, если молодежь не определится в том, чего же она сама хочет. Для того, чтобы появилась потребность в самореализации, должен быть воспитательный эффект семьи, эффект самозанятости, когда семья изначально обучает ребенка заниматься самим собой.

И.Голушко. "...Мы даем толчок к успеху". Мы попытались в программе занятости подростков и молодежи Сургута научить их стремиться к успеху.

Центр прикладной этики. Вы специально подстраиваете свой рассказ под тему практикума?

И.Голушко. Нет, нас к этому прийти заставила жизнь. Это специфика Тюменского Севера: многие жили с установкой на то, что завтра уедут на Большую землю. Но теперь в общем-то все поняли, что мы здесь остаемся жить, в этом районе, в этом

городе: молодым замуж выходить, детей рожать и воспитывать, - и поменялось отношение.

Когда создавался наш Комитет, вопрос стоял так: помочь молодым людям просто-напросто трудоустроиться. Тем молодым, которыми, в общем-то, Север всегда славился, - со здоровыми мозгами, грубо сказать, полными сил. Новому поколению, которое способно со своими умственными возможностями двигаться вперед. Мы взяли тех, кому 12-18 лет, чтобы дать им гарантии государства в трудоустройстве. В общем-то практически вся цель нашей работы в том, чтобы повлиять на выработку стремления к будущему, к своей дальнейшей судьбе, именно через программу занятости, через программу трудоустройства. Мы им даем толчок, через год, через два они от нас уходят в жизнь.

И.Куриленко. "...Формирование ответственности за себя". Моя программа в областном детском центре условно называется "Школа выживания". Основная цель программы - формирование ответственности за себя и способности человека жить в обществе личностей.

Я уже говорил при обсуждении первого вопроса, что, когда человек оказывается в ситуации успеха, он не знает что делать со своим успехом. Как мне показалось, проблема кроется в том, что человек просто не уверен в своих силах. Даже у внешне очень уверенного есть некие проблемы, которые не позволяют ему до конца насладиться собственной победой, жить нормальной жизнью, испытывать все обычные чувства.

Моя программа использует такие методы (на первый взгляд, не связанные с нашей темой), как "робинзонада", туристическая деятельность, любая деятельность, направленная на организацию собственной безопасности, умение страховать самого себя. Что бы человек ни делал, он должен быть уверен в себе. Уверен в том, что все его решения, действия и последствия - сфера его ответственности: проиграл - он, выиграл - он.

Я сам как только взял на себя ответственность за свои поступки, так стал жить лучше, чем жил раньше, - стал чаще испытывать состояние радости, чувство гордости за то, что делаю, я вошел в ситуацию успеха, потому что взял ответственность за свои действия, за свой выбор, выбор осознанный. И своей программой я пытаюсь сделать так, чтобы тех, с кем я работаю, тоже приблизить к этому, чтобы они осознанно делали свой выбор, отвечали за свои действия, испытывали все чаще ситуацию успеха.

С.Захаров. "...Наша задача - создавать условия". Я считаю, что задача всех наших служб - создавать условия для того, чтобы молодой человек мог найти свое место, адаптироваться, быть счастливым, другими словами- достичь успеха в этой жизни. Понятно, - все мы реалисты, - что 100%-го

результата быть не может. Но наша задача - создать условия, в которых тот, кто действительно способен что-то сделать, мог проявиться.

Технология нашей работы - не вторгаться в работу служб, которые занимаются своим собственным профилем: образование, социальная защита и т.д. Наши структуры берут то, что на стыке, например, дополнительное образование, развитие способностей во внеурочное время, спорт, социальная помощь. По западным исследованиям установлено, что треть молодежи на выходе во взрослую жизнь нуждается в социальной помощи для того, чтобы адаптироваться в этой жизни. У нас эта цифра наверняка больше. Что касается занятости, то эта работа имеет более широкий смысл - вплоть до приобретения профессии, чтобы не дать возможность этой категории молодежи уйти куда-то в сторону.

Сейчас мы стали пытаться проникать в сферу души, используя некоторые отдельные программы, понимая, что счастье и успех для человека - это не только материальные вещи, но и комфортное психологическое состояние. Здесь мы тоже должны создавать прежде всего необходимые условия.

И.Голушко. Когда мы с Андреем Сениным рассказываем про нашу работу, иногда забываем сказать об опоре на социологические исследования. И конференция, которая прошла у нас в Сургуте, показала, что мы не диктуем молодежи свою волю, у них есть возможность и выбрать, делать свои предложения. Мы руководим этим процессом, но не сможем делать программу, если она им не нужна. Отчасти и "провоцируем" : создать место швеи, продавца - это же своего рода провокация.

Е.Брохес. "...Им прежде всего необходимо признание". Моя программа реализуется с помощью студентов, которые входят в областной студенческий Совет.

Особенность в том, что это люди, которые ориентированы не столько на успех, сколько на признание в своей среде. И они его в принципе добились, стали лидерами в своих группах, на своих курсах, лидерами своих вузов.

А из-за чего пробуксовывает программа, не получается нормального выхода? Из-за того же: они лишь добиваются признания. Им надо сначала почувствовать, что их признали, причем признали не только в своей среде, семье, но признали люди, которые старше их, или люди, которые стоят на более высокой иерархической лестнице.

С.Пономарев. "...В нашем обществе цена успеха - приспособление". Я работаю непосредственно в лагере "Ребьячья республика". В принципе моя деятельность ориентирована не на конечный продукт, не на успех, а на саму деятельность. Почему? Я считаю, что в нашем обществе цена успеха - приспособление. Но приспособление приводит к

подавлению чувств, эмоций. Что же это за успех будет, если человек несчастлив?

Центр прикладной этики. Возможно, опасение и соответствующее нежелание ориентироваться на конечный продукт, на успех - следствие такого прогноза: как только некто начнет стремиться к успеху, так наши хребты, шеи и еще какие-то места заскрипят, ибо он будет все и всех под свой успех подминать. Все будут шпалами в его движении к успеху. Может быть, поэтому С.Пономарев и сам не хотел бы ориентироваться на эту ценность и ориентировать тех ребят, с которыми он работает, - успех ассоциируется либо с тем, что я сам приспосабливаюсь, чтобы меня признали, чтобы мне дали этой цели достичь, либо с хождением по чужим головам.

Но как быть с контрпозицией, с возможностью прийти и открыто сказать: "Вот мои цели. Вот как я понимаю Ваши цели. Мне кажется, они состыкуются. Мне кажется, мы можем сложить наши силы"?

Наряду с категорией "успех", в современной - достижительной - цивилизации не менее важная ценность - договор, "скромная этика контракта", умение вступать в договорные отношения, то есть интересы предъявлять, складывать открыто, не манипулируя друг другом, а пытаюсь показать, что я ему принесу максимум пользы, в надежде, что и он принесет мне максимум пользы.

Разве в этом случае нельзя честно демонстрировать свои притязания (не опасаясь, как посторонние воспримут это соглашение, что они будут завидовать, подозревать) и вообще не бояться говорить о том, что человек стремится к успеху?

Разве нельзя весьма серьезно предположить, что новое поколение, фактически - поколение людей 21-го века, поколение, которое на территории России догоняет ту цивилизацию, которая ушла вперед, - выберет ценности этой цивилизации? А очень важная ее ценность - способности к самостоятельному выбору и признание права такого выбора за другими, умение согласовывать свой выбор с выбором других людей?

Итак, услышав, поняв и признав опасение в том, что стремиться к успеху - значит "прогибаться" или "прогибать" других, оценив реальность этого опасения, предстоит отреагировать и на соответствующие возражения?

С.Сарычев. И меня зацепила фраза "Успех - приспособление". Каким же образом "приспособился", допустим, Детский центр, в котором работает С.Пономарев, если рассматривать его работу и ее результаты как успех?

С.Пономарев. Возьмем пример из работы лагеря. Проводим мы, допустим, какие-то мероприятия. И от нас вышестоящее начальство требует: все должно быть сделано красочно, цивильно, классно. Значит, мы должны сориентироваться на

успех. Вроде бы все нормально? Но в процессе этой деятельности мы напрягаем детей, нас напрягает начальство, а эффект? Удовольствия, радости - никакой, ни детям, ни вожатым.

С.Сарычев. Ты уже пять лет проработал и прекрасно знаешь, что в памяти как раз и остаются такие красивые мероприятия, как, например, гала-концерт в завершении смены. И они будут об этом долго вспоминать, так ведь? И поэтому ты стремишься, чтобы это прошло, не буду говорить - успешно, а скажу - хорошо, красиво, запоминающе.

Н.Западнава. С. Сарычев говорит о том, что, во-первых, люди по-разному воспринимают само понятие "успех", а, во-вторых, его технологию - как к нему прийти. И он считает, что "высшее руководство", говоря директору лагеря, что мероприятие должно быть красочным, нарушает эту технологию - эта технология должна быть иной. Я с ним не спорю, что она может быть иной.

С.Сарычев. Для меня "технология" - дело второе, а резануло: "Успех - приспособление".

Н.Западнава. Итак, говоря об успехе, мы подошли к тому, что у успеха есть своя определенная технология. Я могу понять и себя в данной ситуации, когда я давя на руководство лагеря, и я могу понять одновременно их самих.

Каждый человек, который стремится к успеху, видит перед собой лесенку. Допустим, Пономарев и Куриленко работали, работали в той же "Ребячьей республике", наработали определенный опыт. В отличие от тех ребят, которые приходят к нам в этом году. Куриленко и Пономарев дошли до той самой ступеньки, когда им нужно делать свою программу, и делать ее таким образом, как они сами понимают. И под эту программу подбирать людей. Но и действующая программа "Ребячьей республики" хорошая, - дети приезжают и радуются. Куриленко с Пономаревым эту программу переросли, и ситуация проста: не проблема приспособления, а нормальная болезнь роста.

Центр прикладной этики. Чтобы не заикнуться, уточним еще раз причину опасения С.Пономарева перед феноменом успеха и отождествления его с приспособлением, причем в негативном смысле этого слова. Это опасения перед бюрократическими критериями успеха. Если над вами бюрократы, то у них есть свои критерии успеха, в том числе - показательные, наглядные, внешне различимые, которыми можно отчитаться, которые можно предъявить, чтобы потом получить славу, финансирование. Именно поэтому он бы не хотел ориентироваться на успех, - иначе в погоне за внешними его показателями, в том числе, за одобрением по бюрократическим критериям (противопоставляя их творческим), можно потерять саму природу, дух того, что он делает.

С.Сарычев. Фактически мы сейчас начинаем слово "успех" делить на такие два разных смысла, как успех с официальной точки зрения, например, с точки зрения чиновников, и успех в его человеческом восприятии, в том числе, в понимании творческого человека. И я в этом согласен с С.Пономаревым.

Ведь, например, деятельность самого нашего Комитета, которая в последнее время оказалась на виду, начинает служить для нас не очень хорошую службу. Сами наши успехи вызывают зачастую такую реакцию: "высочки, - это всех касается здесь сидящих, независимо от возраста, - умудрились или приспособиться или еще как-то, но нас, мудрых, которые работают 10-15-20 лет, обскакали". А понять, почему "обскакали", не хотят.

Н.Западнава. На первом этапе нашей деятельности у нас была одна-единственная цель - выжить. Мы искали технологию выживания, а сложилась... молодежная политика.

С.Сарычев. Мы знаем, что надо сделать, какую запустить технологию, какой механизм, чтобы конечном итоге был хороший результат, успешный результат. Другое дело, что есть некоторые вещи, которые нам мешают это делать.

Н.Западнава. Так вот здесь как раз и возникает то самое, о чем говорил С.Пономарев, - успех и приспособление. Понимаете, хотим мы или не хотим, но, ища выход из того или иного положения, мы все равно приспособляемся к чему-то, к кому-то, доказываем, рассказываем, доходим, объезжаем...

Центр прикладной этики. Две реплики в завершение первого из цикла наших практикумов.

Пытаясь опыт каждого участника практикума примерить к теме "Новое поколение выбирает успех?" - мы не всегда различали два аспекта. Первый - как сориентировать на ценность успеха тех, с кем мы работаем, т.е. само молодое поколение. Второй - как при этом оценить ориентацию на успех - или отказ от нее - в деятельности тех, кто реализует молодежную политику, в деятельности администраторов, чиновников, лидеров молодежных структур. Различить и соотнести эти аспекты - особая задача, решение которой нам предстоит продолжить.

И замечание по поводу полемики в последней части практикума. Обсуждая острую тему "успех-приспособление" стоит иметь в виду, что стремление к успеху предполагает как способность приспособливаться, так и способность выходить за рамки. Вспомним у В. Высоцкого "Охоту на волков": тот из волков, кто приспособился, погиб, а тот, кто перепрыгнул через флажки, тот только и спасся.

В.И.Бакштановский. Я хочу предложить Вам проект, или программу, которая бы помогла как объектам, с которыми Вы

работаете, то есть самому новому поколению, так и тем, кто осуществляет молодежную политику, то есть Вам, проявить действительное понимание того, что такое новое поколение. Условное название этого проекта, которым я хочу заинтересовать областной Комитет, окружной и т.д., - "Школа российского президентства - новый курс". Откуда взялась идея этого проекта? Когда Вы посмотрите пятый выпуск Вестника "Этика успеха", то увидите, что он посвящен теме "Российское президентство". Мы начали пытаться размышлять на тему, которая вроде бы очевидна, - что это за современная Россия с точки зрения феномена российского президентства. Освоив эту тему, неожиданную для авторов этого журнала и для читателей, поняли, что мы отнеслись к теме российского президентства статистически, исследовательски, а ведь страна ждет сейчас обновления российского президентства, она ждет сейчас нового курса, безотносительно к персоне, будет ли обновлением заниматься нынешний президент, если он на это способен, или обязательно новый курс должен быть связан с именем новой персоны. Но в принципе, страна, которая сейчас выстроена и очень сильно зависит в своем реформаторском развитии от президентства, эта страна не может не быть озабочена, и она это демонстрирует, новым курсом президентства. Но что такое - новый курс? И вот здесь то, что мы сегодня обсуждали, как мне кажется, тесно связано с пониманием нового курса у страны и нового курса российского президентства. Что нового в президентстве, а тем самым в развитии страны хотело бы видеть новое поколение? Еще раз, не просто молодежь, а новое поколение, что оно хотело бы видеть нового в развитии страны и в развитии такой динамической силы, как российское президентство? И к кому должна быть обращена некая президентская, то есть государственная политика? Ко всем, ко всей стране, ко всем социальным группам, ко всем возрастам? Или, прежде всего, к новому поколению, к новым поколениям? Второй вопрос из этого же набора: новый курс - это попытка культивировать в стране те ценности, которые связаны с понятием "нового поколения"? Или новый курс опять всеяден? И рассчитан на старых, молодых, больных, здоровых, успешных, неуспешных и т.д.? Какими ценностями может привлечь к себе страну новая политика, новый курс? Какие ценности будут поддержаны, ради каких ценностей можно еще раз терпеть очередной реформаторский рывок? И последний вопрос: если вдруг некий новый курс страны, новый курс президентства связан с новым поколением, как мне кажется, то означает ли это инициирование новой конфронтации в обществе, когда ценности нового поколения будут выступать тоталитарными по отношению ко всем, кто их не принимал, кто не успевает на паровоз и т.д. То есть, это своеобразный тест для нового поколения и для политиков, которые осуществляют молодежную

политику. Это концентрация темы через, может быть, нелюбимую кем-то из Вас саму политическую проблематику. Это намеренное политизирование того молодежного движения, которое, может быть, "наелось" политики и хотело бы остаться в стороне, пусть разбираются, дерутся другие, но тогда это (мой тезис) - не новое поколение, это просто молодежь. А если это новое поколение, то оно хочет найти свое место в обществе, а найти свое место в обществе - это фактически сделать общество адекватным новому поколению. Это идеология. А теперь форма. Я тут упоминал Сагалаева. Сагалаев, если Вы следите за ТВ-6, вернул "12-ый этаж", в программе "В мире людей". Она рассчитана на всю молодежь, а намеренные у них рамки: 13-17 лет. Они пытаются обсуждать современный мир, что там происходит с ними, свое место в этом мире, пока там, особенно методики, "12-го этажа" нет. Как-то они еще к ней не пришли. Но я хотел бы предложить Сагалаеву, а сначала Вам идею о том, чтобы в Тюмени, среди этого возрастного режима, для школьников, поиграть в "Школу российского президентства". Попытаться предложить школьникам произвести в игровом режиме выборы президента с программой нового курса, которую они хотели бы заявить от своего имени. Как школьники будут взаимодействовать с более старшими поколениями? Я хочу, как всегда, в режиме игрового моделирования опередить то, что предстоит всей стране, от чего не уклонится, почти не уклонится, молодежь. И, может быть, от чего и не надо уклоняться комитетам по делам молодежи, в том числе и тем программам, которые у них идут. Мы не обсуждаем сейчас сценарные версии того, а как бы это могло происходить. Будет ли это в виде уроков, которые поведут два тюменских писателя - Ермакова и Жаров, может быть, это они такие уроки будут вести. Может быть, мы сами какой-то команде придумаем такие уроки и потащим их в школе, или это будет вообще не в стенах школы, а в стенах условной школы - на тюменском телевидении, Ханты-Мансийском телевидении, или, может быть, мы сразу побежим к Сагалаеву, не попробовав здесь? Я берег эту тему к концу семинара, мне кажется, что это та экстремалка, в которой наши рассуждения до обеда и после обеда себя проявят. Это еще не заявка, а вопрос к проблеме: является ли одним из предметов молодежной политики забота о том, как новое поколение завоевывает свое место в этом мире? А если завоевывает свое место, то может ли оно завоевывать просто в "школе выживания" или в лагерной республике, не будучи причастным в учебной форме к пониманию того, что ждет страну, и как на это можно повлиять? Освоить то, что все равно придет к ним, но освоить заранее в модельных условиях?

Н.Западнава. Но мне, например, этот проект очень интересен. У американцев есть очень интересная игра, она называется "Одиссея разума". Эту игру начинает и заканчивает

президент. Президент обращается к детям, заранее разработав для каждого возраста круг проблем, и предлагает им поразмышлять над проблемами и предложить их решение в виде проектов. Дети, участвующие в этой игре, заносятся в банк данных, но вместе с тем при помощи этой игры американцы формируют много, много разных качеств, которые так необходимы сегодняшним россиянам, которым жить завтра, послезавтра. Меня, например, интересовало бы что-то подобное.

В.И.Бакитановский. Я специально обострил внимание не на поколения молодых избирателей, я обострил ситуацию предстоящих выборов, но не очевидным аргументом пользы, на которую все бы сейчас клюнули, а вроде бы на тех, кому это пока "до лампочки" - 13 - 17 -летним.

Н.Западнава. Я-то говорила с точки зрения проблем, которые у нас есть в регионе, которые мы сегодня обсуждали, с точки зрения успеха. Я просто думаю, что молодым людям сегодня есть что сказать.

В.И.Бакитановский. Одна из возможных интриг могла бы заключаться в том, что здесь работали бы три субъекта Тюменской области, то ли выдвигая каждый свой проект нового курса президентства, то ли, что идеальный вариант, согласовывая общий курс, который был бы предъявлен от всей Тюменской области с входящими в нее субъектами. Это и есть способ согласования интересов субъектов через будущие поколения, то есть здесь была бы регионалистская тематика, и не навязчивая.

Н.Западнава. Я считаю, что это немаловажный момент не только для нас с определенной абсолютно позиции, с определенной точки зрения, но это немаловажный фактор для тех, кто сегодня стоит у власти, потому что это дает возможность посмотреть на того, иного или третьего человека, который возглавляет тот или иной субъект федерации, с неожиданной стороны.

С.М.Сарычев. У меня свои аргументы, почему эта идея тяжелая. Дело в том, что сегодняшняя молодежь, вернее, есть аргументы, убеждающие в том, что власти сегодняшние вообще пока на эту тему не обращают внимания. Вроде бы формально есть президентский указ о первоочередных мерах в области государственной молодежной политики, вроде бы есть постановления на эту тему, есть вроде бы государственный комитет и есть продекларированные другие документы, но я предъявляю большой счет этому. Во-первых, речь идет о финансовых шагах государства в отношении этой категории граждан.

В.И.Бакитановский. Мне кажется, Вы сейчас называете аргументы в пользу инициирования такого проекта, потому что, ну и наплевать на них, наоборот, это мотив дополнительный.

С.М.Сарычев. Мы могли бы у нас в Тюменской области с учетом именно того, что у нас три субъекта федерации и есть еще необычные самостоятельные города, которые признают вообще только Москву, - это как раз модель всей России - поэтому в это дело поиграть... Другое дело, наша с Вами задача придумать хорошую, удобную, понятную для вот этой категории форму.

В.И.Бахитановский. За формой дело не станет, если мы увидим, что это насущная проблема - только для кого? Одно дело выработать сейчас некий новый курс и послать его туда в Москву, которая в очередной раз "наплюет", или тут важнее процесс, о котором говорили коллеги, когда сама деятельность важнее прогнозируемого результата: осознание того, что если я хочу считать себя новым поколением, то осознание того, что я могу участвовать в выработке курса и примерять себя к этому процессу выработки, - мне это кажется важнее, чем какие-то платформы, которые можно будет послать, - и здесь как раз игра самоценна. Потому что, даже если этот результат нигде не привьется, ну и бог с ним, - это не проектная игра, а скорее воспитательная.

Н.Западнава. Я хочу, чтобы это имело свое логическое начало и свой логический конец. Я говорю о конце игры, вот я знаю, как она заканчивается у американцев, у них есть специальная статистика, куда потом попадают эти люди, и как используют их интеллектуальный потенциал. К тем советам, которые будут даны, Рокецкий, Филипенко и прочие собираются прислушиваться, или мы поиграем и все?

В.И.Бахитановский. Политологи говорят, что настоящая демократия становится тогда, когда состоятся третьи выборы, вот тогда можно будет сказать, что демократия в России стала на ноги, я предлагаю проект, который работает не на летние выборы, а на следующие. И тогда 13-летние, которые сегодня будут играть, к следующим выборам будут уже избирателями.

Я предлагал подумать на эту тему исходя из двух целей. Первая цель заключалась в том, чтобы посмотреть, а мы целый день убили на то, чтобы посмотреть, что такое новое поколение, и выбирает ли оно успех, готовы ли мы на него более активно воздействовать в отношении к этой ценности, ибо если мы хотим поддерживать те группы, слои молодежи, которые для себя успех выбрали, то мы просто обязаны помочь им задуматься, - что такое новое поколение и может ли оно, не обеспечив себе условий, состояться в этой жизни. Поэтому я забегал специально на 13-17 лет, чтобы уйти от апатичного отношения к сегодняшним выборам. Более того, то, что Вы сейчас говорили, это дополнительная мотивация, чтобы через 5 лет не повторилась сегодняшняя реакция отторжения молодежи от реальных выборов, вот сейчас, забегая на 5 лет вперед. Вот это и есть самоотверженность - работа на будущее.

**Центр прикладной этики -
Тюменский городской педагогический колледж N 2
УТРО ПОСЛЕ ВЫПУСКА:
ОПЫТ ИГРОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
МОРАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УСПЕХА**

Центр прикладной этики в рамках программы "Этика успеха" инициировал проект "Этика педагогического успеха", включающий теоретическое исследование, социо-культурологические опросы экспертов по этической проблематике, разработку учебного курса и экспертно-консультативную деятельность в режиме игрового моделирования ("модельные практикумы"). На первом этапе реализации проекта - 1994-1995 гг. - его полигоном являлся Педагогический колледж N 2 города Тюмени (директор - К.А. Бакланова).

В статье представлены результаты двухлетнего опыта проведения экспертно-консультативных практикумов. Для описания базового сценария практикума выбрана версия лишь одной из игр цикла (учебный год предполагал три игры: до практики, после практики и собственно перед выпуском).

Статья подготовлена авторским коллективом в составе: В.Е.Афанасович, К.А.Бакланова, В.И.Бакштановский, М.В.Богданова, Н.В.Колотова, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов.

**1. Этосфера педагогического успеха:
концептуальный замысел**

Весь цивилизованный мир переживает сегодня глубинный кризис образовательно-воспитательной деятельности. Меняются не только учебные предметы (по набору и содержанию), методы трансляции знаний и способов мышления, педагогические технологии и т.д., но и вся модернистская философско-образовательная парадигма.

По географической параллели этот глобальный социо-педагогический процесс варьируется весьма слабо, зато он принципиально изменчив в соответствии с географической долготой. Достаточно сравнения в этом отношении ситуаций, например, в России и в США. В этих двух странах общая потребность - ускоренное культивирование ценности успеха в образовательно-воспитательной деятельности, но причины необходимости такого ускорения различны.

В США этническая пестрота школы делает все более усложненной задачу культивирования этической нормы успеха, -

нависает угроза культурной идентичности Америки. При этом очевидна немислимость возрождения этосной чистоты американской образовательной культуры в условиях глобального поворота цивилизации к культуре постмодернизма, отрицающей традиционные интерпретации личности, ее успеха и общества.

России же еще только предстоит поймать свою жар-птицу, Российскую Мечту, - исконную идентичность она во многом утратила в результате тоталитарного режима. Российской Надежде предстоит обрести новый социо-культурный статус, способствующий солидарности общества, адекватный формирующемуся новому образовательному этосу. Но и здесь не уйти от глобализма, не укрыться, пусть даже и на американский манер, в педагогическом изоляционизме.

На рубеже третьего тысячелетия формируются новые признаки и стандарты успеха - как универсальной категории, так и образовательной установки (нормы). Риск и ответственность, умеренность победителя и стоицизм проигравшего, скромная этика контракта, призвание и рутина профессионального долга, моральные абсолюты и правила честной игры. Список этот можно продолжать, основное в нем - совпадение культуры образовательного сообщества и транслируемой ученикам культуры успеха.

Педагогические меридианы на стыке веков - например, симбиоз Американской Мечты и Российской Надежды - создают новое этическое поле, выходящее за узкие рамки школы. Совершается своего рода тотальная педагогизация общества, предельно повышающая моральный риск и этическую ответственность *школы успеха*.

Школа успеха масштабнее "школьного" успеха, простого привития детям в образовательном учреждении навыков успешного действия. Она, во-первых, осуществляет профилактику гипертрофированного педагогического технологизма, в том числе и в обучении успешным действиям, во-вторых, морально оказывает сопротивление педагогическому утопизму и романтизму (гиперэтнизация педагогики). Так понимаемая *школа успеха* открывает новую эру в истории человечества, эру *этосферы*, призванной синтезировать общенациональное и региональное, универсальное и единичное, культурные, в том числе и образовательные, традиции и глобальные инновационные тенденции.

Школой успеха иницируются новые педагогические потребности в профессиональной подготовке и переподготовке самих учителей. Среди таких потребностей уже сейчас вырисовываются контуры новых образовательных дисциплин, педагогических колледжей и университетов XXI века - педагогика этосферы, ценность детства и права ребенка,

жизненный путь человека как искусство жизни, правила честной игры: от гражданина мира - к патриоту Земли и т.п.

Уловить существующие культурно-образовательные тенденции в нашей стране (и на разных "педагогических меридианах") во имя обратного на эти тенденции воздействия - главная цель нашего проекта. Экспериментальной базой и эмпирическим полем отечественного - внутрироссийского - эксперимента является Тюменский городской педагогический колледж N2. Эта инновационная институция оптимально выступает в многофункциональном статусе - и как объект исследования (студенческой аудитории и педагогического сообщества, корпорации), и как модельный полигон разыгрывания разнообразных социо-педагогических и культурно-образовательных программ, и как субъект сценирования этико-образовательных проектов. Впоследствии, уже в новом качестве - как субъект культурно-образовательного взаимообмена и взаимообогащения между разными этическими меридианами.

2. Идеология экспертно-консультативного практикума "Утро после выпуска"

Этика и этос педагогического успеха - предмет специфического этико-прикладного исследования, в котором приоритетна экспертно-консультативная функция научного знания. Этика, разумеется, прежде всего должна описать педагогический - образовательно-воспитательный - этос, представляющий собой в своей сути усиленные, сверхнормативные требования, предъявляемые к некоторым социокультурным практикам (подразумевается добровольное принятие таких требований, благодаря чему данные практики возвышаются, пусть даже незначительно, над уровнем повседневности).

С Нового времени этос связан с профессиями, и профессиональная этика сосуществует с особым укладом, строем жизнедеятельности. Воспитательная деятельность, например, независимо от того, где она протекает, представляет собой известное сочетание профессиональных и непрофессиональных начал, а потому регулятивами в ней выступают как профессиональная педагогическая этика, так и нечто более широкое - воспитательный этос в целом.

Наряду с мессианизмом той или иной деятельности, этос нацелен на выявление границ, пределов власти над людьми, той власти, что возникает в ходе той или иной деятельности. Он ограничивает полноту власти над человеком, которой, например, обладает воспитатель над воспитанником, учитель - над учеником, менеджер - над подчиненными. Тем самым этос меняет всю конфигурацию власти в современном обществе, снимает зависимость Лица от Другого, преодолевает патерна-

листскую модель отношений между ними, открывает пространство для власти тех, кто лишен властных функций в силу различий в видах деятельности.

В определенных ситуациях происходит расшатывание норм и ценностей этоса, что приводит к нарушению устойчивости процесса социального наследования. Возникает кризис в образовательно-воспитательной деятельности, в ее регуляции накапливаются продукты распада, и тогда формируется "патос" воспитания.

Прикладная этика, естественно, не просто описывает это событийно; она идет дальше, стремясь "вторгнуться" в этос, произвести в нем желательные перемены. Инструментами такого "вторжения" оказываются все формы мировоззренческого влияния (убеждение, нормативная пропаганда, критика нравов и т.п.) и соучастие в организационно-управленческом руководстве образовательно-воспитательными процессами, предоставление последнему регулятивных идей, экспертно-консультативных "услуг". Которые, разумеется, ориентированы прежде всего на интересы "клиента" и призваны реализовать не столько интересы ученых, сколько интересы педагогической корпорации.

Что такое "педагогический успех"? - один из наиболее сложных вопросов "успехологического" дискурса. Причем эта сложность происходит, как кажется, не столько из-за запутанности критериев педагогического успеха, сколько из-за многообразия вариантов ценностно-философского понимания природы, целей и культурных смыслов педагогической деятельности.

Нормативно ли, в педагогическом смысле понятия, культивирование установки на успех у школьников, или эта воспитательная цель не реализуема из-за сопротивления учительской среды, государственной образовательной системы, одобренных, в свою очередь, принципиальными соображениями социально-философского плана?

"Не успехом единым жив человек" - так можно было бы перефразировать известную библейскую максиму. И это кажется очевидным. А раз это так, то как можно ставить эту воспитательную цель во главу угла всей педагогической телеологии? Вопрос, казалось бы, риторический. Но разве кто-либо будет серьезно возражать против того, что именно в школе у ребенка закладываются основы его жизненного мировоззрения, а если мы готовим отныне личность, готовую не просто к выживанию, но и преуспеванию в условиях рынка, личность в определенном смысле конкурентоспособную, то где еще, как не в школе, необходимо культивировать в личности установку на успех?

Российское общество в своей многовековой истории не продемонстрировало глубоко укорененной культурной традиции стремления к индивидуальному успеху. Так что и в этом мы обнаруживаем серьезное противоречие нашему желанию

воспитывать в школе личность, ориентированную на успех. Впрочем, историческая неизбежность самореформирования общества так или иначе подталкивает и теоретика, и практика воспитательного процесса к "опережающему" воздействию на личность следующего поколения. Возможно, именно в этом конфликтном ценностном пространстве будет формироваться идентично российская модель установки на успех и, соответственно, культивироваться в сегодняшней школьной среде?

Все эти вопросы для своего решения требуют постановки задачи о выборе исследовательского объекта рефлексии идентичной модели педагогического успеха, в том числе и с целью обратного воспитательного воздействия на него.

Проблематика этики педагогического успеха предстает здесь прежде всего с точки зрения *модельной* - в режиме игрового моделирования - экспертизы (диагноз и прогноз по результатам деятельности в *условных* обстоятельствах) готовности завтрашних *выпускников* колледжа к освоению своего будущего. Успех в адаптации к новой деятельности, зависимость успеха (неуспеха) в освоении будущего от (а) педагогического этоса, "впитанного" в колледже, и (б) от меры сформированности способности выбирать среди новых образовательных альтернатив - *предмет* предлагаемой экспертизы.

Развитость (или ее отсутствие) ценностной ориентации на успех в собственной профессиональной деятельности, стремление к формированию такой ориентации (или его отсутствие) у своих будущих учеников, восприятие своего выпуска как сообщества, команды, способной поддержать каждого своего члена в столкновении с будущим, в том числе - с другими системами педагогических ценностей, складывание предпосылок корпоративного этоса успеха - и предмет, и *результат* экспертно-консультативного Практикума.

Цель серии Практикумов заключается в моделировании процесса профессионально-нравственного самоопределения будущих выпускников колледжа к социо-педагогической практике, которую они "встретят" сразу после распределения. Критерий оценки каждого из сценируемых вариантов практики - содержащийся в нем позитивный или негативный потенциал ценности педагогического успеха.

Метод - практикум в режиме игрового футурошока как способ диагностического и прогностического испытания готовности человека к встрече с будущим, его способности к самоопределению относительно различных сценариев будущего, творимых человеческими решениями и поступками. *Модельность предлагаемых для проживания ситуаций и обстоятельств, последовательное развитие заданий, активная рефлексия силами студентов и педагогов - условия создания своеобразной игровой этосферы, экспертного этико-педагогического форума.*

Социо-педагогический эксперимент с будущими выпускниками предполагает предъявление им задачи игрового проживания стратегии своего профессионального успеха (скорее, с точки зрения философии образования, чем с точки зрения конкретных педагогических технологий) применительно к школам разного типа.

Испытание степени готовности выпускного курса к самостоятельному выбору в сфере образовательной практики реализуется через набор *деятельностных экспериментов* (конкретное проживание будущими выпускниками колледжа ситуаций выбора тех или иных социо-педагогических ориентаций). *Сценарное* оформление серии практикумов предполагает предоставление каждому участнику возможности освоить многообразие современной образовательной деятельности через его "примеривание на себя". Для этого сценарно создаются *необычные* для студентов колледжа обстоятельства. Два вида таких обстоятельств организуют два этапа адаптации выпускника к школе: обстоятельства адаптации *новичка* к организации и *педколлективу*, во-первых, и адаптация к разным социо-педагогическим практикам - во-вторых.

Ожидаемые трудности в реализации *игровой* природы Практикума. Во-первых, захотят ли и смогут ли участники Практикума отождествить себя со своим колледжем, с педагогической профессией, с миссией выпускника? Во-вторых, не продемонстрируют ли они высокую культуру "двойного стандарта", не идентифицируя внутренне свой жизненный и профессиональный выбор с тем *выбором моральным*, идея которого заложена в экспертизу, и *лишь* "подыгрывая" - и наивным исследователям, и ожиданиям своего начальства? Тогда *игра* выродится в "игрушку", в фальшивку, в симуляцию с помощью легко надеваемых масок.

3. Результаты этико-культурологического интервьюирования

В процессе подготовки Практикумов проводилось интервьюирование его будущих участников. Студентам выпускного курса предлагалось отнестись к некоторым принципам педагогической деятельности, сформулированным в виде альтернативных суждений. Каждому суждению соответствовало три типа отношения к нему: первый тип проявлял ориентацию на "традиционную школу", второй тип являл собой ориентацию, содержащую элементы как "традиционной", так и "альтернативной" школ, третий - соответствовал ориентации на "альтернативную школу". Следует отметить, что логика построения интервью предусматривала постепенный переход от концептуальных формулировок философии образования к принципам, определяющим технологию педагогической деятельности.

В процессе интервьюирования проявилась характерная динамика: если в начале беседы с выпускником выбор отношения к предложенным суждениям не вызывал особых затруднений, то по мере продвижения к середине, и, тем более, к финалу интервью выбор оказывался все более затрудненным: выпускники стали задавать вопросы, не возникавшие на первом этапе интервью ("отвечать, как я лично думаю, или как есть?").

Трудность для участников интервью, по нашему мнению, заключалась уже в самой попытке студента свести свою личностную позицию с нормами, наблюдаемыми им в реальной педагогической деятельности. Причем, как нам показалось (об этом говорили и сами интервьюируемые), личностная позиция во многом складывалась из опыта участия выпускника в реальном педагогическом процессе в качестве ученика, а декларируемые нормы педагогической деятельности были познаны через участие выпускника в педагогическом процессе в качестве учителя-практиканта. Эти источники многих суждений в финале интервью - в отличие от открытой личной позиции в начале опроса - легко угадать по таким, например, комментариям студентов выпускного курса: "...как нам говорит наш учитель, есть то, что вы хотите, но есть и то, что надо"; "...нельзя идти на поводу у детей"; "...оценка всегда была принята, а решать на что ее заменить - не нам решать".

Подчеркнем, что результаты интервьюирования показывают внутреннюю конфликтность философии и идеологии педагогических изменений. Готовность студента выпускного курса к "новому" философскому переосмыслению педагогической деятельности сталкивается с его же собственной неготовностью к переосмыслению наличного "арсенала" педагогических постулатов. Глубоко в сознании студента заложена потребность в сохранении status quo - власти учителя над ребенком. Является ли эта потребность воспроизведением той среды, в которой учится завтрашний выпускник, или она порождена той доминирующей педагогической философией, которая характерна сегодня для нашего общества - вне зависимости от "альтернативной" или "традиционной" направленности этой философии?

Материалы опроса показывают, что ориентированный на ценность успеха студент выпускного курса чаще всего является личностью, находящейся в состоянии сильных идеологических колебаний. Гуманизировать школу? Перенести проблемы ребенка в центр своей педагогической деятельности? Эти и им подобные философско-педагогические искания часто сочетаются в ответах выпускников с риторической формулой "пока еще не обойтись" - как в отношении авторитарного стиля учителя, так и в отношении традиционного распорядка жизни любого педагогического учреждения.

Потенциал перспективного конфликта просматривается и в столкновении достаточно распространенной среди интервьюируемых установки на новаторство (изменения), с одной стороны, с достаточно фундаментальным ценностным одобрением "святая святых" школьного традиционализма (класс - порядок - отметка) - с другой. При этом отличия между интервьюируемыми носят скорее психологический характер. Зато как субъекты педагогической деятельности (пусть даже и не окончательно сформированные) студенты выпускного курса стоят "разными ногами" в разных педагогических мирах.

Естественно, что незримым результатом интервьюирования являлось введение будущих участников Практикума в его проблематику, возможность для авторов сценария предположить вероятное разделение команд, запуск рефлексивного процесса по теме Практикума, фиксирование исходной позиции выпускника для организации ее экспертизы и консультирования.

4. Анализ события: алгоритм игровой деятельности и степень транзитивности результатов

На входе в зал участников Практикума ждал макет сказочного придорожного камня с надписями: "Направо пойдешь...".

Исходное состояние игрового поля представлено шестью секторами: "Группа 481", "Группа 482" - студенты выпускного курса в привычном для них делении на учебные группы; "Консалтинговая фирма" - преподаватели колледжа, "Ведущие" - сотрудники Центра прикладной этики, а так же "Пресс-центр" и "Орггруппа".

4.1. Об "основном вопросе" анализа, или аналитики между "гамлетизмом" и "донкихотством".

Исследователи игровой методологии давно уже заметили две особенности анализа любой гуманитарной игры. Во-первых, отсутствие общепринятого языка описания процесса и итогов игровой деятельности. Во-вторых, невозможность определения итогов личностного развития участников, не зафиксированного никакими наглядными результатами.

В играх с концентрированным этическим содержанием необходимо отметить и третью особенность, связанную с кодексом этико-прикладного эксперимента. Участники игры ставят эксперимент на самих себе, и уже потому их психика может не справиться с неожиданным для себя самого собственным образом, "открывшимся" в игровом зеркале, - уже из сказок они помнят "ты прекрасна, спору нет, но на свете есть..." Кроме того, участники игрового моделирования подвергаются еще и значительному моральному риску, - в ситуации гиперсвободы, порождаемой игровой деятельностью, они открывают себя друг другу больше, чем это принято в

реальной педагогической практике, и потому могут оказаться в значительной степени беззащитными в послеигровой реальности. И дело авторов игры не просто выразить благодарность всем, рискнувшим собой, но и защитить их: (а) друг от друга, (б) от вполне вероятной рационалистической беспощадности самих аналитиков.

Основной вопрос, организующий "анализ события", - тот же, что ставился в качестве основного во время итоговой коллективной рефлексии участников Практикума. Его проблемность мы обозначим здесь с помощью вопросительных знаков к двум "составляющим" в названии проекта: *НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ (?) УСПЕХ (?)* Показательно, что на итоговой рефлексии одного из практикумов кто-то из студентов спросил: "А зачем, все-таки, на входе в зал стоял макет придорожного камня с надписью-прогнозом "Направо пойдешь..."? Это еще одно основание для вопросительного знака после слова "выбирает", вопроса, проблематизирующего сам факт определенного предпочтения через акцентирование двух ипостасей акта выбора - "аффективность" и "взвешенность".

Вопросительный знак к слову "успех" служит, во-первых, самоограничением авторов проекта в аналитическом соблазне обвинить участников Практикума в забвении ключевого понятия. Было бы слишком наивным со стороны авторов предположить, что студенты выпускного курса сразу же заговорят на языке собственно проблемы педагогического успеха. И теория, и практика нашей школы лишь изредка "вспоминают" об этой проблеме. Известная нам на старте проекта русскоязычная библиография содержала всего две книги, из которых одна - переводная, а вторая - обобщение личного опыта. Не говорит ли сам этот факт об эмбриональном состоянии педагогической рефлексии в этой проблеме? Во-вторых, знак вопроса действительно означает наше исследовательское вопрошание, предполагающее аналитическое сомнение даже по поводу очевидных результатов игры. Сомнение, отражающее лишь постановочный этап исследовательской задачи, на котором сами авторы еще должны продвинуться в операционализации - говоря социологическим языком, или в конкретизации - говоря языком прикладной этики, понятия *успех* применительно к ситуациям педагогического самоопределения и к этосу педагогического успеха.

"...И вянет, как цветок, решимость наша в бесплодье умышленного тупика". Не позволяя себе впасть в "аналитический гамлетизм", предпочитая в этом случае скорее грех "донкихотства", выделим все же важнейшие аспекты основного вопроса, приоритетные для "анализа события": (а) "узнают" ли участники Практикума в своих собственных решениях и действиях, связанных с различными этапами игрового самоопределения,

проблему педагогического успеха - или же "растворят" и "утопят" ее в традиционных темах педагогики? (б) востребуем ли и студенты, и преподаватели, вовлекаемые в нестандартную ситуацию самоопределения, *собственно консультативную функцию знания и опыта, непосредственно характеризующую культуру выбора*, - или же продемонстрируют нигилизм молодости, с одной стороны, патернализм зрелости - с другой? (в) насколько осознанно участники Практикума обозначат смыслы своих ответов на игровые задания - обозначат, естественно, *вербально*.

4.2.1. На первом этапе алгоритма игры участникам Практикума было предложено определить свои предпочтения к одному из типов профессиональных педагогов, условно названных "люди порядка" и "люди игры". Предполагалось, что свое исходное положение на игровом поле, выражающее принадлежность к одной из учебных групп, участники изменят, создав новые команды - в соответствии с ответом на вопрос "с каким из этих двух типов учителей Вы предпочли бы сотрудничать в школе?". Этот первый из серии шагов самоопределения стимулировал - через его обоснование каждой из команд - позиционную рефлексию.

Характерно, что команда "Люди порядка" в своем тексте по результатам этого этапа дала, прежде всего, критику противоположной позиции. "Люди игры" воспринимались здесь как экспериментаторы с судьбами детей, не всегда предвидящие последствия отхода от "порядка", т.е. от правил, проверенных опытом и наукой. Позитивная аргументация своего выбора связана у этой группы с возможностью для "людей порядка" четко определить цель и способы достижения.

Команда "Люди игры" начала свой текст с акцентирования осознания рискованности позиции и готовности пойти на риск своей профессиональной репутацией, добрым именем - ради состояния радости от творчества, от необычности результатов эксперимента с детьми. Допуская возможность неудачи от нововведений, приводящую к статусу "белой вороны" в обществе и сообществе, участники команды выдвинули тезис: "Мы чтим традиционные правила, но суть педагогической работы заключается не в правилах, а в творческом подходе к ним".

Итак, формальное разделение на учебные группы было заменено личностным. При этом, как и предполагалось, разделение по позициям оказалось не совпадающим с разделением по учебным группам. В свою очередь, вновь образованные команды не столько определились к предложенным типам, сколько проявили доминирование либо критического, либо позитивного начала в рефлексии ситуации выбора.

4.2.2. Второй этап игрового самоопределения непосредственно опирался на материалы интервьюирования. Сфор-

мированный на предыдущем этапе состав команд должен был проэкспертировать два достаточно типичных образа выпускника (какими они "сложились" при обработке результатов интервью) с более или менее определенными педагогическими философиями. Условно эти типы были названы как "уверенный" и "колеблющийся".

Первая из "философий" соответствовала вполне традиционной школе, - признающей определенные, устоявшиеся педагогические принципы и правила, порядок и задания, необходимость оценок и наказаний. Вторая "философия" - в соответствии с ее условным названием - не была тождественной не только первой, но и так называемой альтернативной школе. Ее позиция в отношении порядка, заданий, оценок, приказаний и т.п. содержала характеристики "но и...", "однако..."

В соответствии с игровым алгоритмом самоопределения участникам практикума было предложено, во-первых, идентифицировать себя с этими типами; во-вторых, отметить, какой из них преобладает сейчас в тюменских школах; в-третьих, высказать свое мнение о том, смогут ли в одной школе ужиться два этих типа "философий" и, в-четвертых, определить, совпадает ли избранный ими тип с типом учителя, преобладающим в той школе, из которой студент пришел в колледж.

Работая в режиме "примеривание на себя", команда, ранее назвавшая себя "Люди порядка", "раскололась" на "уверенных" и "колеблющихся". Таким был итог "узнавания" себя в социологическом "зеркале". Работая в экспертном режиме, команда определила как преобладающий в тюменских школах тип "уверенных". Далее команда выдвинула предположение о том, что два указанных типа педагогических философий в одной школе сосуществовать автономно не смогут, т.к. при их взаимодействии образуется некий средний тип. Наконец, сопоставляя тип, преобладающий в школе, из которой пришли участники, с типом "философии", предпочитаемой ими самими, члены команды, называемой "Люди порядка", указали на несовпадение этих типов.

Команда "Люди игры" в социологическом "зеркале" себя не увидела ("не узнала"?) и попыталась нарисовать автопортрет методом гоголевской невесты. Это видно в самоназвании, вынесенном в заголовок отчетного (по этапу) текста команды - "Уверенно колеблющиеся". Работая в режиме "экспертизы экспертизы", команда попыталась объединить позиции по критерию разумности в реализации различных норм и принципов. Подчеркнем, что такое объединение трудно отличить от эклектического. Винаваты ли в этом - вряд ли планируемой командой - эффекте слабости метода снятия крайностей через "золотую середину" или же утопичность самой

попытки "совмещения" разных систем в одной школе? А возможность такого совмещения участники команды допускают, полагая, что каждая из этих систем может привести к педагогическому успеху. Прогноз на "уживаемость" с любым коллективом с точки зрения авторов отчетного текста команды - положительный.

Несомненно, что сам факт необходимости конкретизировать предпочтения, совершенные на первом этапе, продвинул рефлексию участников Практикума. Продвинул за счет акцентов на реальные технологии, в которых воплощаются педагогические философии. Показательна и сама попытка участников "экспертизы экспертиз" не просто избежать альтернативности, что уже было проявлено в процессе интервьюирования, но и спроектировать третью позицию самоопределения, обосновать ее и категорически на ней настаивать. И уж не может не радовать слух аналитиков первое упоминание ключевого слова - "успех".

Но только "упоминание", ибо за ним скрывалось нечто противоречивое - то, что было отмечено в анализе результатов интервьюирования: готовность к переосмыслению "философии" при стремлении лишь "перекомпоновать" все тот же старый арсенал технологии. Этап второй наглядно продемонстрировал остроту игровой ситуации, за которой стоит неотрефлексированность явного противоречия конвергентно настроенных участников Практикума. Видимо, "успехи" разных систем не дают в случае их арифметического сложения приращения успеха. Но сам факт весьма взвешенного самоопределения самоценен.

4.2.3. Третий этап алгоритма был, практически, прямо выведен на ключевые понятия темы этики педагогического успеха. В основе игрового задания - самоопределение к позициям и аргументам участников диалога "О Первом и Последнем в классе" - лежал одноименный текст С.Л.Соловейчика, написанный для Вестника "Этика успеха".

Суть позиции автора заключалась в проблематизации возможности для ученика быть одновременно успешным и - сохранять достоинство, ибо, по мнению автора, преуспевать в овладении знаниями без ущемления своего достоинства могут лишь 5 % учеников, способных к обучению, а остальные в той или иной мере приобретают знания лишь за счет террора оценки. Редко кому из учителей удается найти или изобрести технологии работы с Последними без принуждения, соединить Знания с Достоинством. Большинству приходится жертвовать либо одной из этих ценностей, либо - другой. И основная забота учителя - судьба Последнего в классе, а с Первым все в порядке.

Ведущие практикума разыграли между собой диалог, в котором модельно противостояли "Школа Успеха" и "Школа До-

стоинства", - именно в отношении к этим модельным позициям и предстояло определить свои предпочтения участникам Практикума. Вновь сформированным командам необходимо было найти ответы на три вопроса: (а) Почему Вам и Вашим партнерам по команде предпочтительна именно выбранная Вами "школа"? (б) Хотели бы Вы, чтобы Ваша школа была такой же? (в) Как Вы считаете, возможно ли совмещение принципов той и другой школы в одном классе?

Команда участников с условным названием "Школа Первых и Последних" аргументировала свое предпочтение прежде всего тем, что такое разделение объективно: способности у детей разные; от природы есть лидеры и ведомые; детям присущ дух соревновательности (причем часто Первый и Последний, с точки зрения учителя и учеников, меняются местами). Тем самым был фактически аргументирован и положительный ответ на второй вопрос этого игрового задания. Что касается вопроса о возможности "совмещения", положительный ответ был аргументирован возможностью в таком случае развивать способности каждого.

Команда участников "Школа без Первых и Последних" предложила моменты уточняющей аргументации. В отчетном тексте было отмечено, что искусственное - и раскалывающее класс - деление на Первых и Последних не должно подменять собой объективной разницы детей "способных" и "неспособных". Естественное разделение на "команду" и "лидера" также не должно трактоваться в понятиях Первого и Последнего.

Следует подчеркнуть, что обе команды "слегка испугались" встречи с проблемой, с ее очень рискованной для традиционной морали логикой. Открытому столкновению с реальной неразрешимостью (без потерь, в том числе и моральных) конфликта, атрибутивного для агональной культуры, обе команды предпочли смягчение конфликта с помощью уточняющих формулировок, "гуманизирующих" конкуренцию. Объективная острота проблемы от этого не исчезла. Разумеется, она не могла исчезнуть даже в результате сверхусилий участников Практикума и его организаторов, - это цивилизационный конфликт. Поэтому уже сама попытка поиска неконфронтационности во взаимодействии двух ценностных систем самоценна.

Анализ результатов работы над этим заданием позволил предположить, что в сценарии следующих Практикумов можно - и необходимо - включить более трудное задание : самоопределение к противостоящим концепциям внутри этики успеха, попытаться смоделировать для следующих Практикумов задание на проектирование норм как побуждающего, так и ограничивающего характера, которые только в своей целостности организуют подлинную этику успеха.

4.2.4. Следующий этап содержал задание, которое преломляло тему Практикума через необходимость самоопреде-

ления к двум педагогическим этосам, один из которых ("заповеди правой руки") выражал систему ценностей успешного, сильного, квалифицированного учителя традиционной советской школы, а другой ("заповеди левой руки") - систему ценностей учителя российского инновационного (альтернативного) движения. В предписании к заданию от участников требовалось: (а) усовершенствовать избранную ими систему и (б) попытаться найти в системе ценностей, избранной другой командой, правила, которые приемлемы и для них.

Первоначальный результат самоопределения не совпал с запланированным: практически все участники предпочли этос нетрадиционной школы. Ведущие попытались воздействовать на вновь сформированную команду, включающую практически весь выпускной курс, сначала чисто манипулятивно - лишь бы разделить ее, затем - содержательно, предложив отвечать сразу на второй вопрос задания. И "суперкоманда" разделилась. Выделившаяся команда поставила перед собой задачу моделирования "третьего этоса". В итоге обе команды отказались от альтернативного стиля педагогического этоса и смогли - как им казалось - осуществить конвергенцию.

Анализ итоговых текстов четвертого задания показывает, что и здесь - как и на этапе втором, и в процессе интервьюирования, - проявилось скорее всего основное противоречие модельной деятельности участников Практикума. Снова была предпринята попытка обреченного на эклектизм синтеза. В то же время морально-психологический аспект попытки самоценен настроением на неконфронтационность носителей разных педагогических этосов.

4.2.5. Пятый, последний, этап Практикума носил проективный характер. Его участникам, работающим в составе команд, сложившихся на предыдущем этапе, предстояло смоделировать свое "Утро после выпуска".

Три шага проектирования организовывали эту работу над "педагогической утопией". Сначала каждой команде необходимо было представить список проблем, с которыми, предположительно, они могут столкнуться в первые дни самостоятельной работы в школе. Далее, командам было предложено сформулировать в виде меморандума свои пожелания в адрес школ, в которых им предстоит работать после выпуска, используя метод "от противного" ("нам бы не хотелось, чтобы в этой школе...").

Для анализа итогов этапа самое важное - значительное совпадение результатов той и другой команды. В понимании проблем - "болевых точек" начального этапа профессиональной деятельности выпускника - это совпадение в таких задачах, как завоевание доверия у детей, право на эксперимент и творческую ошибку (риск?). В гранях образа идеальной школы - "не хотелось бы видеть в школе" разделение учителей на

"первых" и "последних", разрозненность коллектива, формализм "мероприятий".

Наконец, командам предстояло составить проект, содержащий программу идеальной школы - "на месте" той, в которую возвращается выпускник колледжа. Проектирование планировалось по следующим направлениям: (а) принципы взаимоотношений выпускника с педагогическим коллективом, руководством школы; (б) принципы, на которых должна строиться школа, если в ней учителя следуют разным педагогическим технологиям; (в) принципы взаимоотношений учителя с родителями его учеников.

По результатам работы команд над этим последним заданием была сформирована "Согласительная комиссия" для выработки "Меморандума", адресованного студентам следующих за выпускным курсов и школам, в которых участникам Практикума предстоит *реальное* "Утро после выпуска". В тексте этого обращения примечательны: принцип сотрудничества "новичков" и "стажистов", построенного на консультативной основе, - когда старшие ограничивают себя функцией консультантов и сами не стесняются учиться у начинающих педагогов; принцип договорного сосуществования взаимодействия носителей разных педагогических систем; принцип союзничества родителей и учителей во имя ответственности перед ребенком.

4.2.6. Особое внимание в анализе практикума следует уделить значению экспертной системы "Консалтинговая фирма".

Прежде всего, подчеркнем, что "команда преподавателей" вольно-невольно приняла на себя самую рискованную роль, отраженную в ее названии. Именно *роль*, ибо в анализе игровой деятельности этой команды речь идет только о моделируемом образе. Но ведь за ролью стояли реальные люди, и их психологические нагрузки на игре вряд ли уступали напряженности состояния студентов.

Подчеркнем далее, что один из самых острых конфликтов на игре сформировался там, где его, скорее всего, не ожидали ни студенты, ни преподаватели, - это был один из авторских "секретов", рассчитанный, разумеется, на самоотверженность педагогов и администрации, на их стратегическое видение в проблеме собственного педагогического успеха.

Речь идет о весьма удивительной (если это удивление не было имитировано самими педагогами) ситуации, в которой ориентированные на изменения студенты уклонились от сотрудничества с опытными педагогами, настойчиво предлагающими им минимизировать трудности поиска за счет известного педагогического опыта и знаний. Самое легкое объяснение - студенты избегали предлагаемого им патернализма, не зная (и не ожидая от своих учителей) о потенциале собственно консультативной функции педагогического знания. Но нельзя не задуматься над

более трудным объяснением: способны ли в принципе современная педагогическая теория и практика действовать именно в режиме консалтинга, обязательного применительно к проблеме успеха в условиях глобального изменения самой модели Успеха? Об этом - в следующем разделе, а здесь обратим внимание и на заметную ролевую динамику игровой деятельности учителей, и, что примечательно, на известную скоординированность действий представителей "фирмы" с представителями команд в составе "Согласительной комиссии".

5. Обобщающие выводы

В этом разделе мы попытаемся свести фрагментарные аналитические характеристики в целостный эскиз, выделяя черты проявленной на Практикуме модели педагогического успеха.

5.1. Можно ли, апеллируя к "молодому поколению" учителей, понять природу различных моделей педагогического успеха? Можно ли, прибегнув к "игровой" технологии, попытаться смоделировать сами модели в их чистом виде, попытаться их прожить, примериться к ним, спровоцировать коллективную рефлексию ценностного обоснования самих моделей? Наконец, можно ли всему комплексу этих проблем придать дидактический характер?

И, конкретнее, является ли сегодня Педагогический колледж той институцией, которая готовит личность, ориентированную на успех? Не является ли он институцией с функцией прямо противоположной, - не воспроизводит ли педагогический колледж всей своей деятельностью ригористическую систему педагогического властвования с выраженными авторитарными и догматическими установлениями? И какой - в этом варианте - эстафеты педагогической культуры можно ожидать от проходящего такую школу авторитарной подготовки выпускника, кроме той же самой, авторитарной? И где же тогда гордое и уверенное: "Новое поколение выбирает успех"?

Эти жесткие вопросы нельзя не задать ни на старте всего цикла экспертных практикумов, ни в финале первого, - анализируемого в этой статье, - из серии Практикумов. На наш взгляд, уже самые первые ответы, полученные в процессе анализа, дают возможность скорее отвести жестокие подозрения, чем поддержать их. Проживание в игровом режиме ситуаций начального этапа вхождения выпускника в профессию проявило две основных модели педагогического успеха, существующие в профессионально-нравственной культуре нового поколения педагогов.

5.2. Пытаясь выразить достаточно емко и с высокой степенью аппроксимации суть глобальной педагогической тенденции к изменению, возьмем на себя смелость предположить: мы являемся свидетелями формирования нового

- рефлексивного - типа субъекта педагогического успеха. Главное в нем заключается, во-первых, в отказе от принципа воспроизводства педагогических философий и педагогических технологий и, во-вторых, в отказе от принципа чисто бинарной оппозиционности традиционализма и инновационности в педагогике и жесткого следования той или иной системе.

"Рефлексирующий выпускник" - участник Практикума - не может сделать выбор старого образца, симулировать выбор на одном из двух полярных направлений; все предложенные на разных этапах алгоритма Практикума операционализации самоопределения выбора в "черно - белом" режиме не дали конструктивных результатов.

5.2.1. Возьмем, например, выбор между двумя типами: "Люди порядка" и "Люди игры". Казалось, для каждого из участников он был осуществлен с изначальной легкостью. Однако групповая рефлексия внутри образовавшихся команд возбудила общую потребность в серьезных коррективных характеристиках и первого, и второго типов и фактически привела к отказу от их полярности. Результат - смешанные (правда, по разным основаниям) типы, которые в силу своего синкретизма уже не отвечают исходной типологизации. Иными словами, новая модель успеха уходит от принятия этой полярности в профессиональной педагогической деятельности.

5.2.2. На том этапе алгоритма Практикума, который был посвящен диалогу о двух типах школы (класса), "выстроенных" относительно проблемы Первого и Последнего, обнаружен, по сути, тот же результат. При этом новая модель педагогического успеха больше озабочена фигурой учителя, чем ребенка, и школа без "первого" и "последнего" учителя вызвала куда более острые дискуссии, чем классификация учеников как "первого" и "последнего". Однако и во втором случае участник Практикума не выбирает свое отношение к такого рода квалификации в заданной логике, а лишь рефлектирует, чаще всего формулируя для себя смешанный тип приоритета: "чистые" версии двух типов школ (классов) не получили доминирующего внимания.

5.2.3. Выбор между ценностными основаниями традиционализма и новаторства ("заповеди...") проявил еще одну составляющую новой модели успеха - нежелание конфронтационности. Поскольку "рефлексирующий выпускник" (видимо, на следующих Практикумах стоит говорить уже о "рефлексирующем учителе", что более точно отражает ситуацию проживания "Утра *после* выпуска") ориентируется не столько на нормы педагогической практики, сколько на ценности педагогической философии, выбор в пользу этоса альтернативной школы был осуществлен практически всеми участниками с очевидной легкостью. Однако это был аффективный выбор: многие быстро от него отказались - ибо оба этоса надо было либо целиком принимать, либо целиком отвергнуть - и создали новую команду.

5.2.4. Проектировочный этап алгоритма показал доминирование новой - рефлексивной - модели успеха в игровом сообществе выпускников.

Проекты-утопии, если отвлечься от их редакционного оформления, во многом сходны и легко поддаются слиянию. Участники различались между собой скорее по индивидуальным психологическим чертам - по типу опасений и ожиданий от "Утра..." - и были похожи с точки зрения типа "рефлексивного выпускника".

5.3. Итак, формирующаяся рефлексивная модель педагогического успеха соответствует, очевидно, цивилизационным изменениям и отражает переходное состояние нашего общества. В ситуации превращения в массовое явление такая модель может привести к неожиданным результатам и в школе, и в обществе. Пока же она еще не зарекомендовала себя на педагогической арене и, возможно, не выдержит - по многим аспектам - конкуренции с авторитарной системой прошлого и педагогической гибкостью альтернативизма в настоящем.

Возвращаясь к обозначенным в начале этого раздела двум моделям педагогического успеха, отметим, что *первая* складывается из того, что выпускник видит перед глазами (реальная педагогическая деятельность в колледже) и слышит ушами ("гуманистическая педагогика", "новая школа", "новые технологии" и т.п.), а *вторая* - из того, что каждый выпускник предпочтет в "увиденном" и "услышанном", отрефлексирует и сформулирует как свой тип учительства, свой тип успеха.

Насколько эта рефлексивная модель продвинута на фоне того, что студент воспроизводит по логике "сосуда знания", покажет будущее. И оно же решит судьбу двух вопросительных знаков в заголовке проекта.

5.4. Какова аргументация этих выводов с точки зрения результатов анализа *динамики* игровой деятельности?

На Практикум пришли студенты выпускного курса, для которых, как полагали авторы, не характерен рефлексивно-дискурсивный тип деятельности. В свою очередь, для преподавателей, полагали авторы, вероятно, характерны "опекунские", патерналистские настроения в отношении вовлеченных в необычную ситуацию студентов. И для тех, и для других более чем вероятно настороженность в отношении намерений авторов Практикума и, особенно, гуманности способов их взаимодействия с участниками. О предполагаемых трудностях игрового моделирования, прогнозируемых самими авторами, сказано в разделе 2.

5.4.1. Как уже было отмечено, процедура самоопределения - суть каждого игрового задания и их транзитивности в целом. Следует отметить, что весь ход Практикума характеризуется синкретичным типом самоопределения. Это значит, что в действиях участников фактически переплетались

(а) аффект (эмоции); (б) более или менее отрефлексированные предпочтения и интенции, выраженные в индивидуальной (морально-психологической) ориентации того или иного студента на традиции или новаторство; (в) рационально-взвешенные, реалистические процедуры примеривания своих ожиданий к объективно сложившейся педагогической ситуации в городе. Показательно, что эти составляющие самоопределения по своему удельному весу на том или ином этапе Практикума проявляли себя по-разному. Нельзя, однако, сказать, что Практикум проявил сильную тенденцию транссубъективного движения (равно как и интерсубъективного) от аффективного к взвешенному состоянию выбора (самоопределения).

5.4.2. Содержательная метаморфоза с темой педагогического успеха более динамична и эффективна. Авторы полагали, что ее можно и нужно провести буквально через каждый этап работы участников Практикума. С одной стороны, можно сказать, что это намерение осуществилось. Аргументами в пользу такого вывода являются, в первую очередь, итоги самоопределения участников к диалогу о Первом и Последнем и весьма категорическое желание участников не принимать "опекунства", которое первоначально являлось основным "товаром" фирмы консультантов.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что понятие педагогического успеха реально функционировало на этапах Практикума нередко не через операционализации и конкретизации, но через свои паллиативы. В прямой своей формулировке тема педагогического успеха - как стремления к достижению, конкуренции результатов, готовности к риску, потребности в договорных отношениях ("правилах игры") и т.п. - не была "услышана" в начале Практикума; во многом "не услышанной" она осталась до конца. Точнее говоря, оставалась таковой до тех пор, пока игровые задания прямо не выводили участников Практикума на идеи риска, контрактных отношений и т.п., но и в этих случаях понятие успеха "не узнавалось" как инвариант своих составляющих. Наиболее дискурсивными составляющими темы педагогического успеха для студента выпускного курса являлись его интерсубъективные составляющие (а именно - "авторитет" в его "данном", а не "заработанном" виде, "доверие" в его контрактном, а не "заработанном" виде и т.д.).

5.4.3. Все игровое сообщество Практикума в его движении от первого этапа к последнему отличало состояние односторонней готовности к культурному и педагогическому изменениям. Попросту говоря, ожидания больших привилегий и гарантий в отношении субъектного изменения, но в меньшей степени - во вне. Особенно это проявлялось в ожиданиях большего потенциала доверия в отношении себя (в первую очередь, со стороны педагогического коллектива и директора тех школ, в которые выпускники будут распределены), но неготовности

обеспечивать формирование доверия учеников, тех, кем они будут управлять в школе.

В качестве примера сравним начало и финал работы. Начальный этап Практикума: поле, соединяющее участников игры, располагалось внутри "меры" и "способности" к импровизации. В процессе "примеривания на себя" разных систем философско-педагогических ценностей конфликтное поле переформировалось в дихотомию: управление педагогическим процессом - доверие. Прожективный (заключительный) этап Практикума показал, что поле "управление - доверие" из субъективного состояния было обращено в объективное. Это означает, что педагогическая ценностная система "примеривалась" в ходе практикума дважды: выпускник как субъект ценностной системы, выпускник как объект доминирующей системы педагогических ценностей.

5.4.4. Конечное состояние Практикума зафиксировать достаточно сложно. Это связано с тем, что, как нам представляется, конечное состояние не совпало с формальным окончанием Практикума, а оформилось раньше - в тот момент, когда участники Практикума перешли к прожективному "проживанию" своего выбора, совершенного в предшествующих заданиях. Процедура "примеривания на себя" разных систем педагогических ценностей оказалась менее болезненной, чем процедура "размещения" себя или же "перемещения" себя в ту или иную систему.

Наиболее яркий пример: ожидания выпускника от первого столкновения с самостоятельной педагогической деятельностью, выраженные через доминанту "страха"; здесь четко просматриваются две категории ожиданий - от встречи с классом и от вхождения в педагогическую среду. Отсюда проистекают рекомендации, переданные "Заказчику".

Проект еще не завершен, но благодаря первым его шагам уже становится очевидной витальная потребность в инсталлировании в сегодняшнее российское общество как самого "успехологического" дискурса, так и, возможно, в первую очередь, дискурса педагогического успеха.

Условия жизни трансформирующегося общества, как показывает опыт последних нескольких лет, оказывают незначительный эффект на реструктуризацию личности своих базовых жизнесмысловых и достижительных установок.

"Молодое поколение" остается в этом смысле последней надеждой. Но как велик здесь риск воспитательной ошибки!

Тюменский государственный нефтегазовый университет
**УСПЕШНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ РЕГИОНА:
МОДЕЛИ
ВЧЕРАШНЕГО, СЕГОДНЯШНЕГО И ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ**
(Анализ экспертного мониторинга)

Тюменский государственный нефтегазовый университет появился на карте российских вузов сравнительно недавно, но его предшественник - Тюменский индустриальный институт - имеет давние традиции подготовки "нового поколения" профессионалов в нефтегазовой сфере. Стремясь "оправдать" переименование, новый университет поставил перед собой весьма необычную задачу - обновление через самореструктуризацию в образовательную корпорацию нового типа.

Научно-исследовательский институт прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета (НИИ ПЭ) учрежден в 1995 году с целью изучения проблем прикладной этики, с учетом их актуальности для ТюмГНГУ и региона. Тема исследований первого года деятельности НИИ - "Дух образовательной корпорации: потенциал успешного профессионализма".

В течение 1995 года НИИ ПЭ проводил экспертный мониторинг (три этапа его отражены, соответственно, в трех рубриках аналитической записки), отслеживая главные тенденции в рефлексии ситуации выбора стратегии развития университета среди преподавателей, управленцев, студентов и выпускников бывшего Тюменского индустриального института. Результаты и материалы этого мониторинга регулярно появлялись на страницах Ведомостей НИИ ПЭ.

В настоящем аналитическом обзоре представлены результаты годичного опыта рефлексии модернизации одного из субъектов "нового поколения" вузов постсоветской России. Его сверхзадача - экспертиза опыта "выращивания" моделей делового и профессионального успеха в Тюменском индустриальном институте, характеристика их влияния на этос делового успеха в регионе и определение задач этического консультирования этих моделей в процессе трансформации индустриального института в нефтегазовый университет.

Исходные материалы для анализа опубликованы в трех первых выпусках Ведомостей НИИ ПЭ.

Университет как образовательная корпорация?

Несмотря на определенную инновационность самой постановки вопроса о формировании образовательной корпора-

ции на базе традиционного - для советского периода нашей истории - вуза, эта задача не показалась экспертам "шокирующей". Скорее даже наоборот.

"Уже сейчас университет напоминает транснациональную корпорацию. В ней есть и "синие воротнички", и "белые воротнички", высший и средний менеджмент и ... рядовые акционеры". Так, с явным метафорическим подтекстом, сформулировал один из экспертов, участвующих в первом туре опроса, состояние готовности вновь созданного университета к изменению своего культурно-институционального облика и даже структурно-ролевой "начинки".

Внутренний поиск - пусть даже еще и неартикулированный - обновленной идентичности прежде всего стимулировал постановку бесконечного числа вопросов и интерпретационных версий, совершенно несвойственных для "спокойного болота" институциональной медитативности советского периода.

Включенные в программу экспертного опроса проблемы телеологического свойства - к примеру, чему служит университет? - порождали полярно противоположные дискурсивные идеологемы (в данном случае - в интервале от нормативной стратегии подготовки "узкого специалиста" до стратегии предельной многопрофильности). Атрибут "нефтегазовый", казалось бы, детерминирует профильность, но, в то же время, "университетский" статус подспудно ориентирует на интеллект и гуманитарность, пусть даже и противоречащие здравому смыслу рыночной ментальности в области образовательных услуг. Прагматическую рецептуру обнаружения "золотой середины" предложить не смог практически никто из экспертов, если не считать ряд весьма примечательных суждений о "равноправии" всех кафедр университета и о корпоративной цели достижения престижного статуса "элитного университета".

Телеологический акцент рефлексии подталкивает экспертов к размышлениям о том, каким интересам должен служить университет. Становление университета как образовательной корпорации приводит к тому, что каждый "рядовой акционер" корпорации получает шанс достижения личных интересов через свою принадлежность к чему-то большему, то есть университету. Полный разрыв с практикой тоталитарного вуза виден уже на примере того, как происходит постепенное понижение в университетском дискурсе культурно-символического статуса "общего интереса". "Коллективные интересы - это всегда абстракция... Другое дело, что личные интересы могут совпадать... Момент совпадения личных интересов и есть коллективный интерес... Но этим управлять очень сложно, ибо все в таком процессе - стихийно", - утверждает один из экспертов мониторинга. Вопрос - насколько эта риторическая формула совместима с образом "нормального

университета"? Все еще весьма сложно для обыденного сознания свести две идеи - государственного финансирования и следования личным интересам. Но разве не по этому же парадоксу живет любое рыночное общество?

Ролевое распределение внутри университетской корпорации видится всем ее членам приблизительно одинаково - в виде пирамидальной конструкции властно-функциональной иерархичности трех ролевых групп: студенчество - преподаватели - управленцы. Роли первых двух - относительно ясны, прояснение роли и статуса третьей группы еще только предстоит, но оно принципиально для процесса оформления образовательной корпорации.

Само понятие "управленцы" все еще прочно не закрепилось в языке внутриуниверситетской коммуникации, хотя понятно, что за ним стоят ректорат-деканаты-прочие службы. Как и в любой корпорации, университетские управленцы обладают полномочиями, сверхполномочиями, сверх-полномочиями. В систему первых входят все вопросы организационного обеспечения образовательного процесса (функция поддержки), но решение именно этих задач мало вероятно без активного вторжения управленцев в содержание и форму образовательного процесса, что, по существу, уже является их сверхполномочиями. Сочетание первого и второго приводит к формированию особой внутриуниверситетской культуры контроля-и-господства, делающей управленцев практически владельцами образовательной корпорации. В их ведении на деле оказываются любые ответственные вопросы, ими же принимаются наиболее значимые для жизни университета решения, то есть как бы предопределяется лицо всей университетской корпорации.

Выстраивание образовательной корпорации, видимо, вряд ли возможно без реструктуризации - в демократическом смысле - этой властной пирамиды, без, хотя бы, избираемости и подотчетности управленцев перед "рядовыми" членами всей корпорации, без, в конечном итоге, придания им чисто менеджерского статуса и, возможно, частичного отчуждения от вопросов формы и содержания образовательного процесса. Экспертиза этой идеи показала, что корпорация фактически готова к реформе "правил", по которым намерена развиваться стратегически в самой ближайшей перспективе.

Модели профессионализма в телеологическом дискурсе образовательной корпорации

По-разному можно относиться к старой системе вузовской подготовки в нашей стране, но очевидно, что при "развитом социализме" университеты и институты были той "кузницей кадров", аналогов которой в мировой практике весьма

немного. Советский Союз устойчиво занимал одно из ведущих мест в мире по уровню - качеству и масштабам - вузовского образования. Разумеется, даже беглого знакомства со старой системой достаточно, чтобы понять, что подготовка специалистов и профессионалов - это и в те времена было не одно и то же. Задумав экспертный опрос тех выпускников Тюменского индустриального института, которые сегодня по общему признанию могут считаться людьми состоявшимися, мы хотели проявить, хотя бы в общих чертах, контуры этого различия.

Получив высшее образование при "старом режиме", успешно работая при брежневском социально-экономическом и политическом "порядке", "состоявшиеся выпускники" успешно адаптировались к новым условиям и по-прежнему находятся в фарватере успешного профессионализма. Разумеется, их заслуги во многом являются продуктом настойчивого трудолюбия и стремления к профессиональному совершенствованию.

Могут ли они и сегодня восприниматься в качестве, так сказать, "живых образцов" успешного профессионализма - действующими моделями для реструктурирования университетом своей образовательной системы? Как бы эксперты не отвечали на этот вопрос (в значительной степени отношение к модельным личностям является делом сугубо индивидуального выбора каждого человека), - в любом случае их мнение о системе вузовского образования (в стране и в конкретном вузе), поставленной в жесткие рамки тотальной трансформации, интересны и важны для того образовательного учреждения, выпускниками которого они являются.

Рассуждения успешных, состоявшихся выпускников ТИИ оказались чрезвычайно различными, хотя отвечали они на узкий круг вопросов, которыми постоянно задаются участники университетской корпорации: КАК И КАКОГО ПРОФЕССИОНАЛА ГОТОВИТ (ИЛИ ДОЛЖЕН ГОТОВИТЬ) ТНГУ? Только один пересказ проведенных бесед занял бы, по меньшей мере, несколько десятков страниц, поэтому максимально схематично изложим обнаружившиеся в экспертном сознании три модели вузовской профессиональной подготовки.

Итак, три модели, три отношения, три концепции, образно говоря, три видения того, какой профессиональной подготовкой занимался Тюменский индустриальный институт в прошлом, какой занимается вновь образованный университет сейчас и какой должен был бы заниматься в идеале. При этом они не являются конкурирующими друг с другом и требующими выбрать только одну из них. В определенном смысле их даже трудно сравнивать, поскольку они связаны с разными подходами к проблеме. Справедливее было бы считать все три модели взаимодополняющими, равноположенными, неконфлик-

тными. Названия этим моделям даны нами условно - "ностальгическая", "технократическая" и "рыночная", - а их изложение может показаться подчас несколько утрированным подчеркиванием главного тезиса.

Принципиальное отличие между тремя моделями заключается в акцентировании контекста, в котором располагается фигура профессионала - выпускника ТИИ/ТюмГНГУ. Согласно одной из них, профессионал, которого готовит университет, свободен от внутренних ограничений и универсален, его главное достоинство - в способности найти свое место в рыночных условиях. Согласно другой, - профессионал силен своим знанием и, если таковых ему достаточно, он с легкостью адаптируется при любом социальном или политическом устройстве общества. А согласно третьей модели, апогей профессиональной подготовки остался в прошлом, сегодня профессионал либо ущемлен, либо не ведает, к чему его готовят.

Остановимся вкратце на описании каждой модели.

"Ностальгическая" модель

Какие бы серьезные сдвиги ни произошли в российском обществе, не стерта еще память о стабильной и эффективной - прежней! - вузовской образовательной системе, в определенном смысле адекватно отвечавшей на запросы времени. В формальном значении вузовская подготовка времен социализма дала позитивный опыт, отрицать который полностью было бы большой глупостью. Но именно эта система задала и специфическое отношение к тому, какого профессионала готовит технический вуз. Мысленное сравнение выпускника индустриального института и профессионала, какого готовит наш университет сейчас, приводит некоторых экспертов к весьма любопытным выводам.

Старая система готовила "нормального" инженера, то есть "нормального" профессионала. Время и реформы (которые, кстати, мало что изменили в производственной сфере) привели к тому, что старый - хороший - образец если не разрушен, то, по крайней мере, сильно поврежден. Сегодняшний выпускник - уже не столь хорош, то есть, если развивать эту логику, не столь "нормален"!

Новое поколение выпускников, по образному выражению одного из наших экспертов, суть номинальные работники. Нормальный инженер - продукт старой системы подготовки профессиональных кадров - был самодостаточен, от него всегда была отдача. У сегодняшнего выпускника изменилось мировоззрение, а потому у него и другое отношение к труду. Эта деталь для нас очень важна: прежний тип выпускника оценивается в категориях успешного профессионализма потому,

что он демонстрировал собой особое отношение к труду, чаще всего - альтруистическое (по принципу "ради общего дела").

Из центральной части этой модели и вырастает, в частности, отношение экспертов к кардинальным проблемам сегодняшнего переустройства университета:

- нужны ли студентам особые права? Вряд ли;
- хороша ли практика свободных посещений? Вряд ли;
- нужен ли коллективный договор с администрацией? Вряд ли.

За этим отношением к образовательным инновациям стоит целостная - вполне здравая - позиция экспертов. Современный работодатель нуждается в специалистах. Несмотря на все издержки "духовного климата" социалистического вуза, он все же готовил специалистов. Другое дело, что к старой системе неплохо было бы добавить языковую подготовку, психологию управления, гуманитарных знаний вообще.

Условия производства сейчас могут считаться рыночными лишь с большой натяжкой. Прежде специалист сам себе ставил задачу и сам же исполнял ее; сегодня у него нет желания даже поставить ее, - его отношение к профессии выстроено в режиме "могу работать, а могу и не работать!". Иными словами, "ностальгическая" модель профессионализма выстроена в логике здоровой критики профессионализма сегодняшнего выпускника.

Кстати, трудно что-либо возразить против модели специалиста, четко реализующего - пусть даже в автономном режиме - свой участок производственных задач.

Примечательно, что в этой модели понятие "специалист" является не просто стержневым, но совершенно незаменимым. Его не заменить ни на "успешного профессионала", ни на какой-либо другой термин из словаря "рыночной экономики". Да и вообще понятия "успех" и/или "прагматизм", как составляющие профессиональную культуру выпускника ТюмГНГУ, с трудом вписываются в словарь этой модели профессионализма.

"Рыночная" модель

Российская реформа принципиально изменила социально-профессиональную среду. И, как выразился один из наших экспертов, сегодня опасность того, что "человек профессионально может не состояться", куда выше, чем несколько лет назад. Ситуация профессионального риска вынуждает идти на переоценку вузовских приоритетов.

Конечно же, по-прежнему университет должен ориентироваться на подготовку "классных" специалистов, но при этом надо учитывать, что ценностью "номер один" в профессиональной культуре личности становится ее способность к межпрофессиональным перемещениям. Базовых знаний еще не достаточно, чтобы с легкостью адаптироваться к разным

профессиональным позициям, к переходу из одной позиции в другую.

Сторонники этой модели профессионализма, разумеется, отчетливо осознают, что каждый студент имеет свой "потолок", выше которого не прыгнешь. Но опыт последних лет показывает, что Тюменский индустриальный институт готовил студентов к деятельности одного типа, а его выпускники с легкостью - в большинстве случаев - "перепрыгнули" в рыночную экономику. Несмотря на то, что в старой вузовской системе было "много непрактичного".

Сторонники этой модели предлагают нам свою формулу университетского (для ТюмГНГУ) профессионализма, адаптировав ее под новые российские условия:

успешный выпускник = инженер + хорошая социально-экономическая "начинка".

Университет переходит на систему бакалаврат+магистратура. На первой ступени университет как бы снимает с себя ответственность за молодого специалиста, давая ему только самые общие, фундаментальные знания чаще всего технической направленности. Бакалавр по-прежнему является в старом смысле "технарем". На второй ступени выпускник получает солидную социально-экономическую подготовку и, соответственно, к нему уже ни в коей мере термин "технарь" не применим. Профессионализм второй ступени - высоко развитое и организованное экономическое мышление, "привязанное" к специфике отрасли.

В соответствии с этой моделью студенты должны получить больше внутренних прав, в частности, на распределение стипендий, свободное посещение и т.п., прав, характеризующих тип людей свободного выбора. Но и сама университетская корпорация должна бы реорганизоваться "по-рыночному". Это не значит, что проводится "кадровая чистка", но каждый получает дополнительный шанс на адаптацию к рыночным условиям и т.п.

Сторонники этой модели профессионализма видят в выпускнике ТюмГНГУ инженерно-экономического универсала, способного на высокую межпрофессиональную мобильность и готового к совершенно самостоятельной деятельности в роли независимого экономического субъекта. И вряд ли кто усомнится в том, что дефицит на "рыночную" личность отличает сегодняшнее состояние российской экономики: совершенно очевидно, что массовая подготовка рыночных субъектов - это, по меньшей мере, университетская утопия, так и не реализованная ни в одной стране мира. Даже в экономически самых развитых странах "рыночники" - элитное меньшинство общественно-профессиональной структуры общества.

"Технократическая" модель

Технократический подход игнорирует тип и характер условий, в которые поставлен сегодняшний студент или в которых он может оказаться после выпуска. Не интересуют сторонников этой модели проблема общей культуры, мировоззрение и метафизика трудовых ценностей профессионала. Главной ценностью для них является сочетание: знания + компетентность + эффективность.

Отсюда вполне естественен их подход к оценке ТюмГНГУ как образовательного учреждения. Как выразился один из экспертов, "ТюмГНГУ был и будет техническим вузом". Вполне логически из этого вытекает, что нет более значимой задачи, чем задача фундаментальной подготовки инженера в области физики, математики, компьютеризации. Новая система - бакалаврат + магистратура - должна означать то же самое, что и в старые времена, предполагая более высокий уровень компетентной подготовки того же инженера.

Сторонников этой модели профессионализма трудно обвинить в односторонности, поскольку они настаивают на всесторонности в подготовке студента, но всесторонности - технической. Выпускник должен быть гармоничной личностью, общительным, командным человеком, и иметь свою идеологическую позицию. Но все это вторично перед его инженерно-технической компетентностью.

Понимая опасность технической сверхподготовки выпускника, сторонники этой модели профессионализма готовы активно поддержать идею адресной подготовки студента (по договору с предприятием, соответственно определенным и заявленным кадровым нуждам, с учетом межвузовской кооперации и т.д.).

Вполне понятна в этой связи позиция сторонников данной модели по отношению к сегодняшнему статусу университетского студенчества. Если студент приходит в университет прежде всего за специальными знаниями, то, спрашивается, к чему ему особые права? Тем более, что сами студенты не очень-то стремятся получить их, осознавая, видимо, что при этом они должны брать на себя и соответствующие обязательства.

В то же время, считают сторонники этой модели, параллельно идет индивидуализация подбора и подготовки студенчества. Ситуация, с одной стороны, естественная, - так и должно быть у высоко компетентного технического профессионала, но, с другой, - это неизбежно приводит к препятствующему развитию технической образовательной системы - превалированию коммерческого интереса над интересом к знаниям.

Сторонники этой модели бессознательно апеллируют к патерналистскому типу отношения университетской корпорации к студенчеству. Эту административную позицию нетрудно понять, - процесс высшего образования в этой модели преимущественно ориентирован на максимальное "наполнение" студента техническими знаниями, а для этого можно и нужно оградить его от сложностей "внешней" жизни. Вывод сторонников этой модели очевиден: высоко компетентный специалист нужен любому социально-экономическому строю, экономическая же организация производства - предмет деятельности узкоспециализированных менеджерских кадров.

Завершим эту часть анализа. Как нам кажется, мы смогли уловить на уровне тенденции тяготение экспертов - успешных выпускников Тюменского индустриального института - к трем моделям понимания того, КАКОГО ПРОФЕССИОНАЛА ГОТОВИТ (ИЛИ ДОЛЖЕН ГОТОВИТЬ) ТНГУ.

Разумеется, ни один из наших собеседников не поддержит ни одну из описанных моделей "в чистом виде", целиком, но в некоторых моделях он найдет для себя больше плюсов, чем минусов. И в этом смысл того, что мы назвали выше "тенденцией тяготения".

Фактически мы имеем дело с тремя такого рода тенденциями:

1) тенденция к признанию того, что утрата "старых" ценностей труда не заменима, а полноценный профессионализм в отсутствии таких ценностей не осуществим;

2) тенденция к признанию совершенного примата технических знаний над всем остальным опытом, которого набирается студент перед тем, как отправиться в свободное плавание в море профессионализма;

3) тенденция к признанию главенства привязки любых инженерных знаний и компетентности к экономической субъектности и способности (=готовности) к межпрофессиональной мобильности.

Осуществить "здоровый выбор" между этими тремя моделями профессионализма поистине невозможно. Каждая из них безукоризненна по-своему, но каждая и ущербна, по крайней мере, в том смысле, что ни одну из рассмотренных схем профессионализма практически не реально поставить на "поток". Нельзя, да и бессмысленно, из всех студентов готовить "заядлых рыночников" или технических "гениев", равно как и не возродить искусственно "старые" трудовые ценности и профессиональную культуру.

Четвертого не дано!

Невозможно соединить все три модели профессионализма, создать на их основе четвертую и положить ее в фундамент долгосрочной стратегии развития ТНГУ. К несчастью для преподавателей и университетской администра-

ции (?), но к счастью студентов (?) следование той или иной модели профессионализма остается предметом свободного выбора каждого студента.

Искушенному в организации внутриуниверситетского пространства ректору, его управленческой команде и преподавательскому корпусу не остается другой стратегии, кроме как создания условий для сосуществования всех трех моделей профессионалов, благо общественный запрос существует на каждую из них. Нужны в обществе и рыночники-отраслевники, и "хранители" трудовых профессиональных ценностей, и высоко компетентные технические эксперты. Возвращать эти три модели в студенческой среде можно разными путями, но стратегия лежит в пространстве договора между всеми коллективными членами университетской корпорации: студенчеством, управленцами и преподавательским корпусом. От договора не уйти.

Успех и/или профессионализм

Сочетание двух понятий - "профессионализм" и "успех" - на первый взгляд кажется естественным и легко осуществимым как на уровне мыслительного эксперимента, так и в процессе конкретного сравнения или оценивания людей с точки зрения их соответствия этим двум стандартам (критериям) деловой культуры. Более того, широко распространенная метатеза этих двух понятий в повседневной коммуникации укрепляет нас в уверенности, что оба понятия, скорее, суть одно и то же или, вернее, - одно объясняет другое. На поверку обыденная тождественность "профессионализма" и "успешности" оказывается не просто некорректной синонимизацией, но и, во многом, путающим "карты" упрощением.

Идея и опыт интервьюирования людей "делового успеха", тех, кого, по общему признанию, можно легко отнести к разряду "деловых" и "успешных", является эвристичной попыткой понимания природы постсоветского профессионализма. Если не "деловому" человеку судить о том, что такое "дело" и "деловой успех", тогда - кому же?

При этом экспертные оценки того, что такое "дело", могут быть весьма различными и в своей совокупности создавать впечатление, что "общего знаменателя" - понятийного консенсуса - относительно смыслов и значений "дела", по сути, нет не только в гуще масс, но и среди собственно "людей дела".

Напротив, понимание природы "профессионализма" может показаться не столь разноречивым и не порождающим особого многообразия экспертных толкований. Как замечают многие из наших экспертов, "профессионализм и 25 лет назад был тем же самым", поскольку очевидно, что "профессионализм - он и в Африке профессионализм". То есть, понятию как бы отказано и

в культурно-хронологической, и в культурно-географической динамике. Наверное, при метафорическом видении предмета суть "профессионализма" в чем-то неизменна, однако нельзя обойтись без рационального подхода.

Труднее всего сопротивляться интеллектуальному искушению успокоиться на мысли о том, что понятие "Дела", как более метафизическое и расплывчатое, чем объективно и субъективно measurable "Успех", содержит в себе значительный заряд индивидуализированного начала. Тем более, что из этого легко заключить, что "Профессионализм" как явление, которое можно "пощупать", взвесить, оценить, относится, соответственно, к понятиям из разряда объективных показателей (или даже индексов!) индивидуальной культуры человека.

Остановимся на некоторых наиболее значимых тенденциях экспертной рефлексии понятий "профессионализм" и "успешный профессионализм".

Зачастую "профессионализм" интерпретируется сквозь призму количественного критерия - "объема знаний". Отсюда несложно вывести прямую зависимость "профессионализма" от количества специальных (или неспециализированных) знаний, которыми располагает тот или иной специалист-профессионал. Причем, когда мы говорим "знания", то имеем в виду далеко не только и даже не столько "школярские" знания теоретического или прикладного характера.

Знания, характеризующие "профессионализм", по мнению многих экспертов, носят более отвлеченный и комплексный характер. Это "знание" того, как контактировать с людьми, эффективнее построить свою работу, реализовать разные возможности и т.п. В этой связи важно подчеркнуть, что широкая перспектива знания, почти по единодушному мнению экспертов, выстраивается именно в тех образовательных стратегиях, где студентам дается многопрофильная подготовка.

"Профессионалы - это люди, которые хорошо знают свое дело". Казалось бы, найдена простая и достаточно многозначительная формула "профессионализма". Но именно в развитии и интерпретации социальной значимости этой "конструкционистской" формулы эксперты разошлись весьма значительно.

Даже не обнаружив в анкете вопроса о том, должно ли сегодняшнее российское общество культивировать в себе ценности "успешного профессионализма", эксперты подспудно сами ставили перед собой этот кардинальный вопрос формирования "нового" российского мировоззрения и весьма неоднозначно на него отвечали.

Для одной части экспертов проблема "успешного профессионализма" не является общественно значимой, поскольку содержание понятия может быть определено лишь самим человеком для себя лично, а посему насколько индивидуализированно прочувствована им эта проблема,

настолько она и значима для него. У общества практически не остается "зазора" для вторжения в это сугубо субъективное пространство индивидуального выбора.

Другая группа экспертов, напротив, склонна предельно актуализировать эту проблему и даже в чем-то завышать ее социальное значение. Проблема "успешного профессионализма" становится, с легкой руки этих экспертов, в один ряд с такими проблемами, как экономический кризис, экологическая ситуация и т.п. Даже более того, от развития слоя "успешных профессионалов" в прямую зависимость ставится динамика социально-экономического развития страны. Примечательно, что эксперты оказались не чуждыми и мысли об обратной зависимости развития слоя "успешных профессионалов" от ситуации в стране в целом.

В то же время - закономерные экспертные метаморфозы? - поскольку практически никто не готов оценивать сегодняшнюю ситуацию в обществе в "светлых тонах" (или, хотя бы, в тонах взвешанно-нейтральных), то и культуру "успешных профессионалов" ряд экспертов предпочитают характеризовать скорее со знаком минус. Подлинный "профессионализм" невозможен, с их точки зрения, без соответствующего набора нравственных ценностей и идеалов. А сегодня они заменены "погоней за наживой" и "тупой страстью к деньгам", что в конечном итоге сказывается на общепрофессиональной культуре. "Профессионалы" тотально меркантилизируются. Многие их социальные и политические ценности становятся мнимыми на фоне более глубинного интереса к деньгам. Отсюда делается вывод, что проблема "успешного профессионализма" нуждается в глубинной реструктуризации и даже - обновлении.

Наконец, третья группа экспертов считает, что природа "профессионализма" в определенном смысле постоянна, по крайней мере, за последние несколько десятилетий она не претерпела принципиальных изменений. Сегодня она обрела "новое дыхание", поскольку вчерашние профессионалы обретают новые условия труда и жизни, которые дают возможность расцвести их талантам. Еще "вчера" они почти не заботились об "успешности" той организации или институции, в которой работали. Не заботились они и о своей собственной "успешности", поскольку их успешность, при условии проявленного "профессионализма", гарантировалась организацией или институцией, в которой они были "прописаны". Словом, "вчерашний" человек стремился к "профессионализму", не задумываясь об "успешности" своей деятельности. Такая установка безвозвратно канула в прошлое, - считает ряд экспертов, и задача вузов заключается в том, чтобы реанимировать в современном "профессионале" установку на "успешность".

В профессионалах вообще есть нечто вневременное, неизменное. Ряд экспертов отстаивают точку зрения о том, что

если вчера некто был профессионалом (считался таковым в своем профессиональном сообществе), то это качественное состояние по-прежнему присуще ему и сегодня (хотя может и не быть адекватно оценено сообществом). Время способно изменить лишь "техническую начинку" активности профессионала, но его всегда отличает способность быстро и адекватно реагировать на изменения в обществе, самому производить инновации.

Те, кто оспаривают эту точку зрения, в основном отстаивают хронологически размещенный в прошлом экспертный взгляд на проблему. По мнению ряда экспертов, "истинным профессионалом" можно было стать только вчера, когда в нашем (советском) обществе еще были сильны традиции высшего образования и, в целом, существовали вполне благоприятные условия для каждого человека, готового к профессиональному росту. Именно тогда "профессионал" рождался как бы на чистом интересе и страсти любого индивида к удовлетворению своих образовательных потребностей. Хотя, впрочем, этим "профессионалам" все же чего-то не хватало.

Даже если и признать правомерность этих экспертных точек зрения на проблему, трудно возразить тем, кто считает, что только сегодня наступила наиболее благоприятное в истории страны время для процесса формирования целого общественного слоя "истинных" профессионалов, людей, которых отличает прежде всего чувство ответственности за себя и свое "Дело". Любой гражданин сегодня наделен несимуляционным правом на выбор "Дела", которое может обеспечить ему интересную и полноценную жизнь. Тот, кто по-новому делает выбор, кардинально отличается от своих вчерашних предшественников.

Современный вуз находится в чрезвычайно сложной - в стратегическом смысле - ситуации выбора. На первый взгляд может показаться, что вуз легко может перестроиться в соответствии с рыночными условиями жизни. Но если рынок и оказывается единственной перспективой для дальнейшего развития экономики страны, то буквальное копирование рыночных механизмов в системе высшего образования представляется весьма проблематичным.

Университет не может, отвечая на сиюминутные запросы рынка, пренебрегать задачами фундаментального образования в угоду практической потребности формирования чистой "рыночной субъектности". Не может уже хотя бы потому, что трудно предвидеть сегодня те образовательные задачи, которые, возможно, сформируются завтра. Словом, университе-

ту неизбежно приходится искать себя между прагматической рыночностью и теоретической заоблачностью.

Соблюсти в этом мере - that is the question! Мера в определении стратегии развития может быть "прочувствована" всей университетской корпорацией.

Только образовательная корпорация, понятая как единый организм, объединяющий индивидов с разными установками на успешность, способна вырастить внутри себя свой идентичный критерий "успешного профессионализма".

Только образовательная корпорация, оглядываясь на государственный образовательный стандарт и рыночные мерки профессионализма, может успешно адаптировать внутри себя идентичный кодекс - "правила игры" - совместно-индивидуальной деятельности всех рядовых членов корпорации.

Только образовательная корпорация, а не "образовательное учреждение", может удержаться от противоборства установкам ее членов на успешность, понимая, что суммированный успех всех ее членов и есть ее главный символический капитал.

Только образовательная корпорация - целостный институт - может активно "вмешиваться", как субъект гражданского общества, - пусть на локальном уровне - в социальную, хозяйственную и политическую жизнь региона, в равной мере с другими рыночными и политическими субъектами участвуя в формировании и адаптации "новых" критериев и стандартов "успешного профессионализма".

Иными словами, постепенно превращаясь в образовательную корпорацию, университет перестает, с одной стороны, плестись за государственными - федерально-усредненными - стандартами профессионализма (в которых нетрудно разглядеть рецидивы тоталитарного прошлого), с другой, - идти на поводу запросов еще не оформленного цивилизационно, только еще нарождающегося российского рынка, спрос которого на профессионалов все еще ограничен и односторонен.

Главный шаг в направлении к становлению образовательной корпорации, возможно, еще не сделан. Лишь тогда, когда сегодняшний университет подвергнет рефлексии ценностные основания своей корпоративной деятельности и задумает реструктуризацию своих "правил игры" - как для внутреннего пользования, так и для руководства во внешнем социальном пространстве, - станет понятно, что такой шаг сделан.

Биография побед и поражений

Ю.К.Шафраник

***“...ЕСЛИ КОСИТЬ СЕНО, ТО ЛУЧШЕ ДРУГИХ,
ЕСЛИ МЕТАТЬ КОПНЫ, ТО ВЫШЕ, ЧЕМ У ДРУГИХ”***

Начну с вопроса самому себе: как меня готовили к Делу в Тюменском индустриальном институте? Как повлияла атмосфера нового освоения ресурсов Западной Сибири на профессионализм выпускников института?

Базовое образование в индустриальном институте было неплохим, достаточно широким, меня оно удовлетворяло на разных этапах жизни. Недоставало возможности развивать свои знания. В то же время это стремление зависит от самого человека. В этом стремлении, видимо, появляются факторы, которые формируют личность даже в большей степени, чем базовое образование. Уже работая, я учился, осознанно учился, проходил другие институты, добирал знания по геологии, разработке. Базовое образование - это не подготовка к чему-то. Готовила сама жизнь, характер, дело, учителя и коллеги. Во время учебы в институте и потом - на производстве - многие люди оставляли след в моей биографии, память о себе.

Мне кажется, основные задатки и черты характера формируются к 15-17 годам. А годы учебы в институте заставляют сделать выбор - специализироваться в какой-то узкой области знаний или пойти дальше. В период учебы в индустриальном тон задавали сама жизнь региона, атмосфера освоения, гены и характер человека. Я точно знал, что хочу на Север, хочу реализовать свой потенциал специалиста и организатора. Уже к 5-ому курсу я это осознал, хотя и не до конца сформулировал.

Многие люди не стесняются вслух говорить о том, что сознательно стремятся к успеху, строят свою жизнь так, чтобы продвинуться по должностной лестнице, что они просто любят успех.

Я не люблю говорить об этом, и не столько из-за стеснения, а потому, что успех ради успеха меня не интересует - искренне говорю. Молодым человеком я размышлял над тем, что меня привлекает, к чему надо стремиться. Со школьных лет у меня появилась внутренняя установка - добиваться результатов, причем лучших. Если косить сено, то косить лучше

других, если метать копны, то выше, чем у других. Откуда это - не знаю: или отцом воспитано, или жизнью, или в генах заложено. Но я пришел к убеждению, что должность, карьера для меня по значимости стоят на втором-третьем месте. Главное для меня - реализовать себя, суметь осознать, поставить цель, достичь ее. Организовать дело и добиться результатов - это главное. Не хочу лукавить ни для прессы, ни для кого - для меня это самое главное.

При этом естественным путем, кстати, иногда опережая, приходили должности. В те времена это был показатель карьеры, успеха, сейчас такой показатель - счет в банке.

Из семи передвижений - четыре, как я всегда говорил, "на вырост": видимо, замечали потенциал и предлагали должность. Приходилось много работать, чтобы оправдать доверие и соответствовать уровню. А были ситуации, когда я знал, чего хочу, что надо делать, и возможность реализовать дело через должность приходила вовремя. Для меня успех - осознать цель, научиться делать что-то самому, затем организовать дело, научить людей. Должность - это не главное.

Интересно проанализировать, как менялись конфликты и правила игры, по которым можно было реализовать себя на разных этапах деловой карьеры, выяснить, какова динамика в правилах игры, которые были и во время моего директорства в нефтедобывающем предприятии в Лангепасе, и во время губернаторства в Тюмени, и сегодня, во времена руководства Минтопом.

Я считаю, что если нет конфликта, нет и дела - оно затухает. В застойные времена мы жили без конфликта, как бы в согласии сами с собой. А правила игры, безусловно, меняются. Мастер цеха - одни правила, начальник цеха - другие, генеральный директор - должность, которая позволяет самому задавать гамму правил игры. Тем более - министр. Чтобы самим формировать эти правила, приходится много работать. Выборы, парламент, лоббирование, подготовленные вовремя документы в виде законов, нормативных актов. Раньше все это делалось достаточно квалифицированно под крылом Госплана, ЦК и т.д. И если мы не научимся это делать сегодня, в новых условиях, факторов, влияющих извне, будет гораздо больше, чем разработанных нами правил, и это - худший вариант.

Кто сегодня не ругает и политиков, и бизнесменов, напоминая им старую поговорку, что политика - грязная игра и бизнес - грязная игра. Многие политики сами так говорят, особенно когда уходят из политики. Но действительно ли политика - грязная игра, или все зависит от человека?

Я бы применил слово "грязная" только в том случае, когда один и тот же орган власти (парламент, правительство...)

по одним и тем же проблемам, в одно и то же время выдает такие правила игры, которые рассчитаны и на тех, кто создает блага, и на тех, кто ворует. Работа в этих условиях и есть грязное, неприятное, тяжелое дело. А ведь вся эта грязная игра появляется в итоге деятельности конкретных людей, голосующих за законы, подписывающих соответствующие документы и т.д. Если мы добьемся, чтобы из одних и тех же органов в одно и то же время исходили нами же созданные правила игры, нами заданные цели, тогда, конечно, "грязные" правила уже можно будет искоренить.

Российская нефть и судьба России... Идет борьба мнений, характеров, установок. Кто только не говорит о конкуренции, о борьбе между нефтяными компаниями! Так вот, у нас она - бушует, потому что нефти - больше, чем потребляем, газа - больше, чем потребляем, энергии - больше, чем потребляем. А если так, то разве наши вновь созданные компании могут любить друг друга? Конечно, нет! Идет борьба. Но если она ведется по одним и тем же правилам для каждой из конкурирующих сторон - это борьба, а не грязное дело. И выживет - сильнейший.

Рубрика называется "Биография побед и поражений". Ясно, что не менее важно, если человек расскажет о своих поражениях, о том, как и каким из них выходил. Возможно, этот опыт важнее, чем опыт успеха.

Если откровенно - просто не хватает времени на анализ каких-то поражений, которые потерпел в этой жизни, на усвоение уроков, извлеченных из этих поражений. И если раньше я все же выкраивал для такой рефлексии хотя бы немного времени, то сегодня, к сожалению, жизнь не позволяет.

По прошествии лет видишь ситуации и результаты, которые можно отнести к проигрышу. Для меня это прежде всего ситуации, в которых дал слабину, поступился определенными принципами. Да, жизнь заставляет идти на компромисс, может быть, и вся наша жизнь - компромисс. Но поражение - это когда не хватило ума и воли не допустить, чтобы жизнь заставила поступать тебя так, а не иначе. В некоторых ситуациях хочется просто бросить все и сделать чуть ли не политическое заявление о том, что ты не согласен с навязываемым решением. Это поражение скорее в карьере. Но бывает так, что заявления ты не делаешь, а, идя на компромисс, - полурешаешь, полудоделываешь, полууступаешь. Эти ситуации я расцениваю как поражения, но не должностные. Завтра сменится правительство, Шафраник уйдет. Что это - поражение? Нет. Это тяжелая, резкая смена рода деятельности, характера занятий. Что же в этом страшного?

Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР.
Вып.8. *Новое поколение выбирает успех?* Под ред.
В.И.Бакштановского, В.А.Чурилова. – Тюмень- Москва:
Издание Центра прикладной этики и Финансово-
Инвестиционной корпорации «Югра», 1996. – 222с.

Редактор выпуска И.А.Иванова
Художники М.М.Гардубей, Н.П.Пискулин

В подготовке выпуска принимали участие:
А.С.Бакштановская, И.В.Бакштановская, М.В.Богданова,
Н.В.Попова, А.П.Тюменцева, Г.М.Тюменцев

Подписано в печать 11.03.96.
Формат 60x84/16
Гарнитура Lex Rublen.
Усл. печ.л. 13,9
Печать офсетная.
Бумага писчая № 1.
Тираж 999 экз.
Заказ №
Цена договорная

Отпечатано в ИПП «Тюмень»
625002, Тюмень, ул. Осипенко, 81.

**Финансово-инвестиционная корпорация “Югра”
Образована в 1993 году
Президент корпорации В.А. Чурилов**

ФИК “Югра” - одна из первых инвестиционных компаний в Ханты-Мансийском автономном округе.

В числе учредителей корпорации:

Администрация Ханты-Мансийского автономного округа
Нефтяная компания “ЮКОС”
Нефтяная компания “ЭВИХОН”
Западно-Сибирский банк развития
Чековый инвестиционный фонд “Титул”
Инвестиционная компания “Гарант-Инвест”.

Задачи корпорации: формирование и реализация инвестиционных проектов и программ регионального развития.

Инвестиционный портфель корпорации включает достаточно широкий спектр проектов, предусматривающих вложение средств в нефтегазовый комплекс, развитие жилищного строительства и другие программы социально-экономического развития округа.

Филиалы корпорации открыты в Тюмени, Нефтеюганске, Москве.

Имея в своем штате высококвалифицированных специалистов, корпорация “Югра” осуществляет: разработку технико-экономического обоснования проектов; составление бизнес-планов; проведение финансово-экономической экспертизы инвестиционных проектов; поиск партнеров и инвесторов для реализации проектов; проведение аудита; управленческие и маркетинговые услуги.

Наши адреса и телефоны:

626200, г.Ханты-Мансийск
ул.Мира,13
тел. (34671) 3-16-25
факс (34671) 3-32-70

103070, г.Москва
Старая площадь, 10/4
тел. 206-03-57
факс 206-60-80

626430, г.Нефтеюганск
мкр.11, д.26
тел. (34612) 2-49-88
факс (34612) 2-02-88

625013, г.Тюмень
ул.Республики, 122, комн.10
тел. (3452) 22-51-15

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ!

